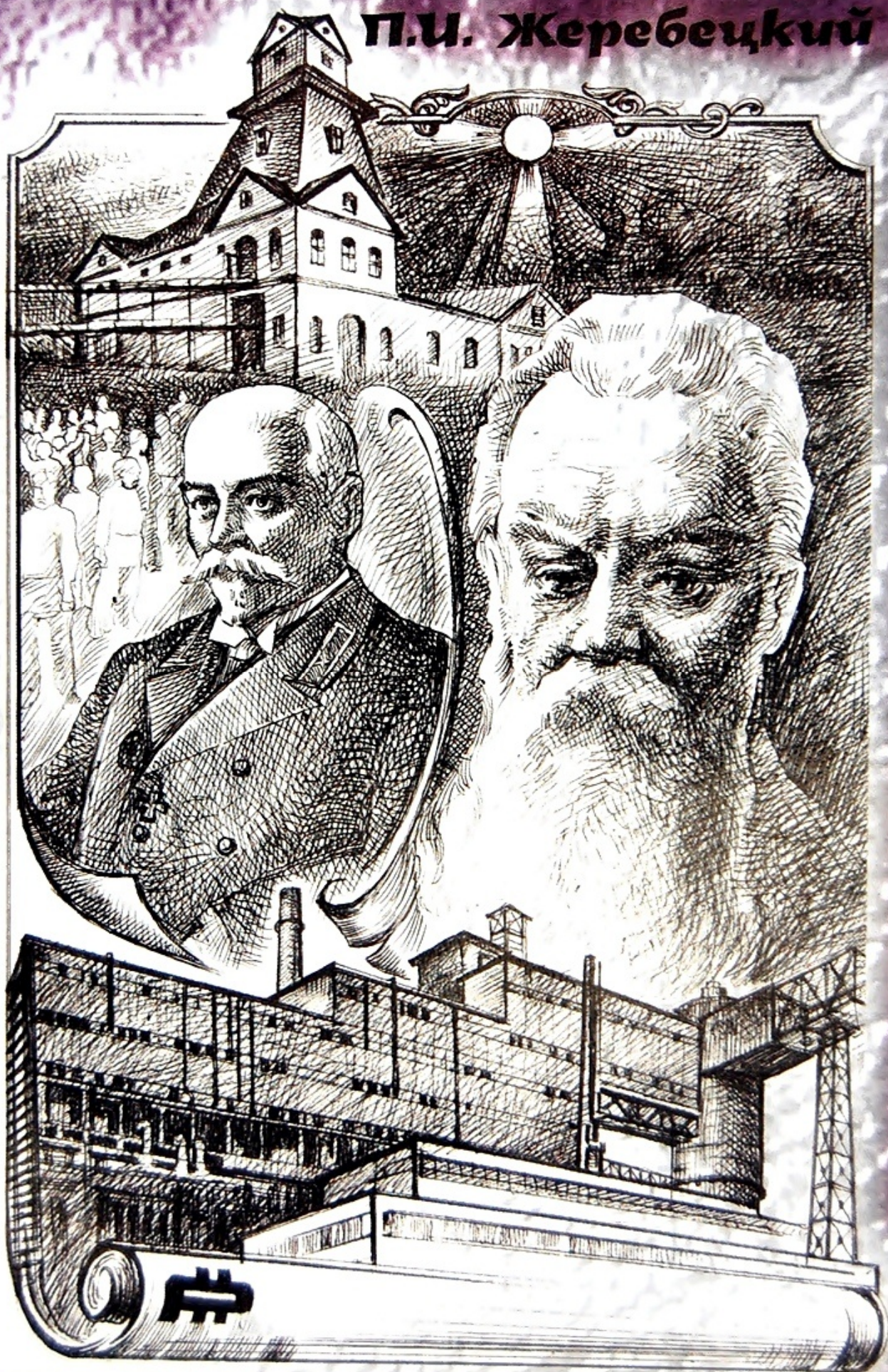

«Живое серебро» Донбасса

П.И. Жеребецкий

*Мой поклон Вам, дорогие ртутняне
всех поколений, за Ваше трудовое
и ратное подвижничество,
за добрые дела и свершения!
Вам посвящаю эту книгу.*

Г.Ферету

Автор Г.Ферету

Шахты и рудники Донбасса

<http://twinpeaks.blogspot.com>

Scan by twinpeaks © 2015

П.И. Жеребецкий

«ЖИВОЕ СЕРЕБРО»
ДОНБАССА

Донецк
Юго-Восток
2005

ББК 26.89(4УКР-47ДОН)

Ж59

Книга розповідає про ртуть — 80-й елемент Періодичної системи елементів Д.І. Менделєєва, про історію відкриття і використання ртутної руди — кіноварі Микитівського родовища і «живого срібла» в різних галузях народного господарства і військовій справі, про трудові та ратні звершення ртутнян.

Книга призначена для широкого кола читачів.

Жеребецкий П.И.

Ж59 «Живое серебро» Донбасса.— Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2005.— 251с.

ISBN 966-374-009-4

Книга рассказывает о ртути — 80-м элементе Периодической системы элементов Д.И. Менделеева, об истории открытия и использования ртутной руды — киновари Никитовского месторождения и «живого серебра» в различных отраслях народного хозяйства и военном деле, о трудовых и ратных свершениях ртутнян.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ББК 26.89(4УКР-4ДОН)

ISBN 966-374-009-4

© П.И. Жеребецкий, 2005

HYDRARGYRUM — «СЕРЕБРЯНАЯ ВОДА» — РТУТЬ

(Общие сведения о ртути и ее использовании)

*Мы в изумлѣнѣи замерли у чана:
Всем представленьям нашим вопреки,
На ртути гири медленно качались,
Не утопая, словно поплавки...
Теперь не удивлюсь — мне ртуть знакома,
Но сквозь года звучит еще в ушах:
Блеск неподдельный и ее весомость
Иметь бы нам в поступках и делах.
С. Посниченко. «Ртуть».*

С ртутью люди познакомились еще в древние времена. Способы ее получения удалось открыть и освоить в Древнем Междуречье и Древнем Египте. Но прежде самой ртути началось использование ртутной руды, содержащей киноварь, в качестве красящего вещества. Кое-где на таких месторождениях попадались капельки самородной ртути.

Ртутная руда — минерал класса сульфидов, получившая греческое название *κίτταβαρί* — циннабарит, в переводе «драконова кровь». По ряду утверждений ученых название пришло в Грецию из Индии. Некоторые алхимики средневековья называли киноварь «красным львом». На языке химиков это — сернистая ртуть HgS с алмазным блеском в виде мелких ромбоэдрических кристаллов, зерен или порошковидных скоплений ярко-красного цвета — главная руда для выплавки металла и приготовления художественной краски с таким же названием — киноварь.

Месторождений богатых ртутных руд в мире не так уж и много. Самым значительным является Альмаден (*Al Maden* — от арабского — рудник, шахта) возле одноименного испанского города в Новой Кастилии) на склонах хребта Сьерра-Морена. Тут добыча ведется свыше двух тысячелетий. Второе по величине запасов месторождение находится в Монте-Амиата в Италии. Его разработку вели еще древние греки, а после них римляне. Другие месторождения находятся в Идрии (Словения), Нью-Альмадене (Новый Рудник. США), Хайдаркане («Большой рудник», Киргизия), в Мексике, Алжире и ряде других стран.

Существует несколько легенд и гипотез об образовании месторождений. Геологами доказано скопление киновари в кварцитах Альмадена, связанное с третичной вулканической деятельностью и наличием вулканических трубок взрыва, сложенных монашеским камнем — дробленой породой с обломками известняков, сланцев, осадочных кварцитов и т. д. Также не вызывает сомнений и

проявление в прошлом подобного процесса в районе Монте-Амиата неподалеку от древнего вулкана. Возраст месторождения — 30 000 лет. Вулканические интрузивы внедрились и в разломы в районе Опалита в США. (М. М. Василевский. Рожденные в огне. М., 1976, сс. 66-67).

Наше Никитовское рудное поле сложилась к западу от одноименной станции вдоль Главной (Горловской) антиклинали (антиклиналь — складка горных пород выпуклого сложения) по линии глубинного разлома, так называемой Секущей, в карбоновых и девонских породах в результате выхода по трещинам к поверхности земной коры горячих (термальных) растворов с компонентами ртути, сурьмы, даже золота и других металлов. По пути растворы заполняли рыхлые породы известняков, песчаников, прослоек угля и т. п. и постепенно накапливали таким способом полезные ископаемые в виде линз, жил, пластообразных залежей.

Ртутные оруденения прослежены и в других местах Донбасса, в частности, в районе г. Константиновки и в зоне сочленения с Приазовским блоком в южной оконечности Украинского щита, в Амвросиевском куполе, в восточной части Главной антиклинали.

Геолог В. И. Скаржинский сделал заключение о том, что «Донецкий бассейн — ртутнорудная провинция, перспективы которой в плане поисков промышленных месторождений ртути, по-видимому, еще не исчерпаны» (Природа Украинской ССР. Геология и полезные ископаемые. К., 1980, с. 126).

Ниже прослежена история добычи киновари и возгонки ртути. В 90-е годы XX века добыча руд и выплавка их на Украине прекращена. Группа геологов Никитовского ртутного комбината в связи с этим произвела подсчет имеющихся запасов руд (в основном бедных по содержанию металла) с указанием их расположения, что может пригодиться в случае возобновления выплавки ртути в будущем по новой рентабельной технологии или в случае крайней необходимости.

У этого жидкого в обыкновенных условиях металла есть несколько названий. Одно из них в «Периодической системе химических элементов Д. И. Менделеева» с названием Hydrargyrum произошло от греческих слов «хюдар аргирис» — «жидкое серебро», «серебряная вода». Так обозначил ртуть в I веке н. э. греческий врач Педаний Диоскорид, автор сочинения «О лекарственных средствах». Он же рассказал о способах возгонки металла из киновари. Латинское название ртути *argentum vivum* — «серебро живое» (чаще говорят «живое серебро»). До конца XIX века по отношению к ртути преобладающим в ряде стран было название «Mercurium» — Меркурий по

имени древнеримского бога торговли и прибыли. «Живой водой» называют ртуть чехи.

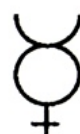
В начале средневековья были известны семь металлов. По совпадению с известными в то время семью планетами их соединили по качественным показателям и отличиям. У золота появился символ Солнца, у серебра — Луна, у металла воинов железа — Марс. Олово опекал Юпитер, свинец — Сатурн, медь — Венера. Ртуту за бегающие при разливе блестящие шарики достался упомянутый выше плутоватый подвижной купчик Меркурий.

Воззрение средневековых алхимиков на металлы воспроизвел в стихотворной форме известный ученый-химик, революционер Н. А. Морозов (1854-1946):

*Семь металлов создал свет
По числу семи планет.
Дал нам космос на добро
Медь, железо, серебро,
Злато, олово, свинец...
Сын мой! Сера их отец.
И спеши, мой сын, узнать:
Всем им ртуть родная мать!*

По выражению известного минералога и геохимика А. Ферсмана, на «филозофической руке алхимиков» ртуть изображалась на ладони в виде рыбы, объятай пламенем горящей серы. Не потому ли и у рыб и у ртути имеется одинаковый синоним «живое серебро»? Алхимики искали упрощений, обозначая и металлы и целые понятия по традиции сначала в виде иероглифов и рисуночных символов. Но единства они не выработали, у ртути было около шестидесяти знаков. Даже работающие с ней систематически не могли запомнить все символы, не то, чтобы обозначать. Иногда из-за этого случалась довольно досадная путаница.

Воспроизведем из десятка встречавшихся чаще других три символа:

Пояснения к двум последним знакам. Шесть малых колец в кружочке — символ ртути с обозначением атомной массы под ним, предложенный в специальной таблице английским химиком и физиком, автором «Новой системы химической философии» Джоном Долтоном (Дальтоном).

Третий знак — «жезл Меркурия». Круг как символ совершенства в его центре роднит «серебряную воду» с Солнцем — золотом, а вот полукруг в верхней части подчеркивает и наличную ущербность «живого серебра», подтвержденную к тому же крестом внизу. И чтобы достигнуть высшего уровня божественной орбиты, надо опытным путем подобрать волшебный ключ — открыть секрет философского камня — вещества, способного производить чудесные превращения неблагородных металлов в золото.

Вглядитесь в формулу киновари HgS , внимательно вдумайтесь. Чтобы получить ртуть, надо разрушить это «семейное» единство, «развести» мать и отца металлов, отделить ртуть от серы. Но такая операция обычно не проходит бесследно. Обозленная супруга при разводе рвет и мечет, жестоко мстит окружающим за внесение разлада в семейные отношения. Она окуривает их ядовитыми испарениями, способными превратить обидчиков, забывающих об опасности, в инвалидов и даже отправить в мир иной. Отравление ртутью называется меркуриализмом. Лишь особые меры по герметизации производственных процессов с надежной вытяжной вентиляцией, как это имело место в последние десятилетия, предотвращали вредоносное действие неуравновешенной фурии и резко укрощали ее злой нрав.

Символы были экономнее целых слов, нагляднее, но самым удачным и практичным вариантом оказалось двухбуквенное сокращение слова Hydrargyrum — Hg .

А теперь приведем более обширные «паспортные» данные ртути: химический элемент второй группы «Периодической системы элементов Д. И. Менделеева», атомный номер 80, атомная масса — 200,59, плотность — 13,52 г/см³, затвердевает при — 38,9°C, закипает при +357,25°C, плохо проводит электрический ток и тепло, в 50 раз хуже серебра. Электронная оболочка атома ртути: 2-18-32-18-8-2. На воздухе «серебряная вода» не изменяется и не окисляется, не реагирует с компонентами воздушной среды. Она может растворять многие металлы — золото, серебро, медь, олово, — образуя твердые, жидкие или полужидкие сплавы-амальгамы (амальгама — сплав). При этом амальгама натрия широко применяется в качестве восстановителя, а олово и серебро — при пломбировании зубов. Особенно легко образуется амальгама золота. Поэтому изделия из золота надо оберегать от соприкосновения с ртутью. При содержании в амальгаме свыше 15 % золота происходит ее затвердевание. Способы извлечения ртути были довольно разнообразными и удивляют подчас своей простой и в то же время оригинальной технологией.

Харезмский ученый Ахмед аль-Бируни (973-1048) в минералогических записках так описал тогдашний способ извлечения золота из россыпей возле индийской реки Синд («реки золота»): «у истоков ... выкапывают на дне реки ямы, над которыми река проходит, и эти ямы заполняют ртутью. По прошествии года туда приходят, и ртуть оказывается пропитанной золотом, и это потому, что вода в верховьях имеет быстрое течение и несет особый песок вместе с золотом в виде мелких чешуек, подобных крылышкам комаров, и проносит их над поверхностью ртути, которая задерживает золото, а песку позволяет уходить дальше».

Этот метод применялся в Индии и в последующие столетия, практиковался и в других странах. Например, в конце XVIII века на реке Амударье золотоносный песок насыпали в сосуд с небольшим количеством ртути и водой. После перемешивания песка воду сливали, удаляя с ней и песок. Затем амальгаму прокаливали в специальных чанах с трубками протянутыми через баки с водой, чтобы использовать «серебряную воду» повторно, а золото выбирали из чанов.

Жажда обогащения проявлялась с древних времен. Обладание золотом становилось извечным стремлением и правителей стран, и различного рода стяжателей. Именно эта страсть возбуждала желание найти способ получения желтого металла путем различных химических преобразований. Так появилось направление по поиску возможностей вырабатывать золото, названное алхимией. Это позднелатинское определение заимствовано от арабского слова *алхимия*, имеющего несколько толкований: 1) *chymeia*— настойка, наливка. Древние лекари-фармацевты делали такие снадобья из трав для лечения больных; 2) алхимия — от древнеегипетского корня *Chemí* («чернозем», «черная страна», как называли древний Египет). Правда, приставка *ал* более позднего, арабского периода. Этот термин именно в такой форме прижился надолго.

Еще в древности наши далекие предки научились получать бронзу как сплав меди и олова. Историки и сейчас обозначают важный этап в развитии человечества бронзовым веком. Знали его древние люди и в нашем крае. Но если можно получить металл нового качества по твердости и особенно по цвету с приближением к золотому блеску из различных составных частей, почему бы не попытаться найти способ изготовления самого золота? Тем более, что ртуть, как считали, в состоянии преобразовать определенный состав своей творческой материнской силой.

Одним из основоположников такого направления был арабский ученый Джабир ибн - Хайян (ок. 721 — ок. 815), более известный в Европе как Гебер. Он утверждал, что все вещества образуются из двух начал — ртути и серы. Взгляды Гебера подхватили и развили западноевропейские последователи. И тут началось повсеместное увлечение опытами и людей, причастных к металлургии, и врачей, и священнослужителей, даже королей. Создаются многочисленные лаборатории, изобретаются приборы и оборудование. Конечно, среди алхимиков было немало невежд и шарлатанов с высокомерной претензией на ученость. И сколько их было заключено затем в темницы, повешено, сожжено на кострах, когда они не добивались обещанных результатов!

В поэме «Кентерберийские рассказы» отец английской поэзии Джеффри Чосер (1340-1400) словами слуги алхимика, упорно пытавшегося получить золото, говорит:

*Выпаривай, цеди, амальгамируй
Меркурий, в простонародье он же ртуть,
А дело не сдвигается ничуть.
Берем мы тот Меркурий со свинцом
И в ступе трем порфировым пестом,
Примешиваем серу и мышьяк,
Отвешиваем части так и сяк -
А все напрасно, ни к чему наш труд...*

Стихотворение как нельзя лучше объясняет бесполезность затраченных усилий, что понимает и слуга:

*Сотни колб я вытер,
И хоть бы зернышко одно на дне.
Да, кто ввязался в наше ремесло,
Тому конец. С собою унесло
Оно богатств и жизней очень много.
В нем к разоренью верная дорога.
И кто безумство хочет повторить,
Пускай начнет он золото варить.*

Но в то же время среди алхимиков выделялись настоящие естествоиспытатели, чьи усилия увенчивались поистине значительными научными открытиями. Так немецкий алхимик Бранд открыл фосфор. Противоречивыми были взгляды монаха Барцелиуса Валентинуса,

доказывавшего по примеру божественной троицы подобную творческую связь соли-серы-ртути. Но в то же время он открыл в XV веке — о, *госпожа удача и потрясающая сенсация!* — восьмой металл — сурьму, поколебав тем самым прежние устоявшиеся представления о природе и химических элементах.

Основатель *иатрохимии*, или *ятрохимии* (от греческого иатрос, ятрос — врач) Филипп Ауреол Теофраст фон Гогенгейм — Парацельс стал успешно применять препараты ртути, мышьяка и других веществ для лечения больных.

Что же касается возможностей получения золота из ртути и серы, то с точки зрения современных взглядов такая возможность не исключается, она возможна, если бомбардировать атомы ртути ускоренными ядрами серы или ядрами атомов водорода. Другое дело, что экономически такая «добыча» явилась бы весьма разорительной (С. В. Потемкин. *Благородный 79-й*. М., 1988, с. 48).

В последнее время потребность в ртути заметно снизилась в связи с нахождением не менее эффективных нетоксичных заменителей и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в медицине, но совсем без нее и сейчас обойтись нельзя. Соли ртути используются в медицине. Известен нитрат $Hg_2(NO_3)_2$. Хлорид ртути — каломель Hg_2Cl_2 — белый или желтоватый порошок, нерастворимый в воде. Как лекарственный препарат применялся в качестве желчегонного или слабительного средства, при заболеваниях роговой оболочки глаз, при лечения некоторых других тяжелых заболеваний.

При взаимодействии ртути с хлором получается хлорид ртути — сулема $HgCl_2$, являющаяся сильным ядом. Но при разбавлении сулемы в соотношении 1:1000 образуется эффективное дезинфицирующее средство для протравливания семян (широко применялась в прошлые времена), для дубления кож, крашения тканей...

Ртуть применяется также во многих других областях производства и быта.

Ртутные термометры несли и несут важную трудовую вахту. Правда, их использование ограничено рамками от точки замерзания до закипания. Как писал академик А. Е. Ферсман, после этого (после закипания) «ртутные термометры не годятся. Если взять тугоплавкое кварцевое стекло и наполнить градусник расплавленным галлием, то таким термометром можно мерить температуру почти до 1700° , а галлий еще и не думает кипеть» (А. Е. Ферсман. *Занимательная геохимия*. Ленинград, 1954, с. 359).

Ртутно-кварцевые лампы с небольшим включением ртути, в парах которой при электрическом разряде возникает ультрафиолетовое излучение,

используются для облучения организма в лечебных целях. Такие лампы успешно обеззараживают воздушную среду в операционных помещениях больниц.

В технике используется ряд приборов, например, ртутные выключатели мгновенного действия, что особенно важно в сложной автоматике и измерительных приспособлениях.

Ионные преобразователи с ртутными катодами (ртутные вентили) используются на электрических подстанциях для выпрямления переменного тока. Они надежны, долговечны, удобны в эксплуатации с расчетом до 1000в в многоанодных и с большими токами одноанодного типа (до 6000 в) устройствах.

Ртуть — стратегический металл в оборонной промышленности. Без ртути под названием гремучей, заключенной в капсулях-детонаторах, капсулях-воспламенителях, детонирующих шнурах, не стреляли бы винтовки и автоматы, не взрывались бы снаряды и мины. Ртуть экономически выгодно использовать для получения хлора, едкого натра, синтетической уксусной кислоты.

На Парижской выставке 1938 года посредине комнаты бил фонтан, но не воды, а жидкой серебряной ртути. «В правом углу маленькая паровая машина отбивала такт своими поршнями, работая на ртутном газе, а слева развевалась вся история этого летучего металла, его рассеяние в земной коре, кроваво-красные капли киновари в песчаниках Донбасса и жидкие капли в рудниках Испании» (А. Ферсман. Указ. книга, с. 392).

Но надо всегда помнить, что пары ртути отличаются сильной ядовитостью. Очень опасны шарики ртути, попавшие на пол рабочей или жилой комнаты. В таком случае надо незамедлительно собрать их пипеткой с грушей или с помощью пылесоса, провести демеркуризацию специальными составами-реактивами: порошком серы, эмульсией из минерального масла и воды с порошкообразной серой и йодом, 10-процентным раствором $KMnO_4$, подкисленной соляной кислотой и др.

ДРЕВНИЕ РУДОКОПЫ

Донецкий кряж... Вся гряда в пенистой накипи больших и малых холмов и куполов, разделенных глубокими оврагами. Вокруг степное раздолье. Лишь по балкам и речным долинам расположились лесные урочища, дубравы, луга...

Человек стал обживать просторы нашего края с глубокой древности. Его привлекала возможность охоты на зубров, тарпанов, сайгаков, кабанов, зайцев, на

различную степную дичь. Открытые археологами стоянки первобытных людей подтверждают важное значение охоты в жизни родовых общин.

Шло время. Совершенствовались орудия труда, менялись занятия первопоселенцев, развивалось их сознание. Бессилие и страх перед грозными явлениями природы порождали различные верования, а вместе с ними и определенные ритуалы и обычаи. Среди племен, обитавших в обширном районе от Приазовья до Днепра и Северского Донца, зачатки таких верований были связаны с культом небесного светила и огня. Особенно тяжело приходилось зимой с ее жестокими морозами и метелями. В любое время года беспокойно проходили ночи. Вокруг стойбищ рыскали голодные хищники, слышались завывания и грозный рев зверей. С нетерпением ожидали люди наступления рассвета, когда можно было утолить жажду, начать сбор плодов, съедобных корней и растений, охоту или рыбную ловлю. Выплывавшее из-за горизонта солнце приносило свет и тепло. Таким образом и утвердилось поклонение небесному божеству и домашнему очагу. Красная охра служила их символом («Історія Української РСР» в восьми томах, т. 1, К-1977, с. 66). Охрой посылали умерших в погребальных ямах. Переходя с места на место, члены рода запоминали места, где встречалась красная или желтая глина, и периодически приходили за ней. Искателей огнецветной земли в районе нынешней Никитовки не могли не заинтересовать яркие вкрапления красноватых зерен, красивших пальцы рук и предметы одежды. Трещины размытого с поверхности песчаника по центральной части бугра у балки Сторчевой оказывались «...заполненными или чистою киноварью или в смешании с глиною и охрою». (Месторождения киновари в Донецком бассейне. Харьков, типография Счасни, 1882, с. 2).

Постепенно верхние залежи вырабатывались, и древние рудокопы проникали все глубже по ходу рудоносных пластов. В период систематического обследования Щербиново-Новопавловской седловины удалось обнаружить «большое количество ям, расположенных по простиранию месторождения и на обеих сторонах его, представляющих, вероятно, провалы шурфов или... следы глубоких карьеров» (Там же, с. 5.). Старые работы отмечались на протяжении почти двух верст к западу от Никитовки, а в глубину в основном до пяти-шести саженей, то есть велись до горизонта почвенных вод. (Описание ртутного завода и рудника, принадлежащих Товариществу А. Ауэрбах и К⁰, С.-Петербург, тип. А. Траншель, 1888, с. 5.).

Вещественным подтверждением того, что добыча киновари велась еще в каменном веке, явилась находка в одной из самых глубоких ям в девять саженей (около двадцати метров) двух каменных молотков цилиндрической формы, изготовленных из прочного кварцита с желобками для крепления ручек. Чуть

выше в трещине был поднят сохранившийся рог животного, применявшийся, по видимому, в качестве кайла или клина. Сравнительно слабый по крепости песчаник позволял выбирать залежи «драконовой крови» с помощью даже таких примитивных орудий труда.

Довольно убедительны и любопытны рассуждения многолетнего руководителя горных работ на ртутных рудниках с момента их закладки в 1885 года и дальнейшей эксплуатации Автонома Алексеевича Шепелева, выступавшего в периодической печати под псевдонимом «Старый горняк», еще об одной находке. Он писал: «Из той же самой ямы, где были найдены каменные молотки, были извлечены остатки хорошо сохранившегося дуба, который, может быть, служил крепью, а может быть, и помостом (полком) для выбрасывания руды из выработок нижнего горизонта, а может быть, дерево это служило древним рудокопам и лестницей для выхода на дневную поверхность». («Известия Общества штейгеров», № 6 за 1913 год, стр. 39.).

В отвалах старых работ удалось обнаружить следы обжига ртутных руд. Вопрос о том, кто и когда проводил плавку жидкого металла, остается пока открытым. А. А. Шепелев считал, что древние рудокопы могли обжигать киноварь «в глиняных горнах с такими же глиняными трубами по водосточной канаве». («Известия Общества штейгеров», № 6 за 1913 год, с. 41.).

Г. Марягин указывает на славян, добывавших здесь руду в IX-X веках для растворения золота. (Г. Марягин. «Открыватели недр Донбасса», Ст. обл. изд-во, Сталино, 1951, с. 8, 107.). Подобного мнения придерживался известный специалист в области геологии и металлургии ртути и сурьмы В. Поярков: «...в ряде пунктов России — в Донбассе, Закарпатье и главным образом в Средней Азии — в IX-X вв. существовала древняя ртутная промышленность» (В. Э. Поярков. Ртуть и сурьма. Госгеолтехиздат, М., 1955, с. 84.). Приведенные утверждения заслуживают внимания. Дошедшие до нас изделия древнерусских умельцев свидетельствуют о широком применении амальгам золота по бронзе, например, при изготовлении черепахоподобных фибул из могильника села Шестовцы и золочении ювелирных изделий из серебра с чернью и т. п. («Історія Української РСР», в восьми томах, изд-во «Наукова думка», т. 1, Киев, 1977» цв иллюстрация после стр. 256, с. 419.).

Набеги степных кочевников — хазар, печенегов, половцев — задерживали разработку месторождения ртутных руд а нашествие монголо-татар и вовсе прервало на несколько веков освоение и использование богатых подземных кладов донецких просторов.

ОТКРЫТИЕ ИНЖЕНЕРА МИНЕНКОВА

Уже более сотни лет после особенно разорительного набега степняков в январе 1769 года не топтали крымские и ногайские кони широкое раздолье Дикой степи, не поднимался дым сигнальных костров запорожцев на древних курганах и на вышках сторожевых постов у редутов гусар-пикинеров Девятой Роты Бахмутского полка Славяносербии. Вместо них по косограм стали появляться загоны для овец. Возникают воинские слободы Зайцево, Железная Балка, чуть позже выселки — Никитовка, Щербиновка, Нелеповка, Терловатое, Гурты... Новоселы занялись распашкой целины. Холмы и долины поместили с запада на восток до Чернухинского урочища и дальше до самого Дона проселочные дороги, названные в этих местах шляхами. Потом протянулись они и к югу до Азовского моря. По ним чумаки везли деготь, поташ, горшки, добытый в шахтах-дудках кузнечный уголь, прочую ходовую утварь и товары, а в обратном направлении от приморских греков рыбу, черепицу, добротную посуду, ремесленные изделия. В конце шестидесятых годов XIX века (23 декабря 1869 года по старому стилю) по проложенной чугунке прогремел к югу самобег — паровая машина с вагонами. Железный зверь разбудил лязгом и ревом всю округу. Один за другим возводятся копры капитальных Корсуньских угольных копей с механическими подъемниками. Рядом с ними потянулись к небу высокие кирпичные трубы. Наступил период промышленных преобразований.

В 1877 году возле села Железного Общество Южнорусской Каменноугольной Промышленности основало Чегарскую копь. (И. Тиме. «Очерк современного состояния горнозаводского дела в Донецком бассейне», С.-П., 1889, с. 103.). На должность управляющего правление Общества пригласило недавнего выпускника Горного института Аркадия Васильевича Миненкова. Молодой инженер с увлечением принялся за дело и сумел довести производительность шахты до полутора миллионов пудов угля в год. (Там же, с. 103.). Однако в полной мере его талант и организаторские способности проявились на другом поприще — в исследовании и освоении Никитой кого ртутного месторождения.

Повторное после древних рудознатцев открытие залежи киновари произошло совершенно случайно. Вот как изложил это событие сын великого русского писателя Сергей Львович Толстой, побывавший по совету выдающегося химика Д. И. Менделеева на ртутном руднике летом 1888 года: *«Однажды инженер Миненков, ища уголь в Донецком крае, увидел в одном селе вкрапленную в каменные стены заборов красную киноварь. Осведомившись, откуда взят этот камень, он нашел место, где были за-*

метны следы каких-то древних раскопок». (С. Л. Толстой. «Очерки былого», Гос. изд. худ. л-ры, 1956, с. 167.).

Произошло это событие в 1879 году. Аркадий Васильевич внимательно осмотрел бугристые скопления каменистых обломков серого и бурого песчаника. Вспоминая через два года свою удачу, он писал в № 6 «Южнорусского горного листка»: *«По рассказам их (старожилов — Авт.) места эти, издавна известные им под названием «Дробные камушки», были прежде значительно больше в вышину и содержали гораздо больше крупного камня, который по мере надобности отбирался ими и много лет давал таким образом окрестным жителям готовый материал для построек, и не только для себя но впоследствии, как, например, при постройке Азовской дороги, служил даже предметом поставок более крупной камня для построек и более мелкого для балласта, что вполне подтверждается тем, что и теперь можно наблюдать на вымостке товарной платформы на ст. Никитовке, куски песчаника с примазками и вкрапленностями киновари».*

А. В. Миненков внимательно исследовал окружающую местность и обнаружил между балкой Сторчевой и верховьями балки Железной три выхода ртутных руд к земной поверхности. Разведочные шурфы до шести саженей дали обнадеживающие результаты. Вскоре Аркадий Васильевич убедился, что здесь уже добывалась киноварь и плавился металл древними рудокопами. Примечательным выглядело то обстоятельство, что первые добытчики рудоносного кварцевого песчаника вели работы только по жилам с самым богатым содержанием киновари. А. Миненков провел отборку и испытание образцов добытой руды из четвертого шурфа, пройденного в верховьях балки Сторчевой. Прокаленные штуфы (для обжига первоначально взяли четыре фунта руды среднего содержания прямо в кусках) в примитивном приспособлении — железной реторте с трубчатым отводом через слой холодной воды — дали полфунта чистой ртути, то есть 12,5 % выхода металла. Между прочим, извлеченные из реторты остатки представляли пористую массу породы, сходную с обнаруженной на месторождении у места старых работ. Огарки так же легко дробились и рассыпались в песок. («Южнорусский горный листок», № 67 за 1981 год, с. 117-118.).

Зима прервала начатые изыскания. Они возобновлялись лишь в летние месяцы. Особенно интенсивно велась разведка в 1882 и 1883 годах. Кроме новых шурфов, были пройдены три вертикальные шахты. Миненков предпринимает попытки отыскать коренное месторождение. Однако в первой шахте на глубине в пять саженей сильный приток воды крайне

осложнил дальнейшую проходку. Справиться с ним обычным ручным воротом с бадьями не удалось. Вторую шахту прошли до глубины восьми с половиной саженьей. Встретили такое же обилие почвенных вод. Тогда Аркадий Васильевич решил исследовать рудное тело кварцшлагом от устья ствола в лежащий бок породы. Успех! Песчаник содержал чистую кристаллическую киноварь, причем мощность жилы достигла более четырех метров. («Южнорусский горный листок», № 87 за 1984 год, с. 1020.). Таким же образом был обнаружен рудосодержащий пласт и в третьей шахте. Случались большие удачи и в других местах. Однажды удалось выйти на рудные залежи, *« которыя представляют собою правильно пластующуюся толщу песчаника брекчиевиднаго сложенія в 2,25 сажени_мощности, по всей своей массе проникнутаго киноварью въ разнообразныхъ формахъ ея проявленія отъ тонкихъ землистыхъ налетовъ до крупнозернистыхъ или кристаллическихъ вкрапленностей и плотныхъ кристаллическихъ штуфовъ чистой киновари, съ содержаніемъ въ этихъ последнихъ до 80 % металла».* («Южнорусский горный листок», № 87 за 1984 год, с. 1021.).

В 1881 году поисками рудных залежей занимались так-же инженеры И. Кондратович и Г. Яковлев, но их успехи оказались скромнее. (Там же, с. 1022, 1023.).

Определение содержания ртути велось уже в ретортных печах с флюсом, а затем и в непрерывно действующей шахтной печи системы Генера. (Там же, с. 1023.). Последняя выплавляла пять пудов металла, что составило лишь четвертую часть возможного выхода в связи с большими потерями из-за несовершенной кладки стенок, перекрытий и камер. Контрольный анализ образцов руд в химической лаборатории Харьковского университета, проведенный под руководством магистра фармации А. Д. Чирикова, дал вполне удовлетворительные результаты от 1,5—7 % в необогащенной руде до 62-79 % в промытых штуфах. («Южнорусский горный листок», № 87 за 1987 год, с. 1024.) Изыскания убедили А. В. Миненкова в значительном территориальном простирании залежей и достаточных запасах минерала, а опытная проверка качества киновари позволила сделать оптимистический вывод о целесообразности эксплуатации месторождения. Аркадий Васильевич указал на возможность получения по меньшей мере пять десяти тысяч пудов «живого серебра». (Там же, с. 1025.).

Однако открытие горного инженера не вызвало в научных и деловых кругах ни энтузиазма, ни поддержки. Более того, нашлось немало скептиков и недоброжелателей, за спиной которых стояли представители заграничных поставщиков ртути.

Один из ближайших сотрудников А. Миненкова по ртутному производству А.А. Шепелев («Старый горняк») с горечью констатировал, что основоположнику ртутного производства в нашей стране надо было упорно *«... трактовать о разработке ртутной руды и выплавки из нее ртути, т.е. о деле совершенно новом, не виданном еще в России. Много, конечно, пришлось перенести невзгод Аркадию Васильевичу на этом пути: не встретил он сочувствия ни в научно-авторских кругах, ни среди своих товарищей-инженеров, ставивших ему препятствия»*. («Известия Общества штейгеров», 1912 год, № 1, с. 57-58.).

Признание пришло значительно позже, когда он за заслуги в горной промышленности был избран почетным членом Общества штейгеров. В 1912 году научная общественность торжественно отметила сорокалетний юбилей деятельности А. В. Миненкова на поприще горного дела. Первооткрывателю месторождения и практику был преподнесен в роскошной серебряной папке поздравительный благодарственный адрес, а знаменитый «поэт от геологии» Леонид Иванович Лутугин прислал волнующую телеграмму со словами: *«Горячо приветствую дорогого Аркадия Васильевича — основоположника русской ртутной промышленности»*.

Исследования неутомимого инженера открывали возможность использования естественных богатств Никитовского месторождения киновари в интересах своей страны.

ПЕРВАЯ РТУТЬ

Для организации разработки месторождения киновари требовались значительные капиталовложения. А. В. Миненков попытался создать Товарищество для устройства рудника и завода и привлечения в него угольных магнатов. Однако неизведанное дело отпугивало их. Одни шахтовладельцы отнеслись к предложению отрицательно с самого начала, другие обещали лишь незначительные субсидии. Их явно недоставало для задуманного предприятия. Через два-три года даже наиболее решительные компаньоны отказались от финансирования работ. В начале 1885 года Аркадий Васильевич вынужден был обратиться к влиятельному в горнопромышленных кругах инженеру Александру Андреевичу Ауэрбаху, который к тому времени располагал определенными денежными накоплениями. Выехав на место и лично убедившись в перспективности ртутного производства, Ауэрбах заключил с крестьянами села Зайцево

договор на тридцатилетнюю аренду земельного участка в тридцать десятин для возведения рудника, заводских корпусов, рудоразборной фабрики и жилых помещений.

А. Ауэрбах пользовался симпатиями среди владельцев свободного капитала и сумел убедить их вложить средства в дело, сулящее немалую прибыль. Одной из первых внесла пай супруга влиятельного государственного сановника статс-секретаря А. А. Половцова. Вслед за ней предложили свои суммы В. Я. Евдокимов, И. Ф. Досс и известный адвокат и правовед В. Д. Стасов. Так составилось **объединение на вере «Товарищество ртутного производства А. Ауэрбаха и К»**. В начале 1886 года А. Ауэрбах вместе с А. Миненковым отправились для ознакомления с ртутным производством в Идрию, входившую тогда в состав Австрии и Альмаден (Испания). Расположенный у подножья лесистой горы с живописными холмами и долинами идрийский рудник производил удручающее впечатление. Эту картину дополняла старинная штольня XVI века и шахтные печи, работавшие с перерывами с 1715 года. Обожженные руды сбрасывались прямо в реку Идрицу, убивая в ней все живое. Оба инженера внимательно изучали все звенья полного производственного цикла от горных работ до разливки ртути и отправки ее потребителям. Затем Ауэрбах и Миненков побывали в Альмадене. Город и в самом деле вырос и расположился над рудником у знаменитого замка XII века. Будто в насмешку, пластам присвоили здесь имена святых — «Сан-Педро», «Сан-Николас», «Сан-Франциско», — которые и должны были покровительствовать людям, вгрызающимся в толщу горы Сьерра-Морена. Изучая технологические процессы, организаторы ртутного дела в России на личном опыте убедились в пагубном воздействии на здоровье тружеников вредных паров.

После возвращения в Россию Ауэрбах и Миненков завершили составление проекта. К этому времени к месту строительства уже было подвезено достаточное количество дикого камня, обожженного кирпича, извести, цемента, леса, кровли. Сравнительно легко и по низкой цене удалось решить проблему рабочей силы за счет местного населения и приходящих на заработки крестьян центральных губерний империи. С весны составились бригады землекопов, каменщиков, плотников, футеровщиков. Мастеровым предоставили право по собственному усмотрению подбирать подсобных рабочих.

В конце апреля 1886 года началось сооружение производственных зданий, барачков, казарм, а также домов для управляющего и служащих. («Горнозаводский листок», № 4 за 1888 год, с. 49.).

Полным ходом шла проходка шахт № 1 и № 3 с горизонтами 7 и 14 сажень и выдача руды конными воротами в бадьях. Предварительная отборка ее на месте

добычи не производилась. Строилась и капитальная шахта «София» с горизонтом в двадцать саженей с перспективой пересечения рудного пласта на глубине сорока, а затем и восьмидесяти саженей. На этой же шахте устанавливалась 40-сильная паровая машина для откачки подземных вод (140 тысяч ведер в сутки) и 50-сильная рудоподъемная машина, заказанная у московских владельцев фирмы братьев Бромлей. Ствол шахты закрепляли дубовыми пластинами - брусьями толщиной в 13 сантиметров. Одновременно велись работы по открытию шахты № 4 в качестве резервной. Общая производительность рудника должна была обеспечить годовую выплавку четырех тысяч пудов ртути (около 65 тонн), т. е. равняться тогдашнему ввозу ее из-за границы.

Поскольку в районе сооружаемого завода не имелось рек или других водоемов и, следовательно, вода представляла важный дефицит, производственные нужды в ее потреблении предусматривалось обеспечивать за счет откачанных из шахт рудничных вод в большой искусственный пруд. Такое инженерное решение оказалось весьма удачным и экономичным.

Самым сложным сооружением являлся завод. Первые две отражательные печи, заключенные в чугунный панцирь, как и предполагалось, были возведены несколько ранее намеченного срока. После просушки и отладки они оказались вполне пригодными для эксплуатации.

Ауэрбах не отличался глубокой религиозностью, но обычаем освящения нового предприятия обставил довольно торжественно и пышно, чтобы об этом долго помнила вся округа. Под звуки церковного хора, нанятого у зайцевского прихода, на всех шахтных копрах и на заводских воротах водрузили иконы с ликами святых великомучеников. После главного молебна у плавильных печей участникам стройки преподнесли по стопке водки, а присутствующей публике раздали несколько корзин со сладостями и баранками. Из восьмисаженой вытяжной трубы показался дымок. Так 14 декабря 1886 года началась первая плавка «живого серебра». Через несколько часов были получены первые золотники и фунты тяжелой жидкости. От этого события и начался отсчет истории Никитовского ртутного рудника.

А рядом стройка продолжалась. В начале 1887 года затопили первую, в ноябре — вторую шахтные печи, а в январе следующего — печь системы австрийского инженера Чермака. Это позволяло обжигать не только мелкую руду, но и крупные куски до 150 мм. В комплекс ртутного предприятия вошло трехэтажное здание сортировочной фабрики с грохотами, дробилками, транспортерами. К концу 1888 года на полную мощность заработала шахта «София», считавшаяся по стандартам тех времен лучшей в мире. Общая стоимость совокупных затрат на начало 1889 года достигла 450 тысяч рублей, что составляло весьма значительную сумму.

На первых порах возникли затруднения со сбытом продукции. Потребители ртути в России продолжали ориентироваться на традиционных поставщиков металла, преимущественно испанских. Они не сразу решились на разрыв старых связей, боясь потери прибылей, если по каким-либо причинам никитовское товарищество окажется банкротом. Лед тронулся лишь через полгода, когда по Петербургу поползли слухи, будто новоявленная фирма проектирует создание собственных предприятий по выпуску ртутных приборов и фармацевтических препаратов и что некоторые иностранные компании не прочь вступить с ней в деловые контакты.

Первым заказчиком неожиданно стало золотопромышленное товарищество, значительная часть акций которого принадлежала царской семье. Оно нуждалось в ртути для амальгамации золота. Но какими чарами Ауэрбах добился его благорасположения, не мог объяснить никто. Тайна осталась нераскрытой. Зато с легкой руки золотопромышленников крупный заказ сделало Русское общество торговли аптекарскими товарами, предложившее долгосрочную сделку при условии отказа Никитовского товарищества от производства лекарств на собственных предприятиях. Не осталось в стороне и влиятельное военное ведомство. В 80-е годы сказывалась активная правительственная протекционистская политика и усиливающаяся борьба российского промышленного капитала за монополизацию внутреннего рынка. Глашатаем ее был авторитетный в кругах, близких к царю, националист Катков. Внутренний рынок России потреблял 135 % ежегодной добычи «живого серебра», а 65 % ртути с 1891 года экспортировалось через Либаву за границу крупной торговой фирме в германском городе Гамбурге. (Донецкий облгосархив (ДОГА), ф., Р-260Т, оп. 1, ед. хр. 735, л. 2.).

С 1886 года до начала XX века разработка Никитовского месторождения киновари велась на восточном участке Софиевского купола и еще дальше на восток от него за балку Сторчевую. Результаты зависели от количества и качества добываемой руды. В этом вопросе практически серьезных затруднений не ощущалось. За 1885 и 1886 годы шахтеры выдали на-гора 358 тысяч пудов руды, в 1887 — 762 тысячи, в 1888 — два миллиона, а в 1890 — уже 3 млн. 687 тысяч пудов. Две трети ее шло после отборки и сортировки в плавильные печи. Соответственно возрастал и выход ртути. За указанный период (1886-1890 гг.) завод выплавил 42 тысячи пудов металла. Товарищество получило 761494 рубля чистой прибыли, что позволило почти полностью погасить полученные ранее займы и выделить средства на дальнейшее совершенствование производства. В последующий пятилетний период (1891-1895) ртутные рудники удвоили выдачу руды, а завод — ее

переработку. (Расчеты по материалам фонда Р-2607 Донецкого облгосархива — оп. 1, ед. хр. 735, лл. 1,2.).

Тяжелые и вредные для здоровья трудящихся условия работы дополнялись неустроенностью быта, дороговизной средств существования, плохим медицинским обслуживанием, полным социальным бесправием.

Товарищество по производству ртути продолжало стремительный разбег. В отличие от многих других отраслей промышленности единственное в России ртутное предприятие не испытывало традиционного влияния отсталых способов организации и ведения дела, так как с самого начала создавалось на новой технической основе. Не имея внутри страны серьезных конкурентов, товарищество не ощущало неизбежных неприятностей со сбытом товаров и издержек связи с резкими колебаниями цен. Перечисленные выгода обеспечивали ему дальнейшие успехи.

ПИСАТЕЛЬ С. КАРОНИН О РТУТНОМ РУДНИКЕ

В 1891 году в семи номерах газеты «Русские ведомости» публиковались «Очерки Донецкого бассейна». Их автор Николай Елпидифорович Петропавловский укрылся за псевдонимом С. Каронин. Творчество писателя высоко ценили современники. «Удивительно светел был этот человек», — сказал о нем Алексей Максимович Горький.

...В наш край С. Каронина привела надежда подлечить в Святогорске ослабленный быстро прогрессирующим туберкулезом организм, а также расчет на возможность написания очерков о южном крае и связанная с этим перспектива литературного заработка. Кроме того, писателю хотелось воочию увидеть, что несет с собою капитализм, внедрение которого в российскую действительность он в пору увлечения народническими иллюзиями категорически отвергал.

Экономическая жизнь страны выдвигала сложные проблемы. Россия с трудом преодолела затяжной кризис первой половины 80-х годов. Кратковременный подъем промышленности, наметившийся в 1887 году, быстро исчерпал свои возможности. Наполовину снизились темпы железнодорожного строительства, уменьшался выпуск продукции хлопчатобумажных, бумагопрядильных, кожевенных фабрик, прирост выплавки чугуна и стали, падал спрос на минеральное топливо.

Тревожные сведения замелькали на страницах деловых газет. «Горнозаводский листок» писал о положении в угольной промышленности: *«1890 год характеризуется большим избытком предложения над спросом,*

т.е. перепроизводством», «Некоторые копи прекратили добычу вследствие избытка наличного запаса и слабого спроса... наличность в конце июля на станциях железных дорог выросла до 13,5 млн. пудов, кроме запасов на конях». («Горнозаводский листок», № 16 за 1890 год.). Положение продолжало усугубляться в голодный 1891 год. Писатель четко зафиксировал последствия жестокого суховея: «...хлебов нет: поправившиеся было от майских ливней, в июне они сгорели от солнца, скрючившись от горячих ветров. В конце июня уже было ясно, что все погибло». («Русские очерки», т. 3, Изд-во худ. л-ры, М., 1956, с. 511.).

Среди всеобщего упадка промышленной активности исключением выглядел лишь ртутный рудник. О нем писатель был наслышан. Недаром назвал знаменитым. Технические журналы напечатали к тому времени пространные статьи основателей нового дела Аркадия Миненкова и Александра Ауэрбаха. Однако непосвященным в горнопромышленные секреты читателям многое оставалось непонятным и загадочным.

Почти повсеместно царило уныние и безотрадный пессимизм, а здесь, будто в отдельном государстве, вкладчики капиталов с удовлетворением потирали руки. Еще бы! Шахты наращивали выдачу руды, а печи — ее обжиг. В 1890 году удалось получить 17835 пудов ртути, в то время как в предыдущем — десять тысяч с небольшим. Себестоимость же пуда металла при стабильной продажной цене снизилась сразу на десять рублей. Триста пятьдесят одну тысячу рублей чистой прибыли принес тысяча восемьсот девяностый. Такие же виды подавал и текущий — девяносто первый. (ДОГА, ф. 2607, оп. 1, ед. хр. 735, л. 2.).

Николай Елпидифорович и направился прежде всего на ртутный рудник. Он не мог позволить себе лишние расходы и потому нанял «самодельный экипаж, похожий на грабли, брошенные зубьями вверх». Завод выплыл из-за пригорка как-то сразу, неожиданно. Спрятанный в ложбине, он с первого взгляда воображения не поражал. Однако с каждой минутой приближения все четче вырисовывались громады строений, тесно прижатых друг к другу. Ауэрбах вместе с Миненковым и Горшковым в свое время долго ломал голову, чтобы наиболее целесообразно разместить цеха и службы и тем самым сэкономить лишнюю квадратную сажень площади. Главный корпус венчала высокая вытяжная труба, непрерывно окуривая окружающую территорию. Будто нехотя поднимался в поднебесье тяжелый мутный столб дыма и падал оттуда на заводскую колонию, Чегарские хутора, в покрученные расщелины окрестных оврагов.

А вокруг, в некотором отдалении, маячили угольные копи Щербиновки, Горловки, многочисленные крестьянские шахты-дудки. Тут все смешалось. Казалось, что этот дикий степной край начали усиленно обживать кроты-гиганты, насыпая у своих подземных нор-жилищ огромные курганы по примеру древних обитателей сих степей.

Управляющий против посещения предприятия возражать не стал: как-никак лишняя реклама. Вот и сын самого Толстого Сергей Львович удосужился побывать в 1888 году. Тогда же профессор Иван Августович Тиме ознакомился с предприятием. В «Очерках современного состояния горнозаводского дела в Донецком бассейне» авторитетный ученый записал весьма лестные слова: «...мы сочли нравственной обязанностью побывать на этом единственном в России ртутном заводе, созданном руками бывших питомцев горного института ... Кратковременный осмотр... оставил в нас весьма благоприятное впечатление. Дело обещает быть весьма солидным», (И. Тиме. Очерк современного состояния горнозаводского дел в Донецком бассейне. С.-Петербург, 1889, с. 150.).

Шахта «София» поразила воображение Каронина. Названная именем супруги председателя правления А. Ауэрбаха Софии Павловны, она и впрямь производила впечатление. Здесь, во мраке подземелья, кипела спорая работа. Повсюду в сыром смрадном воздухе галереи мелькали тусклые огоньки масляных лампочек «Бог на помощь», в пластах рудного тела раздавались сильные удары, слышался грохот падающей руды. Добыча киновари производилась посредством взрыва динамитных зарядов, а в трещиноватых породах ее брали прямо на кайло. Одних забойщиков при двух сменах в сутки здесь работало около ста шестидесяти человек. Каждому полагалось отбить за упряжку не менее семидесяти пудов красноватого камня-песчаника. Меньше нельзя. Присмотрится штейгер и — расчет или выбраковка. Возле конторы по утрам — толпа. Много охочих в любое время заменить неудачников или слабых. Всего же на шахте трудилось 425 горнорабочих. («Горный журнал», т. 1, 1890 г., с. 191-192.).

Писатель с интересом вглядывался во все закоулки и ниши, в забои, в лица рабочих. Потом уже, в Святых Горах, по бумаге бежали характерным каронинским почерком торопливые строчки об увиденном и прочувствованном: *«Всего пути под землей мы прошли не более трехсот сажень, но я так наломал себе ноги об камни, так тяжело дышал в смрадной атмосфере и в общем так физически и духовно устал от всей этой тяжелой, необычной обстановки, что был очень рад, когда по другому*

ходу мы пошли обратно к выходу». («Русские очерки», т. 3, Изд-во худож. Л-ры, М., 1956, с. 513.).

Каронин обратил внимание на производимые действия приехавшего с ним доктора, который останавливался перед тем или другим рабочим, бесцеремонно и молча раскрывал пальцами рот и, пощупав десны и зубы его, шел дальше. Так обычно проводился осмотр рабочих с целью выявления ртутного отравления. Акционеры не обременяли себя расходами на технику безопасности ни в шахте, ни в сортировочном отделении, где наряду с женщинами трудились и мальчишки-подростки, ни на заводе.

Большой опасности подвергались добытчики «живого серебра» при загрузке руды в открытые жерла печей, откуда вырывались особо ядовитые испарения, а также перегребщики колоши (смеси руды и топлива), грузчики остывающих огарков, откатчики вагонеток, слесари, отбивщики ртути.

Нет, не получилась у писателя реклама: *«По всему этому отделению, где печи, поистине страшная атмосфера: в раскаленном воздухе носятся пары ртути, мышьяка, сурьмы и серы. Все это вдыхается рабочим. Доктор снова начал раскрывать рты, щупал десны, шатал зубы и приказывал горизонтально вытягивать руки. Здесь только я убедился в широких размерах болезни. Правда, некоторые рабочие служат по целым годам, но это какое-то невероятное исключение. Большинство и года не выдерживает, а некоторые могут остаться на работе только неделю, две, месяц. Насыщенная ядами атмосфера быстро производит действие: появляется красная полоса на деснах, зубы шатаются и выпадают, челюсть отвисает, руки и ноги начинают дрожать».* («Русские очерки», с. 514—515.).

Вот что такое ртуть. Поистине сказочный джин, вырывающийся из печей, из конденсаторов, разливочной, из металлических бутылей, через вытяжную трубу. Укрощенный, он осыпает ассигнациями хозяев предприятия, одевает в заграничные шелка их жен и дочерей, выдает почетные звания, угодливо распахивает двери в фешенебельные столичные рестораны. Таящаяся в жидком металле сила растворяет золото и серебро, вызывает язвы или излечивает болезни.

Несколько часов провел на заводе Николай Елпидифорович и никак не мог удовлетворить неумную любознательность. Вслушивался в разговоры, расспрашивал, вспоминал написанное ранее о других предприятиях и сравнивал. Вот он, пролетариат российский. Не миф, не фикция — реальная действительность. Одним словом — класс. Как наивен образованный интеллигент, невнятно бормочущий, что в Западной Европе пролетариат — основа жизни, а у нас его нет и в помине... у нас много земли и простора,

«община» ..., «земельные наделы» ... «мужицкое царство». (С. Каронин. Соч. в 2-х томах, т. 2, изд, худ. л-ры, М., 1958, с. 530.). Нет! Вращается капитал в почву, как вот по этому степному взгорью на землях зайцевского и железнянского земельных обществ и на угольных рудниках за сухим выгоном и многочисленными оврагами. Одновременно с этим растет пролетариат, множится, подает свой голос...

Глядя на измученных трудом людей, писатель приходит к тем же неутешительным выводам и сравнениям, что были высказаны в произведении «Мой мир»: рабочий напоминает собой машину. И она, машина эта, «оказалась очень простого устройства: две руки, две ноги, утвержденные на пустом внутри чурбане, — вот и все; руки махают, ноги всю машину поднимают вперед, а в остов, занимаемый топкой и паровиком, накладывается топливо и заливается вода, — очень просто. Уход за машиной не сложен». А чем лучше ртутьяне?! Будто неизбежное дополнение к каменным громадам рудничных строений, говорящее приложение к грохочущим дробилкам, железным вагонеткам, раскаленным печам. Добро бы хоть топлива было вдоволь, а то ведь черствая краюха хлеба с водой, в обед каша со свиным салом, а для отдыха после смены охапка сена под бок да сверху латаная-перелатанная, насквозь пропитанная вредоносными частицами ртути одежда. Что он видит в жизни светлого этот поистине червь земной? Разве что простор неба при подъеме на-гора?! Только и разговееется на Рождество да на Пасху. Полетят на стойку Говзману последние гривенники и пятаки. Забудется на час-другой тяжкая участь. Если ж на буйное похмелье и откажется Давид наливать стаканы, то выручит дешевый зайцевский или железнянский спотыкач, выкуранный на коровьем кизяке.

При всем этом немое смирение, что и у деревенских. Хотя они почти все и есть деревенские, насильно оторванные от родных углов горькой нуждой и тусклым видом медной полушки «...заводское население представляет собою страшный сброд, сошедшийся сюда из отдаленных губерний—Рязанской, Орловской, Воронежской, Курской, не говоря уже о Харьковской и Екатеринославской, да и это сбродное население непрерывно меняется: одни уходят, заболев ртутным отравлением, другие приходят попытать счастья». («Русские очерки», т. 3, с. 515.).

Рудничная статистика более-менее точно учитывала добытый кварцевый песчаник, количество обожженной киновари, процентное содержание металла в руде, полученные пуды и фунты ртути. А сколько людей занято в сырых штреках рудника и на заводе? Даже управляющий затруднялся назвать точную цифру и указал лишь среднесуточное число: семьсот

человек. («Горнозаводский листок», № 3 за 1890 год.). Поденных же рабочих не всегда в расчет принимали.

Проходя по заводу, Каронин слышал разговоры работающих, их реплики. Баринoм назвали. А «барин»-то этот с хлеба на квас перебивается. В тесной нижегородской комнатухе даже и паршивого стола нету. Рассказы о парашкинцах — таких же забитых и несчастных тружениках, как никитовские рудокопы и обжигалы, написаны ... на пирожной доске. Правильно подметил это обстоятельство медлительный худощавый юноша двадцати лет Алексей Максимович Пешков в году, кажется, восемьдесят восьмом.... Точно, в том таки году, ранней весной. Три лета пролетело. Сам Каронин будущего Горького тоже, ведь, баринoм назвал. Между прочим, тогда в связи с отчаянным безденежьем пришлось отдать жадюге скупщику жилет и кожаный пояс за семнадцать копеек. Ничего не поделаешь: чтобы работать и жить, надо есть. Так что положение никитовских укротителей всемогущего джина вызывало полное сочувствие и понимание.

Впрочем, любознательность любознательностью, но физические силы были на исходе. И Каронин запросился с завода.

На поверхности вновь предстала взору картина рудничной колонии: *« Там и сям вокруг заводских зданий построены длинные мазанки, сколоченные из камня, выброшенного из рудника, и глины, — это казармы для рабочих. В одной из них мы просидели с полчаса, но ничего любопытного не нашли, так как час был рабочий и все население толпилось вокруг плавильных печей, в рудниках, на дворах ».* («Русские очерки», с. 515.)

Неудачный визит в казармы вскоре восполнил своим откровениями никитовский возница на обратном пути к станции. Последовал небезинтересный разговор о характере заключенного договора на право пользования рудоносными куполами и распадками, принадлежащими зайцевско-никитовскому земельному обществу:

— Объехали вас?

— Объехали...

Но даже весьма выгодные условия контракта не устраивали членов Товарищества по добыче ртути, и они настойчиво добивались приобретения арендуемого и прилегающих участков в полную собственность.

«—А все-таки я думаю, — вдруг иронически сказал доктор, — что и опять вас объедут!»

Старик вопросительно посмотрел на нас обоих и заметил рассеяно:
— *А что ты думаешь, ведь и впрямь объедут, сделай одолжение! Отличнейшим манером объедут! ... Да как же с ними совладаешь-то? Да нас можно очень просто накочать, а мироедов задарить, и тогда из нас,*

пьяных истуканов, хоть веревки вей... Силы у нас мало, то есть совсем силы супротив их у нас нету! Самый мы мяканный народ, ежели касательно, чтобы права свои отыскивать, то есть вот какие мы гороховые людишки насчет этого рудника». («Русские очерки», с. 517.).

И объехали. Правда, на уговоры сельского схода пришлось потратить целых три года. В 1894 году сделка состоялась. Товарищество купило пятьсот десятин земли по тысяче рублей за каждую. Ауэрбах лично внес 125 тысяч рублей из полученной премии за постройку Надеждинского завода на Северном Урале. Зато в два последующих года чистый доход рудника с лихвой перекрыл затраченные средства. Возница был прав. Рядовым членам сельской общины от вырученной за уголья суммы достались лишь жалкие крохи. А состоятельные хозяева — фактические заправилы села — хорошо погрели руки на горячем деле. Крестьянам оставалось лишь, глядя на высокие купола храма, бить земные поклоны, крестить грудь и чесать затылки.

...Немазаный тарангас увозил писателя и доктора на станцию через дикое раздолье балок и оврагов. Каронин затем отметил в очерках: *«...осмотренный нами завод, едва мы повернулись к нему спиной, стал представляться нам какою-то мечтою, бредом, больною фантазией...»*

Вокруг расстилалась первобытная степь. Вроде бы могла быть матерью для тружеников. Не стала...

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ А. АУЭРБАХА

Главным действующим лицом, организатором и акционером сначала Товарищества на вере, а с 1896 года Общества ртутного и угольного дела был Александр Андреевич Ауэрбах. Много различных оценок, пересудов и мнений высказывали о нем современники — и компаньоны, и служащие, и рабочие. Одни превозносили, другие критиковали и даже поносили. В связи с этим представляется целесообразным провести некоторое исследование с целью выяснения истины.

Родословная Ауэрбаха по мужской линии уходит своими корнями в далекие земли Запада. Предки его не проявляли особой привязанности к родине и рассеялись со временем по Европе, преимущественно в Германии и России. Их главным делом являлось стремление во что бы то ни стало занять если не верхние, то хотя бы средние ступеньки общественного положения. Удалось это далеко не всем. Для большинства отпрысков старой фамилии Ауэрбахов фортуна не улыбалась. Их уделом так и остался труд в поте лица в

салонных, пошивочных и слесарных мастерских, в небольших магазинчиках и торговых лавках.

Больше других повезло Андрею. Проявив недюжинные способности и настойчивость, он сумел закончить высшее медицинское учебное заведение и вскоре занял должность городского врача города Катина Тверской губернии. Здесь в феврале 1844 года у него родился сын Александр. Двенадцатилетнего мальчика определили учеником в Горный корпус преобразованный впоследствии в Горный институт императрицы Екатерины Второй. В 19 лет выпускнику этого заведения Александру Ауэрбаху был выдан диплом и присвоен чин поручика корпуса горных инженеров. За усердие и умелое руководство поисковыми работами по разведке полезных ископаемых в районе Самарской Луки его наградили орденом Святого Станислава, оказав тем самым большую честь молодому специалисту. Это открывало перед ним блестящую перспективу продвижения по службе. Защита диссертации «О турмалинах русских месторождений» в 1868 году принесла звание адъюнкта минералогии и возможность расширения знаний в Вене, Фрейбурге и Париже, а по возвращении в Россию — занятие преподавательской деятельностью в Горном институте. (Энциклопедический словарь. Изд. Т-ва «Бр. А. и М. Гранат», М., 1922, сс. 291., «Горный журнал», 1917 г., т.1, с. 181, 183). Но уже через год Ауэрбах оставляет преподавательскую стезю и принимает на себя руководство каменноугольными рудниками в Подмосковье, затем по поручении французской компании объезжает весь Донбасс в поисках каменноугольных месторождений.

Он внимательно присматривался к техническому оснащению и опыту эксплуатации лучших по тому времени рудников — Грушевского, Юзовского и Корсуньского С. Полякова. («Русская старина», июнь 1909 г., с. 456.).

Весьма перспективными оказались подземные клады горючего минерала в поместьях братьев Рутченко и в Кураховских владениях помещика Шабельского. (А.Ауэрбах. Воспоминания о начале развития каменноугольного производства в России., С.-Петербург, 1909 г., с. 11.). Здесь Ауэрбах занялся исследованиями запасов каменного угля и их разработкой в имении П. А. Карпова в селении Трудовское и на арендованных участках земельного общества села Михайловки. В последующий период он занимается разработками соли в Крыму, добычей золота и меди на Урале, на протяжении 15 лет (1881-1896 гг.) руководит Богословским горным округом. Одновременно с этим наблюдает за развитием пароходства на Сосьве, Тавде и на Тоболе, за строительством железной дороги от Богословского завода до Филькинской пристани на Сосьве, за производством

серной кислоты, цемента, хрома, огнеупорного кирпича. («Горный журнал», 1917 г., т.1 с. 184-189.).

С 1885 года он становится главным организатором ртутного производства в Донбассе. В 1912 году Ауэрбаха избирают председателем Инзерского горнозаводского общества, владевшего чугуноплавильными заводами на южном Урале. Он проектировал железнодорожную ветвь Уфа — Верхнеуральск— Троицк как продолжение Волго—Бугульминской железной дороги.

Таким образом, мы видим широкий диапазон деятельности горного инженера, его энергию и немалые организаторские способности.

Ауэрбах хорошо понимал сущность строя, при котором жил, учитывал непостоянство климата делового мира, потрясающего порой самые устои общества, видел неумолимые удары кризисов, рушивших самые могучие крепости. Его привлекало, например, дело Джона Джеймса Юза (в своих воспоминаниях Ауэрбах называл неграмотного, но предприимчивого коллегу на русский манер Иваном Ивановичем. Пример, достойный подражания. Не густо звенело в карманах бывшего мастера рельсопрокатного завода, а вот, поди ж ты, какую махину вымахал на Кальмиусе. Рельсы Новороссийского завода отмеряли по шпалам сотни верст на север и на юг от Донецкого кряжа. Прибыль — шестьдесят копеек с пуда. Ауэрбаху умом и чутьем удалось схватить сложную и жестокую методику предпринимательства.

Чтобы основательно познать рычаги экономической жизни, он выступил в 1872 году инициатором созыва Съезда горнопромышленников Юга России. Вместе с П. Н. Горловым Ауэрбаху удалось получить аудиенцию у министра государственных имуществ господина Валуева, и через некоторое время вопрос был решен положительно. Съезды проводились ежегодно и позволяли вникать во все детали хозяйственной политики края и страны и одновременно вводили инициатора в круг высшего общества.

Ауэрбах поселился с семьей в стольном граде по улице Царицынской в доме № 7, принадлежавшем Д. П. Горяиной. Для влиятельных сановников место проживания имело немаловажное значение. А этот-то дом главным фасадом выходит к набережной реки Мойки, одной из стен (дом угловой) — на Марсово поле. (Место проживания Ауэрбаха установлено по справочнику «Весь Петербург» с помощи старейшего архитектора г. Ленинграда Бориса Владимировича Кетрица). Не на задворках дом — в самом центре. До Зимнего рукой подать. Дорого, конечно, так ведь с визитной карточки прямо стреляет. Именно в Петербурге была кухня, где варились главные обеды. Отсюда лучше всего просматривалось, какие блюда пользуются повышенным спросом и где ароматное

жаркое. Даже самое удачное дело может прогореть, если не сообразовать его позиции и деятельность со столичными дирижерами.

Согласно «Табели о рангах» и «Уставу о службе гражданской», сохранивших с незначительными уточнениями свою силу и редакцию до второй российской революций Ауэрбаха удостоили положенным законами титулом. Действительный статский советник — персона важная. Шутка ли получить чин четвертого класса и звание потомственного дворянина?! По тогдашним понятиям это — и авторитет и признание определенных заслуг.

Статьи Ауэрбаха и сохранившиеся в Санкт-Петербургских и московских архивах отчеты свидетельствуют о постоянном стремлении анализировать текущий момент и на основании экономического анализа делать выводы для себя и для компаньонов. По-видимому, все это и давало основание его влиятельным современникам, в том числе и всемирно известному ученому конца XIX — начала XX века Ивану Тиме, отмечать эту особенность Александра Андреевича. Известный в правительственных кругах государственный деятель статс-секретарь А. А. Половцев называл Ауэрбаха человеком петровской энергии. А вот некоторые из весьма лестных эпитетов, высказанных об Ауэрбахе вышеупомянутым Тиме: «А. А. ... — один из выдающихся русских горных инженеров», «...блестящие способности и широкая от природы натура», «... благодаря энергии и организаторскому таланту А. А. ...», «А. А. находил возможность вникать во все детали техники, всюду внося инициативу». Все это, бесспорно, соответствует истине. Однако, в откровениях профессора Тиме есть и такие строчки: «А. А. приложил много труда и забот к улучшению быта местного населения и над поднятием его нравственного уровня. («Горный журнал», 1917, т. 1, с. 181-195.). Вот тут- то почтенный профессор допустил перебор.

Факты, документы, устное народное творчество несколько меняют последнее предложение характеристики. Деятельный инженер и действительно умелый организатор дела являлся вместе с тем представителем того слоя общества, которое владело капиталом.

Да, в общении с рабочими, как об этом вспоминали знавшие его современники, он был вежлив, обходителен, тактичен, не употреблял бранных слов. Не то, что некоторые управляющие угольными рудниками, а, тем более, артельные закопёры. А что о своем отношении к рабочим людям писал в своих воспоминаниях сам Ауэрбах? Он откровенно признавался, что предпочитал набирать для работы на предприятиях, которыми руководил, беспаспортных пришельцев. Зато такие в случае чего молчали, боясь попасть в руки станового или мирового судьи. Между прочим, у Ауэрбаха в «Воспоминаниях о начале развития каменноугольной промышленности в России» есть искреннее

признание об одном из способов получения предприятиями повышенных доходов путем организации при них торговых лавок, где товары продавались по несколько удешевленным ценам: «Это попечение о нуждах рабочих давало значительную прибыль предприятию косвенным путем; платя рабочим процентов на двадцать дешевле существовавших плат на других рудниках, я никогда не знал недостатка в рабочих» («Русская старина», декабрь 1909 г., с. 552.).

Эту систему он практиковал затем и на ртутном руднике. А вот образец еще одного любопытного заявления Александра Андреевича из тех же «Воспоминаний»: «...перешли в область предания и пресловутые землянки, а на всех рудниках имеются весьма хорошие квартиры для рабочих; даже казарм почти нет... Всюду имеются хорошие больницы, школы, а при больших рудниках построены и церкви». («Русская старина», декабрь 1909 года, с. 559.). Запомним цитату и обратимся к фактам другого рода. 23 января 1906 года окружной инженер Горловского горного округа Л. Семянников, ссылаясь на протокол комиссии, назначенной губернатором для осмотра ртутного завода и поселка при нем, писал: «Признать жилые помещения №111-155 негодными для жилья и подлежащими немедленному закрытию. Остальным жилым помещениям произвести капитальный ремонт с устройством в них таких полов, которые можно было бы мыть». (Центральный Государственный Исторический Архив России — ЦГИАР — ф. 37, оп. 56, д. 377, л. 7.). Местное управление пыталось оспаривать требования окружного инженера, как и более раннее постановление заседания Екатеринославского по фабричным и горнозаводским делам присутствия от 22 ноября 1905 года: «В постановлении не приведены мотивы, в силу каких 44 помещения (№ 111-155), представляющие собой не землянки, а настоящие жилые дома, признаны негодными. Единственным недостатком этих помещений может считаться их сравнительно небольшая высота, около 3,5 аршина».

Это выводы членов присутствия и горного инженера. Между прочим, указанные землянки (в них ютились и Пересыпкины, и Кретовы, и Аверкины и десятки других семей) пережили самого Ауэрбаха на добрые два десятка лет.

Может быть, на предприятиях фирмы «А. Ауэрбах и К^о» рабочие вполне удовлетворялись заработной платой? Рудокопы получали в среднем около рубля, чернорабочие - 60-70 копеек, женщины — всего 30 копеек (И. Тиме. Очерки современного состояния горнозаводского дела в Донецком бассейне. С.-Петербург, 1889, с. 154.), детский труд оплачивался и того меньше. В то же время (1890 год) метр хлопчатобумажной ткани стоил 12 коп., килограмм сахарного песка (2,5 фунта) — 30 копеек, пуд пшеницы — 83 коп. В неурожайные годы, каким был, например, 1891 год, стоимость пуда пшеницы поднялась до 1 рубля 12 копеек, а

ржи — до 1 рубля 04 копеек. (Л. А. Мендельсон. Теория и история экономических кризисов и циклов, т. 2, Изд-во соц.-эк. л-ры, М., 1959 г., с. 750.). Мясо, масло и другие высококалорийные продукты для рабочих семей были вообще малодоступными, их покупали только к большим праздникам. Для того чтобы хоть как-то сводить концы с концами, приходилось устраивать на работу всех членов семьи, в том числе и малолетних детей. Разве на выборке породы из ртутной руды не трудились малолетние мальчики и девочки?

Периодически недовольство выливалось в виде стихийных бунтов. Отчаявшиеся громили лавку Говзмана, контору, а Ауэрбах недоумевал. В 1909 году он писал: «...нравственный уровень известной части рабочих не только не повысился, а скорее понизился ... бесчинств и всякого рода безобразий чинят куда больше, так что справляться теперь с рабочими стало куда труднее, и для поддержания порядка на рудниках приходится держать немало разных полицейских чинов». («Русская старина», декабрь 1909 года, с. 559.). А как же тогда с поднятием нравственного уровня рабочих, о чем писал И. Тиме?

Перемена настроения рабочего люда не могла не беспокоить предпринимателей. «Раньше,— отмечал Ауэрбах, отношения между рабочими и нанимателями были более патриархальными, и рабочие относились к своим хозяевам и вообще поставленным над ними лицам с уважением и с сознанием необходимости их слушаться ... теперь же ... отношения рабочих к промышленникам значительно изменились к худшему, вследствие того, что под влиянием разных пропагандистов стали смотреть на промышленников не как на работодателей, а как на эксплуататоров рабочих, внушая последним, что промышленники, получая на труде рабочих огромные барыши, платят за этот труд гроши». («Русская старина», декабрь 1909 года, с. 561.).

Признание примечательное. Но в нем звучит явная тревога. Потому и призывал рабочих к покорности и смирению. Произвол и насилие, дескать, одинаково возмутительны, «от куда бы они ни исходили, т. е. сверху ли, снизу ли».

Так выглядел вкратце противоречивый портрет Александра Андреевича Ауэрбаха.

Умер А. Ауэрбах 9 июня 1916 года от внезапного приступа «грудной жабы» (стенокардии).

Миненков Аркадий Васильевич, фото 1907 г.

А.А. Аэрбах - организатор ртутного предприятия в 1886 г .

С. Каронин - Петропавловский

Коллектив руководителей и мастеровых ртутного рудника, 1915 г.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Товарищество на вере по разработке ртутного месторождения просуществовало десять лет, доказав свою жизнеспособность. Вкладчики капиталов убедились в возможности перехода на более высокую ступень организации дела. В октябре 1895 года на стол его высокопревосходительства министра финансов Сергея Витте поступило прошение Ауэрбаха о желании учредить акционерное общество. К прошению прилагался проект устава.

Первоначально предусматривалось определить основной капитал в 3 млн. 500 тысяч рублей золотом, разделенный на 35 тысяч акций. Однако в самом разгаре мытарства и забот о делах создаваемого общества (это случилось весной 1896 года) с апрельского небосвода внезапно разразились грозные раскаты. Возмутителем спокойствия оказалась новоявленная фирма, развернувшая строительство предприятия по возгонке ртути возле дагестанского аула Хпек. Известие пощекотало нервы изрядно. Возникло множество вопросов: кто стоит за спиной фирмы, каково ее финансовое положение, что представляет собой месторождение? А, может, это Ротшильды решили нанести никитовским соперникам нокаутирующий удар в солнечное сплетение?

Учредитель первым делом метнул молнию в департамент торговли и мануфактур по финансовому ведомству: «Узнав о том, что уже приступили к постройке нового ртутного завода на Кавказе, и принимая в соображение, что ртуть имеет весьма ограниченный сбыт, я решил на принадлежащем моему Товариществу заводе не доводить добычу ртути до тех размеров, какие предполагались, а потому учреждаемому мною взамен Товарищества Обществу нет надобности в столь значительном капитале, какой мною испрашивался. Вследствие вышеизложенного имею честь покорнейше просить в представленном мною на утверждение устава Общества «Ртутное дело А. Ауэрбаха и К^о» акционерный капитал определить в 1500000 рублей золотом, а облигационный в 750000 рублей золотом». (ЦГИАР, ф. 23, оп. 24, д. 280, л. 21.).

В означенном департаменте прошение энтузиазма не вызвало. Там, конечно, прекрасно понимали, что такое конкуренция, но демарш Ауэрбаха мог отрицательно отразиться на доходной части казны и получении иностранной валюты. Другие стрелы молний долетели до военного министра и даже до матери августейшего императора Марии Федоровны, совладелецницы Ленских золотых приисков.

Разразившиеся страсти стали немного остывать после получения от посланцев подробной информации о масштаба стройки. Путь вынужденного паломничества ауэрбаховских посланцев в горы Южного Дагестана оказался поистине тернистым. Сравнительно благополучно преодолев немалое расстояние по железной дороге сначала до Петровск-Порта (сейчас Махачкала), а затем до станции Белиджи, они воспользовались услугами перекладных на почтовом тракте к селению Кассумкент. Оттуда к Хпеку пришлось добираться инкогнито по горной ухабистой дороге, проложенной на головокружительной высоте вдоль глубоких обрывистых ущелий и пропастей. Выуженные по другим каналам дополнительные «ведения» позволили определить тактику поведения на ближайшее время и на более длительный период. Руководителям служб в Никитовке вручили категорическое предписание законопатить все щели, через которые могли просачиваться данные о характере горных работ и технологии выплавки металла. На случай обострения конфликтной ситуации разработали варианты действий. Впрочем, нервы успокоило известие о более низком содержании ртути в хпекской руде, чем в никитовской. Затраты соперников вылетали на ветер.

3 мая 1896 года устав акционерного общества был удостоен высочайшего рассмотрения и утверждения. (ЦГИАР, ф. 23, оп. 24, д. 280, л. 61.). 2 октября того же 1896 года состоялась «тайная вечеря» двенадцати апостолов-акционеров. Два присутствовали, так сказать, материально, но бестелесно. Первое качество выражалось конкретно в рублях и акциях, второе — в буквальном смысле. Оба, точнее обе, — дамы: Надежда Михайловна Половцова, наследница финансового воротилы и банкира барона Штиглица, и супруга А. А. Ауэрбаха Софья Павловна. Интересы Половцовой представлял по доверенности (такое практиковалось) акционер В. Я. Евдокимов. Не пожелала явить форуму деловых людей свою внешность и Софья Павловна, своими голосами уполномочила распоряжаться сына Сергея.

Из всех акционеров наиболее колоритной и противоречивой фигурой являлся Дмитрий Васильевич Стасов, сын известного русского зодчего, брат знаменитого критика и учредителя Бестужевских женских курсов, вместе с Антоном Рубинштейном и Кологривовым выступивший с инициативой основания Петербургской консерватории и Русского музыкального общества. Видный юрист, Д. В. Стасов защищал в свое время на суде Каракозова, затем отдельных подсудимых в деле 193-х, в процессе 50-ти. (Е. Д. Стасова. Страницы жизни и борьбы. Госполитиздат, М., 1960, с. 9.). В его библиотеке хранились фотографии декабристов, Веры Фигнер, Софьи Перовской, парижских коммунаров, Гарибальди, сочинения Герцена и революционных демократов. Он

систематически оказывал материальную помощь Н. Г. Чернышевскому. (Стасова Е. Д. Воспоминания. М, 1969, е. 13,14.). В 1880 году Александр II приказал выслать слишком гуманного адвоката из российской столицы. Дворянин Д. В. Стасов являлся вместе с компаньонами акционером ртутного предприятия, условия работы и жизни рудокопов и плавильщиков металла на котором были далеки от благополучных. В своем Новгородском имении практиковал установление весьма обременительных для крестьян отработок за пользование лесными и луговыми угодьями и вынужден был выслушивать в связи с этим резкие упреки в явно притеснительной эксплуатации тружеников от дочери-революционерки Елены. (Там же, с. 15.).

Список возглавила Половцова, купившая 4320 акций, за ней следовали И. Ф. Досс — 1580, супруги Ауэрбах по 1200 акций, их сын Сергей — 1160, В. Я. Евдокимов — 1080, Д. В. Стасов — 1000. Перечень держателей ценных бумаг замыкали мелкие владельцы — Николай Николаевич Комаров, Иван Осипович Вальх, Модест Иванович Струков. Взять, скажем, полковника Комарова— 40 акций, два голоса. Много форса, отменная выправка, в остальном — вылитый грибоедовский скалозуб. То, что распылил средства (немного в медное дело, часть в бычьей кожи и свиную щетину, в мастерскую по изготовлению бубнов и трензелей, пять тысяч целковых на ртуть), понять можно. Пуще всего боялся банкротства. В фирме по меди мог бы кулаком ударить, он же растопыривал пятерню, и оттого слышны только тихие невыразительные хлопки. Почти такого же пошиба коллежские советники Вальх и Струков. Но при случае могут пригодиться. Например, для ревизии.

Товарищество, прекратившее свои действия, передало Обществу земельный участок, завод, рудник и жилой фонд. Бухгалтер Катышевцев потребовал от своих помощников и подчиненных скрупулезной сверки наличия имущества с записями в конторских книгах. В перечне собственности числились, например, дом управляющего — 5000 рублей, 136 малых казарм для рабочих по 150 рублей каждая, ломы и кайла, лоханка для стирки белья, выездные экипажи, четыре иконы, три револьвера, водоотливные и рудоподъемные машины, насосы, портреты почившего в бозе императора Александра III и императора-преемника Николая II с венценосной супругой. Не забыли вписать в приемосдаточную ведомость носилки для гробов стоимостью три рубля. (ЦГИАР, ф. 23, оп. 24, д. 280, лл. 37-49.).

При выработке условий устава Ауэрбаху отвели роль фактического хозяина фирмы. Согласно § 55 каждые 25 акций давали право на один голос, но один акционер не мог имея по своим акциям более того числа голосов, которое давало бы право владения одной десятой частью всего основного капитала

общества. Поэтому в числе акционеров оказалась супруга и сын Ауэрбаха. Вместе они получили 178 голосов из 425. Фактически диктовали деловую погоду.

Телеграф и газеты 1896 года принесли известие о золотой лихорадке Клондайк в Северной Америке. Оно подогрело помыслы и устремления некоторых промышленников. Только и разговоров было в отделанных по моде салонах о внезапно открывшемся за океаном источнике стремительного обогащения. 1896 год стал и для вкладчиков ртутного объединения России удачным годом. Они открыли свой Клондайк на холмистых возвышенностях и откосах вдоль балок Сторчевой, Катушки и Железной.

Организуя дело, акционеры намечали далеко идущие планы. В 1897 году правление выпустило в обращение пятипроцентные облигации на общую сумму 1 млн. 125 тыс. кредитных (750000 золотых) рублей на предъявителей. Покупатели, влекомые ажиотажем, вносили за каждый приобретаемый трехсотрублевый билет сверх нарицательной стоимости пятнадцать рублей, за полуторатысячный - семьдесят пять. Реализация займа осуществлялась не только внутри страны, но и за рубежом с паритетом 300 рублей = 800 франков = 648 германских марок = 31 фунт стерлингов 14 шиллингов 4 пенса. Оплату купонов предполагалось производить в Петербурге, в ряде других городов России, а также в Париже, Лондоне, Берлине. Марафон облигационного капитала был рассчитан на сорок лет до 1 (14) декабря 1936 года. (Указатель действующих в империи акционерных предприятий, С-Пб., 1903, с. 1070.).

Первыми директорами учредительное собрание избрало А. Ауэрбаха, И. Досса, Д. Стасова и В. Евдокимова. (ЦГИАР, ф. 23, оп. 24, д. 280, л. 69.) С чистой прибыли им полагалось за труды четыре процента. Директору-распорядителю (им длительное время был Ауэрбах-старший) определили, кроме того, ежемесячное жалованье в пятьсот, а затем и в тысячу рублей.

Начало деятельности акционерного общества «Ртутное дело А. Ауэрбаха и К^о» оказалось многообещающим. В первые два года успех следовал за успехом. Добытки «драконовой крови» вышли на мощный пласт рудного тела от 4 до 30 саженей с богатыми жилами киновари.

В 1896 году удалось выплавить и полностью реализовать 30004 пуда ртути. 1897-й вообще стал рекордным — получили 37600 пудов (626,6 т.) «серебряной воды». (ДОГА, ф. Р- 2607, оп. 1, ед. хр. 735, л. 1.).

В 1898 году руководитель горных работ А. Шепелев исследовал четвертый по счету купол, считавшийся малоперспективным и обнаружил пласт, пропитанный киноварью настолько, что на фоне окружающего песчаника он представлялся в виде необыкновенно ярко окрашенной полосы. Рудник получил

название «Чегарники». Добываемая здесь руда содержала от 7 до 10 % металла. («Известия Общества штейгеров» № 4 за 1914 год, с. 27—28.).

Русская ртуть произвела на мировом рынке фурор. Шутка ли обойти такие страны, как Италия и Австрия?! Впереди в те годы были лишь Испания и Северо-Американские Соединенные Штаты. В правлении воцарилось ликование. Акционеры с вожделием и благостью взирали на грузную фигуру своего патрона и бога Ауэрбаха. Еще бы! Только по результатам 1896 года они разделили часть чистого дохода по 14 рублей дивиденда на акцию. Надежде Михайловне Половцовой, например, выдали «на мелкие расходы» 60480 целковых, крупные она проводила за счет прибылей от Богословского горнозаводского общества на Урале, в которое вложила шесть миллионов рублей. В 1897 году прибыль Общества составила 268224 рубля, из которых на каждую акцию выдали 22 рубля дивиденда. Биржа немедленно отреагировала на такой взлет фирмы стремительным повышением цены акций. Их брали нарасхват по 365 рублей при номинальной стоимости в 125 рублей золотом.

По предложению председательствующего на собрании 15 марта 1898 года С. С. Соллогуба акционеры записали в постановлении: «...выразить правлению благодарность как за отличные результаты, достигнутые в деле, так и за обстоятельное, вполне ясное составление отчета». (ЦГИАР, с. 86.). Круг акционеров в условиях взлета фирмы расширился: Е. Ламанский, Г. Губчиц, В. Штарк, К. Кухта, Ю. Горяйнов, Д. Дармолатов, Е. Эпштейн, Р. Зиверт, А. Кричевский, Г. Залле, К. Корженецкий. И еще Ландберг, Рындзиевский, Раупорт, Коган, Аскенази, Калашников, Андреевский ... Деловые люди с русскими, польскими, немецкими, греческими, еврейскими фамилиями. Но вскоре стали проявляться негативные тенденции, обострившиеся в связи с назначением в 1897 году сына учредителя Сергея Ауэрбаха, только окончившего институт, помощником управляющего А. Миненкова. Между ними начались раздоры, и Миненкову пришлось в апреле 1898 году уйти.

На его место был назначен горный инженер И. А. Шамарин, родственник Ауэрбаха. Уволился и руководитель завода Г. В. Горенков. Его сменил горный инженер К. И. Ауэрбах, двоюродный брат А. Ауэрбаха. Сергея Ауэрбаха переместили на должность управляющего Александровским угольным рудником.

Банкирский дом Ротшильдов с конторами в Лондоне, Париже, Вене и в других городах Европы, прибравший к своим рукам крупнейшее в мире предприятие по возгонке ртути в Альмадене (Испания) и предоставлявший правительству России большие займы, предложил правлению «Ртутного и

угольного дела А. Ауэрбаха и К^о» уступить ему рудники и завод за сходную цену, но получил отказ.

Взятый прежде разбег притормозил январский пожар 1898 года, повредивший насосную камеру и вызвавший обвал части шахты «София». Нижние горизонты с самой богатой киноварью оказались недоступными для разработки. Восстановление разрушений и откачка воды были завершены лишь к маю 1900 года. (Иллюстрированный спутник по Курско-Харьково-Севастопольской железной дороге. Харьков, 1902, с. 222.). Недобор руды из «Софии» восполняли за счет увеличения добычи в других шахтах, оснащенных устаревшим и маломощным оборудованием. От этого себестоимость каждого пуда металла в отдельные месяцы повышалась на несколько рублей.

Немаловажное значение имело то обстоятельство, что руководители «Ртутного дела» увлеклись угледобычей, приобретя за 80 тысяч рублей у капитана Леонида Успенского земельный участок в двадцать десятин с рудником (на этом месте сейчас функционирует шахта «Комсомолец»).

Об этом приобретении надо сказать более подробно. Это — старейший рудник нашего города, действующий и поныне. Уголь здесь стали добывать еще в первой половине XIX века. Знала копь добычу и с ручным воротом, и с конным подъемником. В 60-е годы угленосные недра взяли в аренду на 9 лет у железянцев предприниматели Зилов (Зонов) и Потоцкий, выбирая залежи топлива на небольших глубинах. Свое право аренды они уступили Фурсову, который затем выкупил участок. Жена Фурсова продала безномерную копь своему родственнику Залевскому, а тот в свою очередь — отставному капитану Успенскому, получившему за службу дачу по соседству с рудником (поселок Успеновка).

Капиталовложения в производство ртути фактически прекратились. Не уделялось должного внимания разведочными и особенно подготовительным работам.

В конце XIX - начале XX века Россию охватил экономический кризис. Первые его признаки обнаружались на денежном рынке. На бирже началась паника. Акции многих акционерных обществ полетели вниз. Падали цены на железные швеллеры, на кровельное железо, рядовой уголь, антрацит, чугун. Закрывались заводы, доменные печи. Неожиданно для многих потерпел крах банк Алчевского в Харькове.

Производство ртути в это время выглядело следующим образом: 1900 год - 309,8 тонн, 1901-й - 369,1 т, 1902-й - 423,7 т, 1903-й - 368,5 тонн. Конечно, кризис ударил и по ртутному делу, но эта отрасль быстро приспособилась к

изменившемся положению и преодолела кратковременный спад. Казалось, что при такой статистике можно пережить неблагоприятный период. Тем более что цены на ртуть стали возрастать. Если каждый пуд «серебряной воды» в 1899 году приносил около двенадцати, а в 1900 году — одиннадцать рублей прибыли, то уже в 1901-м — шестнадцать с половиной, в 1902-м — семнадцать, в 1903-м — пятнадцать с половиной. За эти годы (1899-1903) общая прибыль по ртути составила 1616855 рублей. Но ее съедал угольный рудник, расходы на строительство и эксплуатацию коксобензольного завода, выплата неустоек фирме Эванса Коппе и ряд других затрат. По этому дивиденд на одну акцию в 1899 году составил лишь 4 руб. 65 коп. Не густо. Были годы и вовсе без выдачи дивидендов (1898, 1900). (Указатель действующих в империи акционерных предприятий, С.-Пб, 1903, с. 1070.).

В прежние годы, когда конъюнктура рынка несла фирму вверх, компаньоны радостно потирали руки, глаза светились блеском, а лицо Ауэрбаха, обрамленное снизу роскошной окладистой бородой, казалось им чуть ли не ликом Николая-Чудотворца. В отчете директора-распорядителя за 1902 год еще звучали оптимистические нотки: «Несмотря на тяжелый промышленный кризис, мы закончили истекший год сравнительно довольно хорошо с прибылью в 203670 рублей 36 коп., т. е. почти на 100000 рублей более против предыдущего года». Исходя из этого, намечались крупные капитальные затраты: устройство приемника на промывочной для угля от «Черной Курганки», приобретение паровоза, постройка казармы на 44 человека на шахте «Надежда», установка земского телефона, постройка копра и установка оборудования на шахте «Бураковка».

Но в следующем году зазвучала тревога: «Представляя на ваше усмотрение отчет за восьмой год деятельности нашего общества, считаем долгом прежде всего назвать вам причины, вызвавшие неисполнение постановления общего собрания акционеров в отношении выдачи дивиденда за 1902 год». Ауэрбах одну за другой перечислял эти причины: уменьшение добычи ртути на 3313 пудов, увеличение себестоимости пуда металла на 1 рубль 18 копеек и уменьшение продажной цены на 56 копеек. Казенная железная дорога не добрала 2878 тыс. пудов заказанного угля. Убыточными оказались московские торговые склады угля. Положение еще больше ухудшилось в 1904 году.

Теперь все смешалось. Фирма зашаталась. Началось ее падение. Надежды на повышение продажной цены в связи с уменьшением поставок жидкого металла на внутренний рынок не оправдалась.

Произошли новые назначения. Лишь Автоном Шепелев продолжал вести горные работы. Общее руководство перешло к Сергею Ауэрбаху. Заводом стал заведовать инженер С. К. Конюхов, а угольными шахтами второй сын А. Ауэрбаха Владимир.

Дело с угледобычей не поправилось, и Владимира сменил сначала Купфер, а после него Неклюдов.

Одни акционеры «Ртутного дела» еще поглядывали на Александра Андреевича, как на мага, и ждали благоприятного прогноза, а помрачневший учредитель беспомощно разводил руками. Другие откровенно злорадствовали и обвиняли Ауэрбаха и в том, что допустил промахи, и за то, что пригрел на теплых должностях сына, двоюродного брата, других родственников.

К 1904 году положение достигло критической черты. Были месяцы, когда на бирже 125-рублевые акции котировались по 16 рублей! (ЦГИАР, ф. 23, оп. 24, д. 280, л. 94.). В государственные учреждения посыпались письма, жалобы, даже анонимки. В одной из них, полученной канцелярией Министерства финансов 21 января 1905 года, обиженный жалобщик, не назвавший себя, («Состоя в родственной связи с одним из директоров общества и не видя особой надобности в раскрытии своего имени, позволю себе остаться анонимом»), с гневом писал: «...Ауэрбах — сын, погубивший дело, продолжает держать его в своих руках. Ауэрбах — отец продолжая получать из абсолютно бездоходного дела 12000 рублей в год, а акционеры без копейки дохода с акций, без всякой надежды на поправление обстоятельств». (Там же, л. 95.). Вчерашние компаньоны вели себя, будто пауки в банке. Русско-японская война усугубила экономические трудности страны, подорвала финансовую систему, что отрицательно сказалось на деятельности многих промышленных предприятий, в том числе и ртутного. В 1905 году пошла было руда выше по кондиции, чем в предыдущие два года, но ее добыча шла на убыль. Задуманное углубление шахт по добыче киновари не выполнялось. В 1906-1907 годах во многих отраслях промышленности наблюдалось кратковременное оживление, а ртутное и угольное производство Ауэрбаха и компании продолжало падать. Оно уже дышало на ладан. Никакие попытки поправить дело не удавались. В 1908 году, выплавив менее трех тысяч пудов ртути, остановился ртутный завод. И лишь угольные шахты продолжали добычу топлива.

«МЫ ДОЛЖНЫ САМИ КОВАТЬ СВОЕ СЧАСТЬЕ»

Конец XIX — начало XX века ознаменовались усилением революционного движения в России. Активизировалось оно и в Донбассе, и в нашем городе. Стачечная борьба принимала более массовый характер и в ряде случаев завершалась победой. Забойщики соседней с ртутным предприятием шахты № 5 «Альберт» добились в 1894 году повышения оплаты каждой отбитой кубической

сажени угля на тридцать копеек. В 1900 году пошла на уступки бастующим администрация шахты № 8 «Альфред». Однако, разразившийся экономический кризис сильным взмахом зловещих крыльев тяжело ударил по интересам тружеников. Многие из них были безжалостно выброшены за ворота предприятий. На Александровском руднике (шахта «Мария») расчет получила почти треть рабочих, на коксобензольном заводе — около половины. Зарботки снижались, а стоимость продуктов значительно возрастала.

Социал-демократы постепенно распространяли свое влияние на населенные пункты Донецкого края, в том числе и на поселки ауэрбаховских предприятий.

Руководитель «Летучего отряда» — исполнительного органа социал-демократического Союза горнорабочих—А. В. Шестаков посетил в начале 1902 года ряд промышленных районов Донбасса. Потом он вспоминал об этом периоде: « Я взял на себя Славянск, Луганск, Дружковку, Жиловский рудник, Юрьевский завод (г. Алчевск) и Никитовку. Везде удалось разыскать отдельных товарищей и даже группы их, оставить немного литературы и подготовить план массового распространения прокламаций («Социал-демократические организации Донбасса в 1901-1904 годах», Сталино, 1954, с. 17.).

Усиливали свое влияние в округе и члены Нелепо-Щербиновского социал-демократического кружка, созданного в 1902 году Г. И. Петровским. К лету 1903 года этот кружок вошел в состав Союза горнорабочих (А. М. Максимов. На баррикадах. Донецк, 1973, с. 65).

В условиях политического бесправия листовки являлись могучим средством воздействия на рабочих и жителей.

...Утром 21 июня 1903 года, почти сразу после ухода ночной смены, возле плавильных печей ртутного предприятия замелькали фигуры полицейских из рудничного околотка. Торопливо обегали стражники заводские сооружения, отвалы шлака, врываются в помещения отражательных печей, оттуда бежали к шахтам, заглядывали в вагонетки, в рудоразборную, перетряхивали висевшую у входа сортировочной одежду. Предметом осмотра стали даже рукавицы отборщиков породы.

Прояснилось все днем. Только и разговоров было о листовках и о тех, кто их сюда доставил. Укрываясь от полицейского глаза, грамотные по слогам вычитывали *«Кто наш к враги?»*, а затем и текст: *«Мы едим всякую гниль, которую нам продают на заводских базарах и заводских лавках»* ...

Чтение прерывалось комментариями присутствующих.

«..Мы живем в сырых и холодных конурах, где дети наши с первых дней становятся хилыми и слабыми; изувеченных машиной, нас выбрасывают на улицу, обрекая семьи наши на голодную смерть... Почему в то время, как

много других людей живут в роскоши, мы, рабочие, лишены самого необходимого и не знаем ничего другого, кроме суровой нужды и вечного труда?... Мы должны сами ковать свое счастье!».

Много шума и пересудов вызвали печатные листки. Свободные от смен печевые, перегребщики, отбивщики ртути и рудничные, несмотря на усталость, не спешили в казармы и землянки. Обсуждали событие. Когда к ним приближались околоточные, разговоры стихали.

В тот же день местные блюстители порядка составляли рапорт начальству. Понеслись к инстанциям пакеты с грифом «Секретно», и уже 24 июня помощник начальника Екатеринославского губернского жандармского управления в Бахмутском и Славяносербском уездах доносил своему шефу: *«Околоточный надзиратель рудника и завода акционерного общества «Ртутное дело А. Ауэрбаха» при рапорте от 21 сего июня за № 34 представил мне 12 печатных прокламаций социал-демократического Союза горнозаводских рабочих за № 4 под названием «Кто наши враги». Прокламации эти были разбросаны в ночь на 21 июня по заводу неизвестными лицами и утром подобраны членами полиции. Виновники не обнаружены, и розыск их продолжается»* (Центр. Гос. Ист. Архив Украины (Киев) — ЦГИАУ, ф. 313, оп. 2, д. 665, л. 2).

Внезапным обыском подвергались все казармы и многие землянки. Недели две велось дознание. Некоторых рабочих вызывали в участок по три-четыре раза. Околоточный и его подчиненные внимательно вглядывались в глаза допрашиваемых, будто и впрямь могли по ним определить злой умысел против работодателей и государя-императора, некоторым грозили:

— В бараний рог свернем, в Сибирь погоним!

На подмогу прибыл жандармский офицер, разговаривал ровно, без злости, вызывал на откровенность, не прочь был порассуждать о рабочих нуждах. Но и он уехал ни с чем.

Начертанная на донесении резолюция о возбуждении уголовного дела против распространителей печатных воззваний повисла в воздухе. Дело получило большой резонанс. О нем дали представления с приложением образцов прокламаций в управление корпуса жандармов, прокурору харьковской судебной палаты и в департамент полиции (ЦГИАУ, ф. 313, оп. 2, д. 665, л. 3).

Результаты дознания оказались никчемными.

А в народе разговоры:

— Без поджога и сухие дрова не горят. А тут кочегар нашелся, разогрел баньку...

ГОД 1905-Й

В условиях затянувшегося кризиса начала XX века положение трудящихся значительно ухудшилось. Нужда и бедствия народа достигли предела. Тяжелое положение переживали и рабочие Ртутного рудника. Хозяева не сумели предотвратить спад производства и выискивали всевозможные способы уменьшения расходов. Увеличивались задания на упряжку, снижались расценки. Администрация не обременяла себя заботами об улучшении безопасности трудящихся и условий труда. Принудительная вентиляция в шахтах почти не практиковалась, а естественная не могла обеспечить должное проветривание рабочих блоков от рудной пыли. Бурильщики, отбойщики и подсобные рабочие постоянно вдыхали вредоносный воздух. Такой же опасности подвергались дробильщики руды. Не лучше обстояло дело у металлургических печей, особенно у отражательных. В последних обжигались так называемые мелкие классы — рудная мелочь, образующаяся при добыче и дроблении крупных кусков и содержащая наибольшее количество киновари. Большой процент отравлений наблюдался у печевых-перегребщиков. Одну порцию загрузки надо было перегрести от трех до шести раз. За сутки около десяти тонн.

Чтобы не выдавать пособий заболевшим, систематически проводилась браковка рабочих. В 1902 году по этой причине получили расчет 339 человек, в 1903-м — 416, а в 1904 — 624 (А. М. Максимов. На баррикадах. Донецк, 1973, с. 40).

После 1903 года возросла активность групп социал-демократов, особенно большевистского направления. Размещение казачьей сотни у соседней Чегарской копи явилось далеко не случайным фактом.

Расстрел демонстрации петербургских рабочих в день «кровавого воскресенья» всколыхнул весь Донбасс. Группа РСДРП распространила листовки «В бой за свободу!», призывая к восстанию против самодержавия. Февральские события показали, что призыв был услышан. 21 февраля 1905 года прекратили работу 1500 ртутнян, т. е. в стачке приняли участие практически все труженики предприятия.

Исполнявший должность Екатеринославского губернатора Нейдгарт докладывал министру внутренних дел: *«Неудовлетворенные в своих требованиях об увеличении заработной платы на 30 процентов, рабочие устремились к паровым котлам, шахтным зданиям и частным торговым лавкам. Никакие увещания не привели толпу к успокоению, и в ответ на предупреждение о действии оружием в войска начат бросать камнями и стрелять из револьверов»* (Донбасс в революции 1905-1907 годов. Сталино, 1995, с. 14).

Здесь в миниатюре повторилось то, что произошло 9 января в Петербурге. Войска открыли огонь. По свежевывающему снежному насту расползались кровавые лужи. Тот же Нейдгарт, прибывший на место события вместе с прокурором, констатировал: *«...на рудниках Ауэрбаха убито трое, легко ранено пять. После выстрелов толпа разошлась»*.

Начались аресты и экзекуция. В числе арестованных на Ртутном и соседних рудниках оказалось 164 человека. Наводнив поселки войсками, каратели смогли на некоторое время сдержать натиск трудящихся. Но рабочие собирали силы, готовились дальнейшей борьбе... 14 марта управляющий ртутными рудниками ходатайствовал перед властями об оставлении на месте казачьей сотни. Его поддержал и директор — распорядитель щербиновских угольных рудников (там же, с. 16). Вскоре на предприятиях Ауэрбаха, Петровском заводе, на Щербиновских, Нелеповских копях губернатор дополнительно разместил 5 воинских рот и две сотни казаков (Там же, с. 18). Концентрация воинских подразделений в этом районе оказалась самой значительной по сравнению с остальной частью промышленного района.

В Горловке и прилегающих поселках начали создаваться группы рабочей самообороны. На станции Никитовка возник также революционный очаг во главе с Георгием Трояновым и Виктором Жежуриным. Территориальная близость ртутного рудника к станции способствовала сближению революционно настроенных ртутнян с железнодорожниками. Крепли их связи также с горловчанами и щербиновцами.

Горловский стачечный (распорядительный) комитет, избранный в начале октября 1905 года, сосредоточил в своих руках фактическую власть. Члены стачечного комитета несколько раз приезжали на специально выделенных поездах на ртутный рудник для проведения собраний («1905 год в Донбассе. Из воспоминаний участников первой русской революции». Сталино, 1955, с. 23). Посещения эти носили агитационно-пропагандистский и мобилизационный характер. Ораторы призывали к всеобщей забастовке, ниспровержению царского самодержавия, к вооружению рабочих.

Кульминационным моментом революционного натиска в Донбассе, как и по всей стране, стал декабрь, а наибольшей остроты и размаха движение достигло в Горловке. Рабочие дружины пошли на штурм войсковых казарм. В наступавших шеренгах были и ртутняне.

Первая проба сил кончилась поражением, но не сломила настрой восставших. Сразу же после боя войска разместились на ртутном руднике. С ними был и местный пристав. Об этом сообщал уездный исправник Федоренко Екатеринославскому губернатору 18 декабря.

В январе 1906 года состоялся I съезд владельцев промышленных и торговых предприятий, выработавший единую линию противодействия пролетариату. С докладом по рабочему вопросу выступил директор Днепропетровского металлургического завода Ясюкович. Он решительно выступил против попыток правительственной комиссии разработать предложения о регламентации рабочих смен. Такую же непримиримую позицию заняли в Совете по горнозаводским делам министерства земледелия и государственных имуществ Ауэрбах и Авдаков. Они отвергли предложения Министерства финансов о сокращении рабочего дня до десяти часов, настаивая на одиннадцатичасовом. (Революция 1905—1907 годов в национальных районах России. М., 1955, с. 135).

Прокатившаяся в весенне-летний период 1906 года очередная волна забастовок снова охватила рудник Ауэрбаха. Охранка отметила организованное выступление добытчиков «драконовой крови» 1 июня (Донбасс в революции 1905-1907 годов, с. 74). Характеризуя сложившуюся здесь и на прилегающих поселках обстановку, исполнявший обязанности Екатеринославского губернатора доносил в столицу, что « *...революционные организации энергично работают с целью подготовить вооруженное восстание, замечаются попытки перенести агитацию из рабочей среды в крестьянскую, и на днях ожидаются митинги с хождением на станции и в ближайшее села.* » (Там же, с. 74).

Полицейские агенты и филеры не ошиблись в своих наблюдениях и выводах. Рабочие искали новые формы борьбы! В Никитовку прибыл по заданию центра известный революционер Д. И. Лещенко для объединения революционно настроенных борцов.

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

7 октября 1906 года кредиторы акционерного общества «Ртутное дело А. Ауэрбаха и К^о» учредили администрацию над имуществом и дальнейшим функционированием никитовских предприятий. В нее вошли сам Ауэрбах, известный промышленник Юрий Горяинов, инженер-технолог Семен Калашников, действительный тайный советник Казимир Корженецкий и германский поданный Густав Залле.

Обстоятельства заставляли торопиться. В июне акционеры еще помышляли об оздоровлении дела путем выпуска дополнительных привилегированных акций с преимущественным правом получения по ним дивиденда перед основными акциями.

В августе Министерство финансов пошло навстречу Ауэрбаху и компаньонам. Но осуществить задуманное они уже не смогли. Посыпались судебные повестки, протоколы, письма, отношения, объявления. С черными

орлами и без оных. Гербовые и актовые бумаги были и прежде, но теперь они выглядели символами недобрых предзнаменований. Ничего хорошего, лишь тревоги, разочарования, печать краха. Как из рога изобилия, падали на столы писемоводителей высоких учреждений требования, записки с упреками, жалобы. Словно пощечины.

Держатели акций записали в постановлении слова назидания избранной администрации — «Продолжать все торговые и промышленные дела должника нашего, как доброму хозяину нашему» и предложили «движимое имущество всякого рода закладывать и продавать за наличные деньги и в кредит». Новое руководство занялось прежде всего приисканием крепких предпринимателей для передачи в их руки рудников и завода на условиях аренды. Старались хозяева-акционеры, всю старались и нанятые ими посредники. Оплату услуг агентов, «на каких будет возложено администрацией какое-либо специальное поручение», проводили по особой статье расходов. И те в поте лица обивали пороги финансовых и промышленных магнатов и компаний в Петербурге, Харькове, Лондоне, Берлине. Повезло в Брюсселе. Лучше других преуспел опытный маклер и коммерсант, купец первой гильдии Давид Леонтьевич Животовский. Он брал будто бы на себя право разработки каменного угля на рудниках Александровском, Чернокурганском и Бураковском со всем оборудованием, машинами, жилыми помещениями, канатной дорогой, углепромывочной, коксовыми печами, электростанцией, железнодорожными подъездными путями, паровозами и другим подвижным составом на двенадцатилетний срок с 1907 по 1919 год. На самом деле за его спиной стояло спешно созданное в Бельгии «Общество аренды угольных копей А. Ауэрбаха и К^о». Новая фирма самостоятельной силы не обрела и стала представлять интересы зарубежного капитала по договору 1907 года, заключенному «Обществом аренды угольных рудников А. Ауэрбаха и К^о» с Римским банком относительно передачи последнему прав «Общества аренда». К тому времени за указанным банком и подписавшим итальянским анонимным обществом стоял капитал в 40000000 лир. (ЦГИАР, ф. 616, оп. Ц д. 535, лл. 84, 87). К богатству России протягивали руки все новые и новые дельцы.

От разработки ртутного месторождения фирма-посредник отказалась, хотя и выговорила себе возможность использовав по собственному усмотрению наличное оборудование ртутных шахт. Против соглашения выступил лишь представитель компании «Эванс Коппэ», сооружавшей по ранее заключенной договору с «Ртутным делом» коксобензолный завод. Но это вопрос удалось уладить мирно. Сумму арендных платежей определили в 171

тысячу рублей, однако платить приходилось немало и по облигационному займу, и по векселям, и по другим договорам и обязательствам.

Положение бывших рудокопов и металлургов резко ухудшилось. Об их трудоустройстве никто не позаботился. Особенно трудно приходилось людям пожилым и больным. Лишь немногие рабочие, преимущественно увечные, могли рассчитывать на нищенское вспомоществование. Такое право впервые в 1899 году получил Иван Быченко, в 1900 году Павел Гринцев, в 1901 г. - Владимир Полтавцев и Иван Купреев, в 1904 — девять человек, в 1905 — восемнадцать... Годовое пособие Федора Юрченко составляло, например, 45 рублей, Ивана Меркивского - 31 рубль, Федора Стряпчева — 20 рублей 80 копеек, Ивана Алферова — 17 рублей 33 копейки. Разве могли свести концы с концами Антон Пашин или Михаил Ляхов, если годовая пенсия каждого из них составляла 3 рубля 47 копеек — по 28 копеек в месяц?!. (ЦГИАР, ф. 616, оп. 1, д. 626, лл. 8-11.).

Между тем и «Общество аренды» не преуспело в организации производства. Рыночная цена на уголь и кокс вопреки надеждам оставалась низкой. Арендаторы как хозяева временные расходовать средства на капитальные подготовительные работы и обновление оборудования не спешили. Они форсировали лишь доработку пласта на горизонте 90 сажень шахты «Мария». Собрание новых акционеров-арендаторов 27 апреля 1911 года решило от дальнейшей эксплуатации рудников отказаться. Оно не усмотрело уже отчетливо наметившегося оживления в промышленности и торговле. Не хватило выдержки и предвидения. В то же время некоторые из прежних хозяев и возникшие рядом с ними молодые дельцы с цепкой хваткой и коммерческой жилкой поняли сущность намечавшихся контуров промышленного подъема. Они нуждались в широком поле деятельности и изготовились к предстоящему штурму. Такие, как директор Азовско-Донского банка Леонард Рейман, финансисты Э. Лансдорф, П. Хесин, С. Поляк, Е. Раппопорт.

В конце лета 1911 года администрация кредиторов сочла свои полномочия исчерпанными и предложила восстановить деятельность правления. 1 ноября после перерыва состоялось заседание акционеров. Старых знакомых поубавилось, замелькали незнакомые лица. Самым влиятельным и могущественным казался Азовско-Донской банк, скупивший две трети акций. К этому времени он успел прибрать к рукам ряд сахарных заводов — Староконстантиновский, Каменский, Маловисковский, Шогатовский, Жашковский, Ходорково-Романовский. Теперь наступила очередь ртутного и угольного производств.

Происходили перемены и на предприятии. Ушел с работы штейгер А. Шепелев, осуществлявший надзор за ртутными рудниками и заводом. Пришлось Сергею Ауэрбаху сдать свои полномочия управляющего своему помощнику Леонтию Эйлеру.

В интересах упорядочения дела и оздоровления актива общества в убыток списали сумму в 2 025 000 рублей — стоимость физически и морально устаревшего оборудования, изношенный инвентарь, обветшалые строения. Оставшийся после этого основной капитал в 225 000 рублей решили довести до 3 000 000 рублей путем выпуска и реализации новых акций. Часть ценных бумаг подлежала обмену. Членами правления стали Д. И. Дармолатов (председатель), С. А. Андреевский, А. А. Ауэрбах, Р. Ф. Зиверт (директор-распорядитель), кандидатами А. И. Каминка и А. Ф. Кричевский (ЦГИАР. ф. 23, оп. 24, д. 280, лл. 106, 112).

Отчет за первый год деятельности восстановленного руководства компании прозвучал оптимистически. Добыча возросла за 1912 год с 6,5 до 17,3 млн. пудов при уменьшении себестоимости каждого пуда с 13,4 коп. до 6,86 коп. Капитальные затраты в два миллиона рублей начинали давать хорошую отдачу. Велись усиленные поисковые работы на ртуть. Комиссия экспертов пришла к заключению о наличии достаточных промышленных запасов на десятки лет. При содействии австрийской фирмы «Аухаген» готовился проект строительства завода по возгонке «серебряной воды» с производительностью в двадцать тысяч пудов.

Трудные времена застоя сменились промышленным подъемом. Посыпались заказы. Ободренные успехом, правители Азовско-Донского банка образовали в конце 1912 год собственный синдикат для покупки и дальнейшей продажи акций «Ртутного и угольного дела А. Ауэрбаха и К^о». Пять процентов с чистой прибыли стали пополнять сейфы банка. (ЦГИАР, ф. 616, оп. 1, д. 626, л. 139, д. 763, л. 68).

Используя благоприятную конъюнктуру, руководство общества спешило умножить имущество и финансовую мощь фирмы. Оно прежде всего обратило внимание на земли железнянского общества с недрами, богатыми полезными ископаемыми. Первоначальный план состоял в том, чтобы предложив крестьянам взамен их наделов другой участок земли где-нибудь в Центральной России или возле городка Кизляра в Терской области. Заложенное и перезаложенное имение возле Кизляра площадью 5580 десятин принадлежало некоему И. С. Байбусу. Какая завертелась карусель! Чтобы взять верный тон в торге, в банковские отделения Воронежа, Харькова, Москвы, Таганрога понеслись письма управляющим донести о размерах финансового состояния Байбуса. И в каждом приписке - «Само

собой письмо это носит строжайше конфиденциальный характер». Вскоре поступили подробные сведения и о земле и о самом собственнике — «человек хитрый и притом несговорчивый», «чрезвычайно себе на уме» и прочее в таком же духе.

Другой представитель — управляющий никитовскими рудниками Л. Эйлер прощупывал почву у самих железнянцев . Оказалось, что вокруг уже вьются оборотистые лица, ищущие комиссионных и солидных чаевых. Один из таких дипломированных посредников Исаак Яковлевич Гранов из Бахмута советовал «изменить существующую теперь систему сплошных «благодарностей» в том отношении, что таковые должны быть предоставлены лишь избранным лицам, к мнению которых прислушивается большинство схода и которые составляют около 20 % схода в 600 чел., т. е. 120 лицам, влияющим на решение схода. Единственная затрата для этой цели будет простираться до 50 000 рублей». (ЦГИАР, . 616, оп. 1, д. 626, лл. 99,100.). Вот как обстояло дело. Так было в период посещения рудника Карониным, так с не меньшей изворотливостью и откровенностью действовали дельцы двадцать лет спустя. Тонкий расчет на грабеж, на подкуп. Свой карман был ближе. Рассейская действительность!..

Однако не выгорело на этот раз у компании задуманное, переговоры сорвались в тот момент, когда желанный журавль вроде бы спускался с поднебесья и уже трепыхал крыльями цо пальцам Эйлера и его посланцев Поплавского и Самарского. Южно-Русское Общество каменноугольных копей неожиданно увело того журавля из-под самого носа обескураженных ауэрбаховских коммивояжеров в свою загородку.

Удрученные неудачей деловые люди, не моргнув глазом, в тот же миг обратили свой взор на угленосные участки увязшего в трясине Алексеевского горнопромышленного общества возле Юзовки. Эта фирма прозвонила тревогу в финансовых кругах внезапно. Чуткие каналы Азовско-Донского банка тотчас зафиксировали поступивший сигнал. Чужая беда выглядела заманчивой приманкой. 19 февраля 1914 года частное лицо (им оказался член правления «Ртутного и угольного дела» - магистр гражданского права Август Исаакович Каминка) приобрело по купчей крепости через директора Алексеевского общества господина Фрезе и французского гражданина Луи Проспера Мари в Makeевской волости Таганрогского округа Войска Донского 1023 десятины земли, одновременно заарендовав десять тысяч десятин угодий, на которых ранее функционировала Кальмиусо-Богодуховская копь. Только после этого «Ртутное и угольное дело» «перекупило» у присяжного поверенного А.

Каминки его приобретение. Кстати, те 500 тысяч, которые магистр права вносил Алексеевским банкротам, заранее выдал банк из расчета семи процентов годовых. Поскольку нотариус зарегистрировал сделку 14 июня 1914 года, А. Каминка получил за нее ни много ни мало - 14 041 рубль 60 копеек. Но эти деньги уже не являлись фикцией, а в самом деле поступили на счет маклера. Зато с юридической точки зрения в сделке комар носа не подточил бы. В том же году собственностью банка оказалась Александровская копь в Мариинской волости Мариупольского уезда.

В начале лета 1914 года фирма «Аухаген» приступила к строительству завода. Общая стоимость подряда согласно соглашению должна была составить 692 тысячи крон (оков 280 000 рублей). Разразившаяся вскоре война спутала многие проекты и расчеты. Она развела деловых партнеров по разные линии окопов. По договоренности с военным ведомством на старом заводе спешно возвели две печи по обжигу как крупной, так и мелкой руды. С середины 1915 года выплавка ртути возобновилась. К концу года получили 3 930 пудов металла. (ДОГА, ф. Р-2607, оп. 1, д. 735, л. 2.).

Начавшаяся после разгона в июне 1907 года Государственной думы полоса реакции нанесла тяжелый удар по рабочему движению. На ртутном предприятии аресту подвергались многие рабочие-активисты, участники демонстраций и вооруженной схватки.

В годы реакции большевики и меньшевики состояли формально в одной партии, но размежевание позиций чувствовалось все сильнее. После поражения первой русской революции в подполье оставалась лишь небольшая группа товарищей - Е. Передельский, И. Цыганков, И. Юрченко, Крытов. Связь с другими организациями почти прервалась. В № 46 газеты «Пролетарий» 11 июля 1909 года появилась любопытная корреспонденция о положении дел в донецких организациях РСДРП. В ней, в частности, говорилось: «Рудник Ауэрбаха: здесь есть человек 7—8 членов организации, но они сами вести работу не могут, говорят, что нужен работник». По воспоминаниям Е. Передельского, рудники посетил в 1910 году представитель центра Ю. Лутовинов. Через него же после этого происходило снабжение товарищей нелегальной литературой.

Бесправие и беззаконие оставались в силе. Власти пытались создавать видимость волеизъявления народа при проведении выборов в Государственную думу. Но какими на самом деле были эти выборы, видно из воспоминаний ртутнянина Никиты Ивановича Щеглова: «А на Ртутном так было - послали рабочие своего выборщика в Бахмут, дали ему наказ: передай там в Петербург, что штрафами нас замучили, житья нет... И

Войдешь в контору, не скинешь шапку — сразу тебе штраф. Да еще заставят обратно вернуться, чтобы перекрестился! Поехал наш выборщик в Бахмут. Смотрим, через несколько дней является обратно: «Ты что же это вернулся? — спрашиваем. А он говорит: «Позвали меня в полицию и сказали: «На тебе тридцать рублей и иди обратно домой». А как же выборы? — «Это дело без тебя сделают, а ты поменьше спрашивай». Вот какие были выборы». (Газета «Кочегарка», 17 октября 1939 года.).

В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года Германия объявила войну России. Вскоре в орбиту противоборства германо-австрийского блока и Антанты были втянуты многие Страны. Обе враждебные группировки рассчитывали захватить чужие территории.

Манифест царя Николая II о начале войны вызвал среди части мастеровых ура-патриотическое настроение. Священник отслужил молебен, призвав отправлявшихся на фронт не жалеть крови и живота своего за веру, царя и отечество. И в то же время обрисовал несправедности чужой религии:

— Только солдаты православного воинства могут выбить из рук сатаны занесенный для удара меч. Благословенная рать Христа-спасителя проучит вероломных нечестивцев... Вы проучите...

По согласованию с воинским начальником на сборный пункт были вызваны для отбора на фронт около двухсот запасных и новобранцев, занятых на предприятиях Общества.

Над поселком слышались причитания матерей, жен, по уходящим на фронт кормильцам. От казарм и землянок к заводу в вечерние часы слетали страдания и горестное признание оставленной невесты:

*— Ой, дробилочка стонала,
Грохотала, цокала...
На германскую войну
Я проводила сокола...*

Под дребезжащий гитарный звон на уличных вечеринках распевали ставшую модной песенку о безысходной тоске и безнадежности жизни:

*Ваши пальцы пахнут ладаном,
И в ресницах спит печаль.
Ничего теперь не надо нам,
Ничего теперь не жаль...*

Через несколько недель в поселок вместе с фронтовыми релями стали поступать сообщения о раненых и скорбные извещения об убиенных. Они протрезвили тех, кто первоначально был одурманен военным психозом. Экономические трудности и удорожание продуктов и промышленных товаров проявились уже с осени. Еще более возросли рыночные цены в следующем 1915 году. Крестьянские семьи Зайцево, Бахмутки, Железного после ухода на фронт здоровых мужчин и мобилизации для армейских нужд конского поголовья сократили распашку земли, ухудшили ее обработку. Резко уменьшился подвоз зерна, муки, овощей, животноводческой продукции из ближних и дальних селений.

Лишившись возможности закупать удорожавшуюся ртуть для военных целей за рубежом, военное ведомство потребовало наладить добычу руды и возгонку металла на Никитовском предприятии. Часть оборудования изготавливалась собственными мастерскими, а более сложные работы подрядился произвести механический завод в Никитовке. Поскольку правление Азовско-Донского банка накануне войны решило построить новый завод, с 1912 года начались разведочные работы и добыча руды: в 1912 году выдали на-гора 236000 пудов, в 1913-м — 1750000, в 1914-м — 2526000, в 1915-м — 1526000, в 1916-м — 1606000 пудов. Во временном дощатом здании завода в 1915 году заработали две печи: шахтная и отражательная, выдав 65,5 тонн ртути, что позволило увеличить производство боеприпасов — патронов, снарядов, мин. В следующем 1916 году получили 115,9 тонн. Увидев перспективу получения прибыли, акционеры решили расширить предприятие и оснастить его улучшенным оборудованием. На последнем августовском собрании владельцы проголосовали за удвоение основного капитала с 7200000 рублей до 14400000 рублей. Но выполнить намерения уже не удалось в связи с революционными событиями. В комплекс подразделений предприятий входили шахты рудника «София», «Чегарники», «Железнянка», завод по возгонке «серебряной воды», коксобензолный завод, электротехнические мастерские и Александровский угольный рудник с основными шахтами «Людмила» и «Мария». Фактически это был комбинат с полным производственным циклом. Хотя и не обозначался этим термином. Угольный рудник выдавал на-гора в первые два года войны по полтора миллиона

пудов топлива коксующихся марок, значительная часть которого использовалась на заводские и бытовые нужды, а также на обжиг кокса и поставку железной дороге. Накануне войны Общество выкупило у Александровского Горнопромышленного объединения близ Юзовки Кальмиусско-Обиточную копь с пластами спекающихся углей. Запасы ртутных руд обследовались группой геологов во главе с членом правления общества К. В. Марковым до глубин в 70-100 метров. Руда содержала от 1 до 2 % металла.

Война до предела ухудшила положение рабочего коллектива. В 1916 году прямые налоги по сравнению с 1914 годом увеличились на 43 %, а косвенные — на 54 %. Рабочий день снова увеличился до 12 и более часов. Неудержимо росли цены на предметы первой необходимости и продукты питания. Одновременно снизились расходы на технику безопасности. На угольном Александровском руднике травмы и увечья получили 434 человека. на ртутных — 765, на плавильном заводе из 363 труженников (средний показатель) — 61 (ЦГИАР, ф. 37, оп. 58, д. 364, л. 286).

Стачечное движение после определенного спада в самом начале войны с оглядкой на запрет забастовок, угрозы применения репрессий и отправку «смутьянов» под пули и осколки стало нарастать в 1915 году. 1 апреля не вышли на работу рядовые шахтеры и мастеровые Александровского рудника. Уговорами и угрозами администрация сумела прекратить стачку в самом начале. В мае и углерубы и рабочие по добыче руды продержались уже 16 дней (Ж. «Летопись революции 1923, № 3, с. 25). Среди социал-демократов тогда не было единства, шли безрезультатные споры и дискуссии. Из Петрограда прибыли профессиональные революционеры Сергей Лапин и Михаил Острогорский. Они сплотили в Макеевке группу партийцев, распространив свое влияние и на Горловку. Сергей Иванович вскоре обосновался на Ртутном руднике под кличкой Василий Курочкин. Вместе с Петром Репиным и другим Петром (фамилия не установлена), прибывшим из Риги по кличке Эстонец они создали сплоченный коллектив единомышленников. Деятельными функционерами ячейки стали Николай Седов, Иван Цыганков, Николай Голдобин, Иван Юрченко, Михаил Бурых, Тихон Матросов и другие,

На самодельном гектографе выпускались прокламаций с призывами к забастовкам, протестами против войны и дороговизны, за возвращение из ссылки рабочих депутатов Четвертой Государственной думы. На Ртутный рудник поступали газеты социал-демократов, печатный листок «Наш голос»,

журнал «Прикубанские степи», в которых печатались корреспонденции ртутнян и угольщиков.

Пропаганде рабочих интересов содействовал хор, которым руководил В. Андрусенко. В нем пели Ульяна Голдобина, Пелагея Гаврикова (Красноженова), Нина Шерстова и другие. Обстановка между тем продолжала накаляться и вылилась в мощный массовый подъем. Вначале 36 представителей от шахт и предприятий выработали единые требования из 16 пунктов, основными из них были: повышение заработной платы на 50 %, обеспечение рабочих водой и углем, отмена штрафов, устройство бань, улучшение санитарных условий труда и быта, вежливое обращение администрации, неприменение наказаний за участие в стачках...

После этого требования обсудили на собраниях рабочих, что способствовало единому натиску. Администрация Общества и пристав внимательно следили за развертыванием событий, посылали на сходки своих агентов. Управляющий Леонид Эйлер решил предупредить готовившееся выступление и объявил о некотором повышении расценок на ртутном заводе с 21 апреля, а на рудниках по добыче руды с 30 апреля. Но чтобы внести разлад, одним рабочим (плавильщикам, кузнецам, бурильщикам, крепильщикам, слесарям) была обещана прибавка 30 коп. при условии выполнения сменных упряжек, другим — (вагонщикам, тормозным, машинистам компрессоров, завальщикам печей) — 20. От такого повышения рабочие всех подразделений единодушно отказались, требуя выполнения своих требований.

Особую активность проявил Николай Митрофанович Голдобин. Он послал телеграмму министру торговли и промышленности с изложением принятых положений. Содержание телеграммы поступило негласно и в жандармское и в полицейское управления. В результате пристав Сухомлинов ворвался с наступлением ночи в жилище Голдобина, арестовал его и спешно отправил в Бахмутскую тюрьму. Эта мера лишь подлила масла в огонь. Стачка охватила весь Горловско-Щербиновский район. Кульминация ее — 2 мая. Предполагая кровавую расправу над стачечниками, забастовочный комитет предложил не собираться в Пятовской балке на общий митинг, как было намечено ранее, а провести сходки по предприятиям. Но рабочие не приняли такого предложения и начали собираться в условленном месте. А войска все прибывали. Полицейские подвергли арестам некоторых из тех, кто направлялся к месту сбора. В районе балки Железной они задержали 39 человек, в основном, молодежь: Алексея Рябуху — 17 лет, Федора Капитонова — 18 лет, Герасима Афонова — 18 лет, Федора Бебрукова — 23 года, Тимофея Уланова — 26 лет, Полю — 16 лет... К ее чести, она не дрогнула и отказалась назвать карателям свою фамилию. После

попытки незаметно скрыться ей связали руки за спиной и отделили от остальных арестованных. Потом всех их повели в Бахмут, в сопровождении солдат.

В Пятовскую балку прибыло множество люда. К собравшимся приблизились два взвода карателей. Поручик Лосиевский отдал приказ стрелять в толпу. После двух залпов были убиты Кирилл Касаткин, Георгий Карканица, Илья Маликов, Маркел Ремишевский... Около 20 человек получили ранения. Место, где пролилась рабочая кровь, горловчане назвали Святым. Наш незабвенный талантливый поэт Владимир Изотович Демидов воспел его в стихотворении «На месте маевок»:

*Широкий склон,
Поросший дубняком.
Сюда мы часто ходим за цветами,
И каждая поляна перед нами
Хранит живую память о былом.
Здесь от ромашек
Вся земля бела,
Сюда с глазами грозными,
Как порох,
Сходились молчаливые шахтеры –
Их вековая ненависть вела...*

3 мая было арестовано еще около 300 рабочих. В их числе оказались Дмитрий Жлоба и Леонид Вайнер, впоследствии ставшие крупными военачальниками. Предприятия в округе не работали в среднем по двадцать дней. Ротмистр Бондаренко докладывал 10 мая в Екатеринослав, что на «Ртутном руднике и заводе приступило к работе 716 человек, а на Александровском (Фурсовском) о-ва «Ртутное и угольное дело Ауэрбаха» — 94, из них забойщиков 2» (ЦГИАУ, ф. 313, ош д. 3297, лл. 454, 455). 13 мая вышли и остальные. Дознание и репрессии властей продолжались. Объединенная Горловско-Щербиновская стачка получила широкий резонанс по Донбассу и всему государству. Несмотря на ее жестокое подавление, результатом многотысячных выступлений рабочих были повышение заработной платы в среднем на 25 % при некотором снижении цен на продукты питания.

Д. Жлоба

Дом, в котором жил Д. Жлоба

Ртутняне, общий снимок 1920 г.

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

В шестнадцатом году зашатался романовский трон, а в феврале семнадцатого корона и вовсе слетела с подгнившего столба. А расшатывали трон вместе со всем народом и ртутняне. Ни аресты, ни ссылки, ни репрессии не смогли остановить их сплочения. Это отметил в своих воспоминаниях побывавший здесь организатор рабочих Иван Вишняков (Кураженко).

Весть об отречении царя прилетела в Никитовку вечером второго марта по телеграфным проводам. Попытка обескураженного станционного начальства скрыть от народа депешу провалилась. Прямо на вокзале начались митинги, а к утру следующего дня они собрали рабочих и жителей Ртутного.

— Старый мир еще не развалился, — бросали ораторы в толпу свои выводы. Его надо хорошо потрясти, чтоб душа вон!

— Вырвать с потрохами. Подложить побольше гремучего студня и ахнуть ... Единым махом отбить нависшую глыбу с заколами по-своему выражали то же присутствующие.

— Примыкайте к нам, — приглашали рабочие сортировки выезжавшую из шахты смену рудничных.

— Так вот с кайлами, что ли?

— Валяйте с кайлами. Оружие как-никак. Кто на дыбы встанет будет чем осадить....

Находились и сомневающиеся:

— Как бы не повторилось, что в Пятом. Зашлют Ермаку латы чистить.

На него шикнули:

— Тебе господа не подадут свободу на тарелочке с голубой каемочкой. Учись сам добывать себе право, иначе в самом деле Сибирь да тюрьма, кандалы да сума...

4 марта возвратился на рудник Сергей Лапин, скрывавшийся от ареста, а пятого прибыл представитель ЦК РСДРП(б) Шулим Грузман.

Первые недели медового месяца второй революции будто пьянили часть тружеников. Каждый старался выговориться, высказать свои мысли, излить наболевшее в душе за многие годы. Притихло, присмирело рудничное начальство. Шли недели, однако свобода витала лишь в словах да лозунгах. Порядки ж оставались прежними. Даже уездный исправник Яновский, известный кровавыми делами по усмирению забастовки в шестнадцатом году, не был отставлен от должности.

Активизировались все партии и политические группы, особенно эсеры и меньшевики. Чуть ли не ежедневно проводились собрания и митинги. Накал страстей усиливался. Часто ораторствовал Петр Оболонков, кузьмил власть на чем свет стоит. И подвел-таки слушателей к выводу: пока фараоны, жандармы и полиция при оружии, век свободы не видать.¹

— Так в чем дело? Подал идею, веди к ним!

— К ним идти? Много чести. Они нас водили, теперь мы их поведем. На виду у народа, — выдвинул Оболонков новое предложение.

— Вот когда обушки да кайла могут пригодиться...

Определили группу рабочих для привода пристава и околоточных надзирателей. Сами перешли на школьный двор, вынесли стол, накрыли скатертью. Такая дружная многолюдная сходка состоялась на Ртутном поселке впервые.

Пока обсуждали свои дела да избирали представителей в рабочий Совет, вездесущие ребятишки оповестили, что ведут пристава.

— Смотрите, с «селедкой» и наганом, однако смирный, как байбак. И околоточные тоже.

— Будешь смирным, коль хвост прищепили.

— Поцарствовали — хватит! Пора отправлять в отвалы, как рудные огарки.

Избранный членом рудсовета Маруев помогал Оболонкову сдерживать толпу, которая ринулась в сторону арестованных.

— Пусть ответит за Голдобина, за Жлобу, за Седова...

Свой гнев высказала и Поля Красноженова:

— Не прощать же ему шестнадцатый год. От веревок и поныне следы на руках. Украсил, изверг. А где Андрей Семенцов и Филарет Тараторин? В какие края упрятал Алешу Юхновца?

Рудничные образовали вокруг пристава, его помощника Близнюка и подручных Шаповалова и Тикунова тесную стенку и сдержали напор.

Когда все успокоилось, Оболонков потребовал от опричников старого режима сдать оружие и документы. Медленно разворачивал Петр бумаги, вчитывался в каждый листок, складывал под камушек на столе. И вдруг поднял руку с бумагой:

— Граждане, слушайте... Слушайте и смекайте! Мы упредили еще одну мерзость. Здесь черным по белому список неблагонадежных для отправки на фронт. Тебя, Бодачев, тебя, Федя Судейкин... Ивана Петровича Тимашевского... Тут вот и я значусь. Удостоил...

Снова взорвалась сердитым гулом толпа:

— Пусть отчитается пристав!

Сухомлинов пытался оправдываться:

— Согласно циркуляру уездного исправника и разнарядки воинского начальника...

— Самого на фронт!

— И тех селезней тоже!

Оболонков подвел черту:

— Мы против войны, но раз такова ваша воля, пусть катят на фронт... По разнарядке трудового народа...

Собрание закончилось. Через несколько дней постановление собрания, утвержденное Советом, было исполнено. Врачебная комиссия оставила по состоянию здоровья лишь Тикалова. Жители поселка устроили «новобранцам» небывало шумные проводы. Из дворов на улицу высыпали десятки людей. Неистово били в тазы, лоханки, прохудившиеся ведра и кастрюли. Слышались и напутствия. Таким способом выплескивался накопившийся гнев на притеснителей за их бесчисленные унижения и произвол в годы бесправного прозябания.

В первые же недели после февральских событий развернулась ускоренная и настойчивая борьба за массы. Часть рабочих пошла за меньшевиками и эсерами. Прибывший из Петрограда сторонник Мартова Трубицын приступил к объединению меньшевиков-оборонцев, меньшевиков-интернационалистов с социалистами — революционерами. И это ему удалось осуществить («Летопись революции» № 3 за 1928 год, с. 45).

Но в мае коалиция меньшевиков и эсеров начала давать трещины, появилось стремление к обособлению. Один из рабочих активистов Петр Гаврилович Казимирчук писал в своих воспоминаниях: «Эсеры приступили к организации своего комитета и открыли запись. Запись пошла у них широкая, шли все и вся, кому не лень. Одних привлекал лозунг «Земля и воля», других то, что эсеры - партия, входящая в коалиционное правительство... эта безалаберная запись через несколько недель разложила их комитет. Ибо среди всей записавшейся массы не было никакой дисциплины» («Летопись революции» № 3 за 1923 год, с. 49). Некоторые записывались ради возможной личной выгоды.

Для подкрепления пошатнувшихся позиций ЦК эсеров прислал сюда нового представителя Маслова. В отличие от никитовских соратников он выступал на собраниях без шпаргалок. Красноречиво расписывал похороны в столице жертв Февральской революции, чем разжалобил присутствующих и вырвал-таки клятву поддержки Временного правительства и доведения войны до победного конца. Вскоре он возглавлял Совет Горловско-Щербиновского района. Но его звезда светила недолго и вскоре пошла к закату.

Более организованно проводили работу большевики. На Ртутном руднике их возглавлял по-прежнему Сергей Лаи (Курочкин). На Александровском руднике вели пропагандистскую работу Иван Юрченко, Егор Передельский и другие.

Когда в мае на митинге выступил от эсеров Трубицын с изложением позиции своей партии по отношению к войне его освистали:

— Царь досыта накормил и напоил войной, а теперь Временное пытается, и вы...

Разошлись рабочие.

Через несколько дней — 15 мая 1917 года — ртутняне вместе с рабочими Угольного (Александровского) рудник и Пятой шахты потребовали в резолюции: «...Войну можно кончить только на основе разрыва с империалистическими элементами, а не сотрудничества с ними...»

Значительное место в политической жизни рудников всего края занимала пресса. Выпускалось немало листовок разными партиями, группами и течениями. И в каждой своя позиция, своя линия, поди разберись... Вскоре после Февраля меньшевики и эсеры стали на собранные пожертвования населения и отчисления предприятий выпускать «Известия Горловско-Щербиновского района». В начале июня Никитовский и Ртутный горнозаводские комитеты отказались оплачивать и получать газету, позже так поступили и профсоюзы других предприятий. К лету 1917 года борьбу за массы выиграла большевики, и Ртутный рудник стал, как писал об этом П. Г. Казимирчук, цитаделью местного отряда ЮСДРП. В райком входили Грузман, Лапин, Дубовой, Острогорский, Амилехин, Вайнер, Казимирчук.

В июне рудничный совет Ртутного производства настоял на освобождении из-под стражи Харитонов и Хаустов, арестованных за открытую агитацию против политики Временного правительства. С рудсоветом вынуждена была считаться и администрация, и воинский начальник, и милиция.

Резко выступали рабочие против захватнической политики правительства. Рабочий Сырцов вспоминал о таком случае. Прибыл на рудник оратор. И такую речь повел:

— Наши адмиралы не дураки были, когда говорили, что Черное море — бутылка, а пробка от нее в кармане турецкого султана. Закрыв, и танцуй, Ваня, гопак. Нам и после войны торговать надо. Значит, нужны Дарданеллы, Босфор нужен...

Какая завертелась кутерьма!..

Хитер кум, с запасного шурфа заезжает.

— Мы таких, как ты, в тылу не держим. Догонял бы Сухомлинова...

После провала летнего наступления на фронте кое-где начались агрессивные выступления сторонников ведения войны до победного конца. На станции Никитовка эсеровская дружина собрала своих сторонников и учинила настоящий погром тех, кто выступал за прекращение мировой бойни. Вскоре туда направились агитаторы. И среди никитовцев, особенно среди железнодорожников, наступил перелом.

В конце июня общерайонный съезд рудничных и заводских комитетов Горловско-Щербиновского куста дал отставку председателю исполкома Маслову. Новый исполком из двенадцати человек возглавил Петр Гаврилович Казимирчук. Местом пребывания Совета оставили Никитовку.

С возмущением встретили ртутняне сообщение о расстреле в столице 4 июля семнадцатого года рабочей демонстрации. Временное правительство ввело военно-полевые суды, восстановило смертную казнь на фронте. 30 июля в одной из харьковских появилось примечательное заявление: *«Мы, рабочие рудников «А.Ауэрбаха и К^о» выражаем свой протест против нарушения неприкосновенности личности и восстановления законов о смертной казни... требуем немедленной отмены смертной казни и восстановления закона о свободе слова и прессы».*

Не прошел номер и с попыткой корниловского переворота. В ответ на него власть имущие получили сплочение рабочего люда. Горловско-Щербиновский Совет объявил себя в те же дни августа (12 сентября по новому стилю) 1917 года единственной властью во всей округе. Бурным было заседание Совета.

Выступления лаконичные, но решительные:

- Ни одного рабочего на фронт!
- Действия администраций рудников под наш контроль!
- Военскому начальнику не подчиняться!

Такой оборот дела обеспокоил Керенского не на шутку. В непослушную глубинку прибыли два чиновника Временного правительства для умирения непокорных. Только ничего у них не получилось, кроме текста телеграммы, отбитой в столицу 16 сентября: «Были сегодня заседания районного совета Никитовке. Настроение депутатов агрессивно-большевистское. Временное правительство не признают, грубо поносят» (Н. Г. Гончаренко. В битвах за Октябрь. Донецк, 1974, с.105)

Из Сибири и Прибалтики продолжали возвращаться политические ссыльные. Они внесли в общественную жизнь новое оживление. О расстановке противоборствующих сил в городских поселках свидетельствовали выборы в Учредительное собрание, отвергшие политику соглашательских партий.

Одновременно с Советом на ауэрбаховских предприятиях создавались группы рабочей милиции. В них принимали только рабочих и крестьян на трехмесячный срок. Затем снова могли оставить на такой же термин после обсуждения на рабочих собраниях. Количественный состав не был постоянным и во многом зависел от наличия средств и оружия. Некоторых зачисляли с обязательством раздобыть его: хочешь послужить народу, езжай в Тулу или Таганрог, а то выжидай на станции, пока какой-нибудь подгулявший штабс или унтер не уступит по сходной цене наган, винтовку вместе с патронами.

За винтовками ездили в Харьков. Привезли семьдесят трехлинеек. Кое-что передали ртутнянам комендант станции Никитовка Марк Вайнер и его помощник Андрей Григорьев, назначенные туда районным Советом для контроля за проходящими поездами и перевозками людей и грузов. Особенно пригодились обнаруженные в одном из эшелонов боеприпасы.

К осени значительно укрепились местные отряды Красной гвардии. Из рабочих, преимущественно молодежи и людей среднего возраста. За поселком обучались строевому шагу, ружейным приемам, правилам боя. Инструкторами назначили фронтовиков, прибывших на побывку, а то и по чистой... Иногда и пострелять ходили под Черный бугор или в Казачью балку (Круглый лес). Но не баловали — по три выстрела и точка. Берегли патроны. Трудно было. Ведь все это проводилось после рабочих смен или в выходные дни.

Делу помогали песни. В одной из них были такие слова:

— Встаньте, братья, бодрой ратью
Все в ряды, плечо в плечо...

Красногвардейским ополчением стал руководить Временный штаб, избранный 30 августа съездом Горловско-Щербиновского района. По его указанию вооруженные отряды охраняли промышленные и транспортные объекты, продовольственные склады, почту, телеграф, следили за общественным порядком. В ночное время в поселках и на дорогах выставлялись вооруженные посты.

Для ликвидации мятежных формирований Керенский приказал разместить здесь воинские части. С Румынского фронта сняли 4 Донскую сводную дивизию. Один из ее эскадронов разместили в Государевом Байраке — 4 взвода и два отделения — сто двадцать сабель. По поселкам стали дефилировать сотни принаряженных по форме казаков. По улочкам Ртутного тоже проносились в аллюре, с оцетинившимися пиками. Бравые донцы периодически объезжали и завод и шахты.

Иногда над колонией взмывала дивизионная песня:

— *Казакам не занимать*
Удаль, молодечество,
За народ мы стоим, (раньше было «за царя»)
Отстоим отечество...

— Вот в папашечке бараньей нам свободушка собраний, — с горькой иронией отмечали прохожие, жавшиеся к обочинам улиц.

Однако уже недели через две мало кто обращал внимание на парадно-устрашающие променажи конных разъездов. Тогда командир дивизии Балясный приказал высылать на поселки и к предприятиям дежурные наряды из 5—8 казаков. Это был его явный просчет. Началась обработка личного состава.

Пропаганду вели кузнец Маруев с товарищами; на Ртутном, группа Николая Седова на Пятой шахте, а в самом Байраке - Бондаренко с единомышленниками...

Во главе солдатского комитета эскадрона стояли эсеры. На одной из сходок населения сразу по прибытию они изложили причину появления в этих местах: рабочие, мол, в тылу и не хотят работать, занимаются манифестациями, требуют повышения жалованья и этим разлагают фронт и

страну. Но через четыре-пять недель рядовые казаки, присмотревшись к жизни трудящихся, уже по-другому смотрели на события, а некоторые помогали распространять листовки. Так генерал Балясный остался без дивизии и вскоре внезапно скрылся в неизвестном направлении. Солдаты же передали оружие и часть лошадей рабочим дружинам, а сами при содействии Советов отправились по домам.

В октябре рудник дышал огнем и полымем. Резко обострились взаимоотношения администрации и рабочего коллектива. К этому времени труженики добились существенных успехов: восьмичасового рабочего дня на Угольном руднике, шестичасового — на ртутных шахтах и заводе, второй после шестнадцатого года - процентной прибавки к заработку, повышения минимума в оплате труда.

Правление Азовско-Донского банка, в собственности которого находилось Общество, непрерывно слало управляющему ртутными предприятиями Леонтию Эйлеру категорические требования изменить положение. И он усердствовал, как мог. Сначала последовал отказ подчиняться Совету, поскольку, дескать, есть Временное правительство, но под угрозой ареста присмирел. Не удалась задумка нарушить деятельность завода в связи с уменьшением выдачи кондиционной киновари. И тут вмешался Совет, обратился к рабочим. К удивлению штейгеров, выше прежнего при сокращенном рабочем дне повысилась производительность труда, и печи продолжали плавку руды. Эйлер продолжал искать способ поставить подножку предприятию. В сентябре почти прекратился возврат емкостей для разлива металлической ртути, посыпались заявления о расторжении ранее заключенных соглашений на поставку «серебряной воды». На складах увеличивалась нереализованная продукция. Эйлер самолично являлся в Совет с бумагами и без конца твердил о необходимости сокращения производства.

— Вот телеграмма военного ведомства. Берут лишь половину ртути из прежнего заказа. Он энергично тыкал пальцем в подшитые депеши и письма на официальных бланках:

— Это — катастрофа! Куда идем? Что будет? Надо как-то договариваться с правительством, улаживать, просить, наконец...

Саботаж на Ртутном провалился. На общем собрании рабочих и жителей поселка выступали новые ораторы. Об октябрьских событиях в Петрограде рассказали прибывшие из Кранцы Кривоносов и Сильченко. Политические перемены прошли в Горловке без вооруженного противоборства и без жертв. Но началось наступление с Дона войска атамана Каледина. С мандатом Московского ревкома прибыл на Ртутный Дмитрий Жлоба. Он начал формировать из красногвардейских отрядов конный полк, два подразделения в котором составили

ртутнянские добровольцы. Штаб полка обосновался на Ртутном поселке, а личный состав размещали в казармах, где до этого находились австрийские военнопленные. Выступление Каледина фактически означало начало гражданской войны в нашем крае, да и в стране тоже.

В БОЯХ И ПОХОДАХ

После Октября противоборство различных социальных групп и слоев населения значительно обострилось. При этом использовались и экономические, и политическими военные рычаги и силы. Владельцы предприятий приостанавливали или снижали деятельность фабрик, заводов, мастерских. В крае остановились Константиновский металлургический завод, некоторые угольные шахты. То же намечалось и на Ртутном. Однако труженики тогдашнего многоотраслевого предприятия внимательно следили за ходом производственного процесса во всех его звеньях, за распределением и отгрузкой металла, кокса, за расходом выделяемого Советом продовольствия.

И тогда управляющий рудниками Леонтий Эйлер решился на крайнюю меру — организацию побега ведущих специалистов за пределы Донбасса. В конце декабря 1917 года представилась возможность совершить задуманное. Железная дорога возвратила отправленный накануне вагон с металлической ртутью. Несколько специальных емкостей-бутылей оказались поврежденными прострелами из огнестрельного оружия. По всему было видно, что стреляли с небольшого расстояния. Сначала вагон осмотрели члены рабочей милиции, затем явился управляющий. Молча вглядывался в повреждения, но не комментировал. По его заданию из коксового цеха взяли новую грузовую платформу и в спешном порядке сделали крытую надстройку с металлической обшивкой по нижней части. Поздно ночью рудничный паровоз с единственным вагоном покинул Никитовку. Вместе с управляющим сбежали инженеры Розенбаум, Лилле, прихватив кассу, часть технической документации и платежные ведомости на зарплату.

Событие вызвало живой отклик и возмущение рабочих Ауэрбаховских предприятий. Они послали украинскому правительству требование о принятии решительных мер. Народный Секретариат 10 (23) января 1918 года принял специальное постановление. Копия документа, подписанного народным секретарем внутренних дел Евгенией Бош и управляющим делами Народного секретариата И. Куликом пришла через несколько дней.

Его читали на многолюдном Собрании: «...Из-за ухода со своих мест владельцев и Администрации акционерного общества ртутного и угольного дела «А. Ауэрбаха и К^о» и химического завода «Эванс Коппе» под названием «А. Ауэрбах и К^о» при станции Никитовке Екатеринбургской железной дороги, Народный Секретариат Украинской Народной Республики постановил: Конфисковать в народное достояние все движимое и недвижимое имущество названной фирмы, какое бы оно ни было (в долгах, наличность, на текущем счету в банках, % бумагах и пр.), где бы оно ни находилось, и ведение дел вышеназванных предприятий возложить на Горнозаводской комитет этих предприятий под контролем и управлением организуемого районного Совета народного хозяйства».

На собрании после получения постановления выступили Шулим Грузман, Николай Воинов, Кубаевский... Голоса выслушавших тонули в приглушенных расстоянием отзвуках артиллерийской канонады со стороны Дебальцево. Там шел бой. Рабочие бывших ауэрбаховских предприятий выработали памятку «Как повысить производительность труда нашего рудника». К удивлению штейгеров, дела пошли лучше прежнего. Горняки угольной шахты, входившей в комплекс ртутного объединения, ежедневно стали выдавать на-гора семьдесят тысяч пудов угля против сорока пяти тысяч до национализации. (М. Я. Запорожец. Итоги великих свершений, изд. «Донбасс», 1972, с. 160).

С образованием в марте 1918 года Совета народного хозяйства Горловско-Щербиновского района решались задачи налаживания в округе промышленной деятельности. Руководитель Горнозаводского комитета Ртутного рудника Кубаевский был избран членом организационного бюро районного совнархоза. Но в апреле 1918 года нашествие австро-германцев прервало на некоторое время развитие хозяйственной жизни донецкого края на новой основе.

Приходившие с перебоями газеты, а то и листовки, призывали подняться на борьбу с оккупантами. Снова возобновились занятия рабочей дружины. В апреле местный Совдеп приступил к эвакуации людей и имущества. Весь подвижной состав — вагоны и паровозы — направлялся на восток Отступали на Царицын. Эшелоны шли почти непрерывной чередой. Один из них сформирован ртутнянами и шахтерами Никитовки. В пути непрерывные схватки с противником, голодные пайки, болезни.

Необычно выглядел ртутнянский бронепоезд — два пульмана и паровоз между ними. На прицепе контрольные платформы с ремонтным имуществом, слесарными инструментами. Даже несколько рельсов прихватили на случай ремонта пути. Комендант станции Никитовки Василий Стожок приказал

подцепить восемь вагонов с углем, добытым на шахте «Мария» и других рудниках. В бортах вагонов-пульманов» бойницы для пулеметов. Вдоль бортов — мешки с песком.

Командиром бронепоезда избрали Тихона Павловича Матросова. Его хорошо знали ругняне и никитовцы. Здесь он вырос, освоил слесарное дело. За активное участие в апрельско-майской стачке 1916 года вместе с Дмитрием Жлобой и другими товарищами попал в бахмутскую тюрьму, откуда — в маршевую роту. Но и в солдатской среде пользовался большим авторитетом. С увлечением принялся за изучение оружия, техники, секретов воинского мастерства. Начальству импонировало прилежание расторопного новобранца. Оно еще не ведало, что Матросов — один из главных закоперов по политическому просвещению однополчан. Офицеры узнали об этом только через полгода. В январе 1917 года следователь завел на Тихона дело о противоправительственной агитации среди нижних чинов. В папке накапливались рапорта унтеров и перехваченные экземпляры листовок. Самыми вескими аргументами обвинения выставлялись неподобающие высказывания в адрес государя и его окружения. Например, такое:

*— На столбе висит корона.
Николай второй — ворона,
Председатель всех болванов —
Николай Второй Романов...*

И не миновать бы Тихону суда да жестокого приговора, но грянувший Февраль перечеркнул начертанную резолюцию военного прокурора и предотвратил расправу...

Посланец Путиловского пулеметного полка, входившего в состав столичного горизонта, Т. П. Матросов становится в марте 1917 года депутатом Петроградского Совета, а через некоторое время его направляют на родину для пропагандистской и организаторской работы. По приезду рудокопы и плавильщики «серебряной воды» единогласно избрали его председателем рудсовета...

Личный состав бронепоезда укомплектовали в большинстве молодыми товарищами. Локомотивную бригаду возглавил Трофим Кондратьевич Доценко, работавший до этого машинистом одного из двух ауэрбаховских паровозов. Свое дело Трофим знал досконально, того же требовал от помощников и кочегаров. Отправляясь в дорогу, предусмотрительно прихватил набор запасных частей и деталей. Командиром орудий назначили Егора Романовича Передельского. Самым молодым оказался

семнадцатилетний Коля Астахов. Листровой являлся одним из лучших пулеметчиков. Часто приходилось ему участвовать и в десантных операциях, и прикрывать выдавшим виды «максимом» разведгруппу. За отличное несение службы получил от командования несколько благодарностей и поощрений.

Примерными бойцами зарекомендовали себя Моисей Павленко и Александр Доценко. На бронепоезде удалось организовать даже группу художественной самодеятельности. Ее возглавил тоже ртутнянин Григорий Судейко. В перерывах между боями отправлялись в соседние части и подразделения с концертами.

Самые серьезные испытания выдержали бойцы в мае 1918 года в бою с группой Петренко. Не обошлось и без повреждений, но бронепоезд удалось спасти. На пушечном заводе в Царицыне «Углекоп» капитально отремонтировали и переоборудовали. На платформах установили два трехдюймовых орудия и 16 пулеметов, внешнюю обводку обшили броневыми листами.

И опять бои. Уже на Северном Кавказе в районе Тихорецкой. Оказались в окружении, но сумели пробиться к своим, сохранив и на этот раз стальную крепость. (Центральный Государственный Архив Советской Армии — ЦГАСА. ф. 27, оп. 1, д. 145.).

Впоследствии некоторые члены команды сражались в других частях на других фронтах. Т. Матросов стал командиром 28-го автомобильного отряда. После гражданской войны он окончил Промакадемию, работал инженером. Доценко продолжал водить «Углекоп». Бронепоезду выпало снова сражаться в Донбассе в 1919 году, затем на Южном фронте.

В 1924 году «Углекоп» покинул на время запасный путь и прибыл к месту первичного формирования — на Ртутный. Состоялся митинг трудящихся и жителей поселка. Перед ними выступила и его уже обновленная группа художественной самодеятельности...

Вернемся на Ртутный. Апрель 1918 года. Двадцать четвертое. К поселку подошли подразделения Первого германского корпуса. Весь день перестрелка. Кайзеровцы заняли возвышенность вдоль железнодорожной ветки. Красные на которое время закрепились у Чегарницкой роци и построек шахты «Мария». Наступавшие полки имели значительное преимущество в людском составе и вооружении. Для устрашения оборонявшихся использовали патроны с разрывные пулями «дум-дум». Потеряв около двадцати человек убитыми и свыше сорока ранеными, полк 3-

ей Армии отошел ночью к Государеву Байраку и на этой линии еще пять суток сдерживал немецкое воинство, отступив затем к Дебальцево.

Захватив Никитовку и Горловку, оккупанты развернули жестокий террор. Комендант Цан приказал возвести виселицы на всех поселках. На население была наложена тяжелая контрибуция. Откровенный грабеж населения и жестокий режим вызвали голодовку. Участились нападения на солдат и офицеров. На Ртутном поселке аресту подверглось около двадцати человек. Каждый пятый житель рудничной колонии объявлялся заложником. Всех подозрительных заставляли в указанные дни отмечаться в управе. Генерал Деникин писал в «Очерках русской смуты», что непопулярные меры восстановили против власти большевистское и полубольшевистское население городов, настроение которых сдерживаюсь присутствием австро-немецких гарнизонов».

Через полгода в связи с капитуляцией Четверного союза оккупанты свертывали свои знамена. Но их уход не принес умиротворения. Власть часто менялась. Поселок несколько раз переходил из рук в руки. В начале 1919 года в этом районе действовал корниловский пехотный полк и первый офицерский стрелковый полк при поддержке нескольких артиллерийских батарей. Затем сюда прибыло еще восемь полков генералов Маркова и Павлова. (ЦГАСА, ф. 100, оп. 9, д. 108, л. 257).

Захватив рудник, белые расстреляли большинство пленных и подозреваемых жителей за содействие красным. В середине марта 1919 года части 13 Армии заняли вновь станции Байрак и Дебальцево, разобщиив войска противника на две группировки, а 29 марта ворвались на Ртутный. Тогда же они вступили в Никитовку, Горловку, Макеевку и оставались здесь два месяца. И все же 29 мая 42-я дивизия Красной Армии под давлением превосходящих сил противника оставила занимаемые позиции.

Последние роты арьергарда растаяли за Шубинскими болотами и Свинячкой, а в поселок с юго-запада, со стороны балки Блюм ворвались верховые разведчики с кокардами на фуражках и погонами на плечах. Вслед за ними шла пехота. Этот приход запомнился ртутнянам тем, что всех взрослых жителей собрали возле школы и потребовали назвать тех, кто проявлял активность при большевиках. Толпа молчала. Тогда по приказу офицера, который говорил с кавказским акцентом, выхватили из толпы несколько «подозрительных» и устроили публичную порку. Вышел Леонид Глушко и назвал несколько фамилий. Были арестованы Иван Заварзин, Петр Сальников, Николай Баран-Бараненко. Последнего вывезли на станцию Яму и расстреляли. В округе свирепствовал карательный отряд Коржсмоловского. В Зайцево он учинил настоящий погром, сжег несколько

изб и землянок. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 20, л. 20). Арестовывали и расстреливали не только большевиков, но и членов «Просвіти». Леонид Глушко был назначен приставом, сын торговца мясом Евгений Роцин выполнял функции палача.

Из месяца в месяц усиливалось сопротивление деникинцем. Организатором подполья на Ртутном был рабочий Афанасий Петраков. Под его руководством совершались диверсии на железной дороге, добывалось оружие и боеприпасы. Группе стало известно, что через Никитовну проследует поезд Деникина. Группа Петракова приступила к подготовке операции. У самого Петракова имелось 48 патронов динамита. Но накануне появления поезда Петраков был арестован. Сначала допрашивали в полицейском участке на Ртутном, затем в Никитовне. Выбрав момент, Петраков бежал, но был схвачен вторично. В горловском отделении охраны его подвергли жестоким истязаниям и пыткам. Были об стенку, сажали на раскаленную печь, прижигали руки и ноги раскаленными колосниками. После экзекуции повесили. Казнью руководил лично начальник деникинской стражи Калачев. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 1, л. 83).

За агитацию против Деникина был арестован Федор Сапун. Истязатели привязали Федора к хвосту лошади и проволокли от Ртутного до Горловки. Там полуживого добили. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 1, л. 83).

Организаторскую работу на Ртутном проводил некоторое время С. Сенин. Была создана подпольная группа сопротивления. В конце лета — начале осени побывавший здесь И. Л. Науменко отметил активизацию борьбы в тылу деникинских войск: «...в Никитовке в начале сентября была обезоружена стража неизвестными, так что их везде беспокоят».

Бои за Донбасс развернулись с 20 декабря 1919 года силами Первой Конной армии и приданными ей 9 и 12 стрелковыми дивизиями во взаимодействии с 8 и 13 Армиями. На пути были три узла сопротивления: Бахмут - Попасная, Горловка - Дебальцево, Иловайск - Алексеево-Лесково. 27 декабря деникинцы оставили Бахмут. В тот же день начальник броневых сил Первой Конной А. Кривенко издал приказ командирам бронепоездов «нанести таранный удар в район Никитовки».

30 декабря через Ртутный промчались конники 11-й кавалерийской дивизии, прошли воины 9-й стрелковой дивизии...

Основные производственные показатели Ртутного рудника за три года по добыче руды были таковы: 1917 — 25216 тонн, 1918 — 7000 т, 1919 — 5050 т, по выплавке ртути соответственно — 76,6 тонн, 48,1 т, 15,7 т.

«ТРУДОМ ДОБУДЕМ ХЛЕБ, УГОЛЬ, МЕТАЛЛ!»

Много бед принесла ртутному производству первая мировая война и годы гражданского противостояния. Газета «Трудовая армия» сообщала о нашем крае: *«Кругом опустошение, везде следы разрушительной работы варваров XX века: разрушены заводы и электростанции, уничтожены машины и станки, взорваны мосты, сожжены элеваторы с хлебом, испорчены паровозы и вагоны, потоплены суда»*. Замерли многие предприятия в Горловско-Щербиновском районе. Стоит и ртутный рудник. Не дымится на заводе вытяжная труба, стоят без дела шахтные подъемники. Тихо в цехах. Сидит рудник на нуле. Хотя нет, кое-что все же было. То, что не попало ни в какую статистику. Приехал из Питера старый аптекарь. Не просто так — с официальным документом ко всем организациям и лицам о содействии. Обратился к специалистам:

— Не поеду домой без ртути. Не мне нужно — больным. Наличные запасы кончились. Нет больше ни кувшина. Выручайте...

Отмалчивались техники. Запустить такую махину — Дело непростое. Одних только шлаков накопилось тысячи пудов. Ими засыпан весь двор. А где возьмешь топливо? Шахта «Мария» выдает немного, так больше половины расходует на собственные нужды, а что сверх того, распределяется буквально по пудам. Безднадежно качали головами инженеры. Дошли разговоры до рабочих, решили помочь аптекарю. Вместе ходили в Совет, потом на ту же «Марию». Не с пустыми руками уезжал столичный фармацевт, пудов двенадцать составил его багаж. Был и тем доволен. И насчет оплаты поступил аккуратно. Прислал долг. Из денег, полученных за мази... Обрадовались почтовики — первый перевод как первая ласточка весной.

Трудно давалось восстановление. Началось оно в двадцатом году. Правда, в незначительных размерах из-за недостатка средств и отсутствия заказов на металл. Главное внимание уделялось добыче угля. Свыше поступило распоряжение отделить угольщики от ртутнян и передать рудную часть и завод в подчинение «Стекло — сода». Трест этот поручил руководство рудником уполномоченному Фомину. Фомин сообщил вест о том, что правительство решило финансировать восстановительные работы. На стене бывшего управляющего появился призыв *«Трудом добудем хлеб, уголь, металл! Все — на работы!»* Еще не остывшие от боевых походов и сражений армейские запасники, как, к примеру, Семен Чистов, предлагали смелее и напористее штурмовать хозяйственный Перекоп. Но из всех прежних специалистов на руднике оставался лишь главный инженер Иван Иванович

Голубков. Новый руководитель пригласил на должность маркшейдера И. И. Сахарова. Хорошими помощниками стали старшие (по тогдашней терминологии - контрольные) десятники Докукин, Легостаев, Тарапуров, Мяков. В последние месяцы 1920 года добыли 11 тысяч пудов (183,3 тонн) руды. Плавка металла не велась. Новый, крайне неурожайный и голодный год преподнес немало неприятностей. Не хватало хлеба и продовольствия. Из-за этого многие рабочие уходили в села добывать пропитание, хотя и там положение было критическим. Меняли скудные остатки одежды, домашней утвари, изготовленные в мастерских зажигалки на фасоль, свеклу, дробные зерновые отвейки. Ходили под Гришино, Янисоль, Мангуш. Некоторые пытались прорваться на Кубань. Мастерским удавалось иногда найти слесарные работы. Они ремонтировали у состоятельных хуторян и сельских жителей плуги и веялки, чинили прялки, домашние ткацкие станки, швейные машинки.

Верховный Совет Украины принял в наши дни решение отметить 85-ю годовщину создания РКСМ, а также и комсомола Украины. В связи с этим отметим создание боевой молодежной ячейки на Ртутном руднике в апреле 1920 года. Секретарями ее были в первое время авторитетный в городе Тихон Судейко, Владимир Самусевич. Затем, как писал в автобиографическом очерке «Связь сердец боевых» (Донецк, 1974, с. 30-31) воспитанник ртутнянской организации, впоследствии маршал войск связи Иван Терентьевич Пересыпкин: «На смену Самусевичу пришел Яша Пасечник, прирожденный организатор, твердый и волевой руководитель. Он вовлек в комсомол ряд авторитетных среди молодежи ребят: П. Ефанова, А. Золотухина, Д. Романенко, А. Микуленко, И. Ульянова... В то время я выполнял отдельные комсомольские поручения, выступал с докладами, проводил беседы. Потом нашу организацию возглавлял Ваня Ульянов... Он вырос в семье кучера, стал видным комсомольским, а потом партийным и хозяйственным работником. После успешного окончания горного института работал инженером на шахтах, был первым секретарем партийной организации города Горловки, руководил угольным комбинатом в Донбассе. И. А. Ульянов в течение многих лет возглавляет беспокойный, но чрезвычайно важный участок работы — Главуглеснабсбыт, руководит снабжением углем всего народного хозяйства Советского Союза».

Из первого молодежного актива напористым и преданным избранной профессии и убеждениям был А. С. Микуленко, окончивший институт. На родном предприятии после вуза работал маркшейдером, начальником шахты. Много лет возглавлял Главное управление редких металлов Министерства цветной металлургии. А. Д. Золотухин тоже окончил институт

и также занимал высокие посты в коксохимической промышленности. Другими активистами ячейки РКСМ являлись также Дмитрий Астахов, Иван Олейников, Иван Акименко. Повседневную заботу о молодежи проявлял секретарь партийной организации рудника Петр Оболонков.

Первым делом считалось активное участие в налаживании производства. Поэтому с каждого был особый спрос о результатах и личного труда и труда тех, кто был рядом в забое, у станка или в котельной. Не меньше внимания уделяли и политической подготовке. Регулярно проводились политбои — в спорах, в дискуссиях. Большой интерес молодежь проявляла к международным событиям. В судьи приглашали старших товарищей-наставников. Илья Аккентьевич Минаков работал в столярной мастерской. Он не мог похвастать своим образованием - начальное. Но горячая любознательность и постоянное самообразование сделали его авторитетным собеседником. Прислушался к рассуждениям молодых активистов и сделал замечание

— Это хорошо, что вы о загранице разговоры ведете, но не забывайте и рудничных дел. Где прорыв, обсудите. Сможете помочь — действуйте!..

Добрыми советчиками являлись профсоюзный активист — Роман Ульянович Прохоров, прошедшие в бурных событиях пережитых годов суровые испытания на гражданскую зрелость. Петр Акименко, Викентий Киндур, Ягафар Мукафаров.

Вечера сопровождалась обычно выступлениями кружковцев из самодеятельности. Миша Рудковский и Ваня Мазурин следили за тем, чтобы в песнях и частушках была не только «любовь». Русские припевки перемежались с украинскими и белорусскими. Горячо аплодировали татарским парням, исполнявшим песни на родном языке. Пусть не все было понятно, зато интересно. Так укреплялась дружба.

Восстановление проходило в трудных условиях. Горняки все же добыли за 1921 год 79898 пудов ртутной руды. Обрадовались старатели «живого серебра», когда в конце года по подъездным путям забегала, запыхтела «кукушка». Ожил завод. Маленький паровозик, чудом разысканный железнодорожниками на Кавказе и возвращенный ртутьянам, разбудил всю колонию, весь поселок. Он подавал к заводскому накопителю руду, уголь, кокс, толкал платформы на погрузочном дворе у «Промывочной» (так называлась углеобогатительная фабрика), снова бежал куда-то, торопился... И ртуть пошла! В конце года «Всероссийская кочегарка» поместила небольшую, но примечательную заметку **«Никитовский ртутный завод заработал»**. В ней лишь несколько предложений, как рапорт: «...завод

пущен. Пока работает одна вновь отремонтированная печь». Металлурги выдали за тот год 288 пудов (4,87 тонны) «живого серебра». Добываемой руды не доставало, и ее брали из старых запасов.

1 июня 1922 года предприятие возглавил инженер Пирогов. Человек энергичный, ищущий, творческий. Беспартийный, он умел влиять на людей, направлять усилия коллектива на решение первоочередных задач, на укрепление трудовой дисциплины, повышение производительности труда. В «Стекло — соде» появились намерения передать ртутные предприятия в аренду иностранным компаниям. Пирогов первым воспротивился такой перспективе, а также доказал в вышестоящих хозяйственных органах необходимость возвращения ртутному предприятию Александровского рудника с шахтами «Людмилой» и «Марией», с которыми имелись прежде общие коммуникации, и электростанция, и ремонтная база, жилой фонд. С ним согласились, и в июне указанного года воссоединение состоялось. Кроме того, подразделения ртутных предприятий передали тогда же в подчинение Никитовскому рудоуправлению № 3 треста «Горловскуголь» Центрального Правления Каменноугольной Промышленности (ЦПКП), размещавшегося в Харькове. Пирогов принял предприятие с 210 рабочими, а к сентябрю 1923-го общая численность коллектива достигла 404 человек в условиях значительной повсеместной безработицы. Была потребность дополнительного приема рабочих ведущих профессий, прежде всего бурильщиков и забойщиков, но сдерживала нехватка жилья для их размещения и невозможность обеспечения даже имевшиеся квартиры топливом в достаточных размерах и по доступной цене. Обычно лучших производственников отмечает руководство, но на одном из делегатских собраний присутствующие приняли решение объявить благодарность своему управляющему за умелое ведение дела. Это он стал проявлять заботу о быте рабочих, организовав ремонт 70 квартир в первоочередном порядке для рабочих ведущих профессий и семей потомственных ртутнян. Впервые при нем рабочие ведущих профессий стали получать спецпитание — бутылку молока и 50-100 граммов сливочного масла, а за сверхурочные работы продовольственный паек — муку и крупы.

Для улучшения досуга молодежи по предложению комсомольской ячейки одну из казарм, построенных для размещения военнопленных в годы войны, переоборудовали для рабочего театра. Произвели также ремонт двух зданий приюта для детей, лишившихся родителей.

К концу года наладили добычу руды в откачанных верхних горизонтах «Софии» и на Чегарницком руднике. Но из-за недостатка оборудования геологоразведочные работы велись недостаточно. Общее экономическое положение страны начало укрепляться, но были и проблемы. Цены на сельхоз-продукты были низкими, а на промышленные изделия — завышенными. Это вело к обесценению денег.

Летом 1923 года предшественница Горловской «Кочегарки» — «Всероссийская кочегарка» опубликовала перечень тогдашних цен: пачка спичек стоила 11 рублей, а аршин (71,12 см) сукна... 425000 рублей!.. Иногда молодые люди вынуждены были шить брюки и пиджаки из обыкновенной дерюжной мешковины и ухитрялись еще и галстук повязывать при таком вынужденном стиле.

Зарплата выдавалась в двух видах. Так называемыми совзнаками — валютой довольно неустойчивой с неуклонно падающей ценовой способностью. И хотя печатные станки в Петрограде, Москве и Пензе работали исправно, денежных знаков не доставало. Притом падение курсовой стоимости совзнаков составляло до 5 % в день, почти в два раза за месяц. В июне 60 % всей суммы работающим на руднике выдавали именно такими ассигнациями и только 40 % облигациями «золотого займа».

Была и другая валюта — обеспеченный золотом червонец, введенный в октябре 1922 года с золотым содержанием в 1 золотник 78,24 доли чистого золота, т. е. около 4,26 г., что соответствовало царской десятирублевке. Кроме золота, такой банковский билет, что немаловажно, обеспечивался и товарами.

В лексиконе того времени, в газетах подобные билеты имели название товарных рублей. Их получали за реализованные уголь и ртуть. Часть валюты поступала в кассу от продажи ртути на бирже в Лондоне. Вместо «золотых» рублей из-за нехватки знаков выдавали ордера, на которые в магазинах спецторга можно было выбрать и продукты и ткани. Но рабочие получали в счет зарплаты лишь по 3—5 таких рублей (или ордеров) в месяц, редко по 8-12. И как редчайшие реликвии, у некоторых горловских коллекционеров имеется ордера тех двадцатых, например, ордер № 9. Причем с четырьмя подписями ответственных работников Донбассторга, правление которого находилось в Харькове — управляющего, коммерческого директора, финансового директора, кассира. Кроме того, на месте дополнительно ставили свои подписи управляющий предприятием и главный бухгалтер. И печати всех уровней...

Периодически накатывались неприятности, не зависящие от местного руководства. С перебоями стали поступать крепежный лес и гремучий

студень (взрывчатка), большой проблемой были даже четырехдюймовые гвозди. («Горный журнал» № 10-12 за 1922 год, сс. 413-414). Предприятие имело свою электростанцию, но из-за нехватки угля обеспечивала собственные потребности лишь на одну треть. Около 70 % топлива, поступавшего из Александровской копи, приходилось тратить на водоотлив и выдачу руды. По-прежнему много средств и рабочих рук отнимала канатная дорога. Часто, особенно в зимнее ненастье, она останавливалась, и тогда приходилось подвозить уголь гужевым транспортом. Одна из комиссий настаивала на закрытии угольной шахты (ствола) «Людмиль». Все было обоснованно. Но рабочие отвергли такое решение и добились его отмены.

Пирогова сменил на посту управляющего Н. В. Грачев. Встретили его после Пирогова настороженно. И называли на первых порах «Студентом». Это его подпольная кличка. Дали ее, по-видимому, за то, что он и в самом деле был в свое время слушателем Петербургского Горного института. За революционную деятельность Николая «выставили» из вуза с «волчьим» билетом и арестовали. Ссылку в Тверь заменили высылкой за границу. Там он продолжил учебу в Фрейбургской Горной Академии, сочетая ее с революционной работой в тамошней социал-демократической организации. Затем нелегальное возвращение в Россию, снова подполье, и - мобилизация в армию. После Февраля — заведующий шахтой «София-Наклонная» в Макеевке, сотрудник газеты «Известия»...

Он сумел по достоинству воспринять и оценить все хорошее, сделанное до него инженером Пироговым, сумел развить достигнутое. Особое внимание уделял экономическим вопросам. Сохранились некоторые его доказательные выкладки по вопросу снижения себестоимости получаемой ртути. В них — глубокий деловой анализ производственных возможностей и ресурсов. Рабочим импонировала его доступность, человечность, забота о каждом труженике. Часто бывал среди молодежи. После своих университетов в пору молодости ему было о чем поведать ей и что подсказать. Учил рабочих работать лучше, добивался овладения ими выбранной профессией в совершенстве, выработке потребности самосовершенствования. Николай Васильевич отстаивал необходимость сохранения горнопромышленного училища на руднике в то время, когда раздалось настойчивое требование сэкономить на этом средства.

В 1924 году свыше поступило указание поставить ртутные рудники и завод на сухую консервацию. На месте разработали обоснование нецелесообразности такой меры. Тем более, что представитель военного ведомства официально подтвердил, что только Тульский завод может ежемесячно использовать 1500 пудов «серебряной воды». (ДОГА, ф. Р-2607,

оп. 1, ед. хр. 773, л. 100). К тому же Лондонская биржа платила в октябре 1923 года за одну бутылку стандартной емкостью 35,34 кг по 9,5 английских фунтов стерлингов. (Там же, л. 18.). В Донугле, которому было подчинено ртутно-угольное предприятие, занялись бюрократической волокитой и почти год не внимали здравому смыслу. Часть рабочих пришлось временно трудоустроить на соляных шахтах близ Бахмута и на Александровском руднике. Чтобы смягчить последствия решения треста, управляющий Н.В. Грачев вместе с руководством местного отделения профсоюза и рабочим коллективом решили возместить потери за счет резкого увеличения добычи угля. Таким образом удалось поддержать материально многие семьи ртутнян. Дальнейшие события доказали правоту руководителя. На мировом рынке цены на ртуть возрастали из года в год: 1925 г. — 83 доллара, 1926 г. — 92, 1927 г. — 118, 1928 г. — 123,5, т. е. 7500 рублей за тонну. (ДОГА, ф. Р-4023, оп. 1, д. 5, л. 9). Нашей стране требовалось ежегодно 200—250 тонн, а добывалось в те годы 150—160. Вот и приходилось не экспортировать, а ввозить ртуть из-за рубежа, тратить на закупки немало валюты. После Донугля Никитовские ртутно-угольные предприятия подверглись очередному испытанию на прочность и выживаемость в системе треста «Полиметалл» (1925—1927 гг.).

Основные производственные показатели в годы восстановления по конечному продукту — «живому серебру» выглядели следующим образом в пудах и тоннах (тонны в скобках): 1922 г. — 1388 (23,13), 1923 г. — 3026 (50,43), 1924 г. — 4325 (72,0), 1925 г. — 606 (10,1), 1926 г. — 7734 (128,9).

В середине 1927 года Никитовские ртутные предприятия вместе с угольными подразделениями согласно решению Всесоюзного Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) под руководством В. В. Куйбышева были преобразованы в единый производственный комплекс под названием **Никитовский ртутный комбинат** в составе Горнохимического треста ВСНХ. Его первым директором стал Овчинников, главным инженером — И. И. Голубков. При них появилась возможность проводить в более широких масштабах, чем прежде, геологоразведочные работы, развивать шахтное хозяйство, строить две шахтные и две отражательные печи. В 1929 году Овчинникова перевели на другую ответственную работу, директором назначили Тищенко, главным инженером — А. И. Тиме. На их долю выпало начало проведения больших организационных работ по капитальной реконструкции всех звеньев комбината.

Наряду с производственными и хозяйственными вопросами решались вопросы быта, культуры, образования. За годы войны поселок пришел в запустение, приобрел неприглядный вид, на улицах скопились груды

мусора. С 1920 года в традицию входили субботники. Рабочие бесплатно трудились на рабочих местах и на уборке территории рудников, завода, поселка. Первоначально поднимали из шахты и лошадей для очистки производственных объектов и жилой колонии. И улицы, подворья принарядились, а потом и зазеленели. В дальнейшем за счет денежных накоплений были наняты пять подвод для продолжения работ по пять рублей золотом за кубический сажень вывезенного мусора (ДОГА, ф. Р-607, оп. 1, д. 773, л. 43). Строили шесть домиков для тружеников рудника. Теперь дотошные журналисты отмечали в своих заметках и публикациях благоустроенность поселка, заводской территории и шахтных дворов. Еженедельно по воскресеньям паровоз тянул 1-2 вагончика с жителями за продуктами на рынок в Никитовку.

Ртутный в голодный 1921 год взял на себя расходы и заботы о детском приюте на 270 мальчиков и девочек от 5 до 15 лет. Свозили их со всей округи, подбирали на ближайших железнодорожных станциях. Некоторые приходили сами — истощенные, неухоженные, оборванные и часто босые. Однако возможность для устройства нормальной жизни и быта тогда были крайне ограниченными даже здесь.

Инспектор Плетнева записала в акте обследования: «Дети бледные, чахлые, полураздетые, есть же совсем нагие. 60 человек в чесотке, 20 — больные конъюнктивитом, а может быть и трахомой, несколько — желудком и экземой. Обуви нет ни у кого, нет одеял и соломы для матрацев. На одной кровати спит не менее трех человек.

С октября дети за отсутствием теплого платья и обуви закупорены в лохмотья и никогда не дышат свежим воздухом. Привозимой бочки воды не хватает, и дети страдают от жажды. Застали громадную очередь при раздаче воды». А впереди были еще более трудные, голодные и холодные месяцы весны и лета 1922 года.

Положение улучшилось с новым урожаем. Оживились дети, повеселели. Уже и песни зазвучали. Поступала существенная подмога от рабочих коллективов шахт. И сам дом получил название «Красный шахтер».

Еще лучше стало в году 1923-м. В подсобном хозяйстве появилось 7 коров, 4 головы свиней, 4 лошади, 1 теленок, 15 кур, 9 гусей. Обзавелись собственным хозяйственным инвентарем — плугом однолемешным, буккарем, 2 боронами, 3 косами. Оборудовали сапожную мастерскую. Усилиями персонала — 7 воспитателей, 8 учителей, 10 техничек — и с участием старших детдомовцев засеяли 5 десятин (1 десятина = 1,09 га) ячменя, 1,25 десятины картофеля, по полдесятины помидоров и капусты. И еще пшеницу, кукурузу.

В зале зазвучало пианино. Из 10 групп школьных было три. Для них получили 50 букварей, 6 — других книг, 729 тетрадей, 900 листов бумаги, 85 перьев, 6 резинок. Для торжественных случаев на видном месте в столовой блестел самовар! Уже кое-что!

Число воспитанников стало уменьшаться. Некоторых ребятишек отыскивали родственники, других взяли в свои семьи местные жители, преимущественно из поселков Железного, Зайцево. До революции дети рабочих и крестьян, да и то не все, могли получить лишь начальное образование. В 1917- 1920 годах занятия из-за военных событий часто прерывались на недели, а то и месяцы, в 1921-м — из-за отсутствия топлива, продуктов питания. Сказывалась нехватка педагогов. В школах остались только подлинные энтузиасты... Зарплата и выдача продуктов задерживались. 16 декабря 1921 года в школы поступило письмо из управления рудника с извещением, что «продовольствие шкрабам (школьным работникам — авт.) с 1-го сего декабря выдаваться не будет». Его просто не имелось. И все-таки надо отдать должное местному профсоюзу горнорабочих. Он рассмотрел обращение-ходатайство учителей и нашел возможность из своих скудных резервов обеспечить их мукой по установленным нормам. Все три школы продолжали функционировать: возле ртутной шахты «Чегарники», на Александровском угольном руднике, третья — растущая семилетка — у шахты «София».

Из 11 учителей высшее образование имели только два С.М. Кривякина и П. Я. Бойко, остальные — среднее. Заведующий школами Чуваев М. Г. закончил в свое время учительскую семинарию. В зависимости от образования, занимаемой должности, стажа и мастерства наставникам учащихся устанавливался соответствующий разряд и зарплата. Так. М. Г. Чуваев аттестовался по высшему 14-му разряду, П. Я. Бойко и С. М. Кривякина — по 13-у, остальные по 11—8-у. Не лишним будет при этом заметить, что по размеру платы 14 разряд служащего приравнялся к 6-му на производстве. Приходилось поэтому искать работу по совместительству, принимать участие вместе со старателями в отборе руды с богатыми вкраплениями киновари из ранее добытых запасов. М. Г. Чуваев, кроме работы в школе, преподавали русский язык и арифметику в горнопромышленном училище, но уже по 13-му разряду. В две смены работали другие учителя. Несмотря на трудные условия жизни и работы и возможность устроиться на более выгодную должность, не изменили своему призванию Е. С. Рыжкова, М. Ф. Романенко, М. И. .Беляева, О. В. Кляхина, И. В. Кляхина, М. Г. Баль. Те, кто учился у них, навсегда запомнили их учительскую заботу и теплоту, добрые дела, преданность профессии.

В 1923 году выплата зарплаты производилась часто натурой, т. е. выдачей муки, круп, тканей и иногда по 1-2 фунта сахара (1 фунт = 409,5 г.). В том же году общеобразовательные школы перешли из подчинения профсоюза в органы наробраза. Однако материальное обеспечение и финансирование от этого только проиграли. В сложившейся обстановке местное отделение профсоюза горнорабочих, т. е. первичная организация, вынуждено было неоднократно рассматривать нужды школ. По предложению профсоюзного активиста Семена Чистова рабочие отчисляли из своего заработка определенный процент для поддержки учителей. 11 ноября 1923 года пленум местного отделения постановил «...выдать учителям по 5 золотых рублей на первое время. Просить хозорган снабдить необходимым инвентарем и устроить водопровод в школе». И все это в условиях, когда труженики предприятия сами переживали нелегкие времена.

1923-1924 учебный год начали 570 учащихся, т. е. все дети школьного возраста. Педколлектив увеличился до 16 человек. Все учителя прошли краткосрочные курсы. И все же 7 вакансий заполнить не удалось. Учебники поступали редко, пользовались устаревшими. Прежние программы были пересмотрены и приближены к нуждам народного хозяйства. Совсем не было учебников по географии, алгебре, истории, отсутствовали хрестоматии.

Более полное представление о материальной базе трех школ по состоянию на 18 июля 1928 года дает сохранившийся перечень имущества и наглядных пособий: 12 классных комнат, 229 парт, столы и табуреты, вешалки, 5 учительских кафедр, 14 классных досок, 1 глобус, 1 скрипка со смычком, 20 грифельных досок, 2 компаса, 2 линейки, 2 угольника, портрет Гоголя... На этом перечень завершился...

В школах работали кружки художественной самодеятельности и технического творчества. Группа школьников обратилась в середине декабря 1923 года к председателю профсоюзной организации ртутного предприятия К. Ф. Мирошниченко с просьбой приобрести елку. Для нужд рабочих приходилось беречь каждую копейку, латать многочисленные дыры в бюджете, а тут... Но не отмахнулся Константин Федотович от малышей. Загорелся и уже сам убеждал товарищей в необходимости порадовать юную смену. И «сдался» комитет, вынес решение «ассигновать для учащихся 50 золотых рублей за счет Культфонда». Впервые дети тружеников ртутного поселка весело встретили Новый год под кроной зеленой красавицы. Необходимость подготовки квалифицированных рабочих требовала организации обучения молодых кадров. Горнопромышленное училище возглавил горный инженер Людвиг Константинович Трофимович. Состояло

оно из двух отделений. В 1923 году в него зачислили по конкурсу 75 учащихся от 14 до 30 лет, в том числе 18 девушек. Тяга к овладению рабочими профессиями была большой, и многим после поверочных бесед приходилось отказываться в зачислении с конкретными рекомендациями по ликвидации выявленных пробелов в знаниях. Наряду со спецкурсами велась в училище образовательная подготовка. Занятия проводили и штатные преподаватели и ведущие специалисты рудников, завода, электромеханических мастерских. Геологию и горное искусство излагал заведующий горными работами Иван Иванович Голубков. Его отличали глубокая эрудиция, требовательность, практическая направленность рекомендаций.

В документах того времени среди лучших учащихся лично усвоивших теорию горного и металлургического производств, названы Анна Барбунова, Федор Коваленко, Николай Коваленко, Марфа Глинская, Василий Илюхин, Иван Чекрыгин, Анна и Дмитрий Гавриковы.

Сейчас в школах учителя истории, литературы, начальных классов предлагают учащимся составлять свою родословную. Пусть внуки и правнуки занесут имена своих бабушек и дедушек перечисленных здесь, в свои записные книжки — семейные летописи. Они заслужили добрую память и прилежанием в учебе и трудовыми свершениями на знаменитом предприятии — ордена Трудового Красного знамени Никитовском ртутном комбинате. Важнейшей задачей образования являлась борьба с неграмотностью. Согласно декрету о ликвидации неграмотности 26 декабря 1919 года все население от 8 до 50 лет, не умевшее читать и писать, подлежало обучению. Рабочий день в дни учебы для взрослых сокращался на два часа с сохранением зарплаты. В школах и подразделениях предприятиями созданы пункты по ликвидации неграмотности (ликпункты). В начале 20-х годов неграмотных в коллективе ртутнян было зарегистрировано свыше 120 человек. Первоначально обучением охватили половину из них. Первый выпуск состоялся в феврале 1924 года.

Из документов следует, что профсоюз обратил особое внимание на усиление работы среди татар, начавших поселяться здесь еще с дореволюционного времени. Обучали их на родном языке свои же грамотные земляки. Вскоре их подопечные сначала по слогам, а потом и бегло могли читать поступавшие с Поволжья номера газеты «Эшче» («Рабочий»). Повышение грамотности положительно сказывалось на укреплении трудовой дисциплины и повышении производительности труда, позволяло посещать курсы по повышению квалификации или получить новую профессию.

Из года в год увеличивалось число читателей в библиотеке. Если прежде их были десятки, то в ноябре 1923 года уже 420, из них женщин — 93, детей — 105. В библиотеке насчитывалось 3248 экземпляров книг. (ДОГА, ф. Р-2607, оп. 1, д. 735, л. 15).

Резко увеличилось число выписываемых газет, в том числе «Всероссийской кочегарки» — 2020, «Рабочей газеты» — 380, «Коммуниста» — 125, «Пролетария» — 125, «Экономической жизни», «Правды», «Известий» — по 6, «Вісті» — 2, «Селянської правди» — 2...

Есть еще важная страница в развитии народного образования тех лет — получение высшего образования выходцами из рабочего коллектива ртутнян чаще через рабфаки, и затем и в вузах. Как это было? Обратимся к старым архивным записям и протоколам. На Ртутный, как и на другие предприятия поступали просьбы рекомендовать на рабфаки способных молодых людей. Сначала желающих было мало. Однажды прибыл сюда рабфаковец Ходырев. Он выступил с разъяснениями на общем собрании рабочих и служащих рудуправления в июле 1923 года. Вот его слова:

«Мы завоевали себе должное положение. Мы завоевали и лучших преподавателей, которые смотрели на нас, голодных и оборванных, косо... Рабочая молодежь и в высшей школе не должна позабыть пролетарских традиций». И пошли заявления и рекомендации трудового коллектива: «Андрея Стрельцова — в Петроград, Петра Кобцева — в Екатеринослав, Владимира Самусевича — в Горный институт, Андрея Сансурова — в Таганрог, Андрея Золотухина — в военный вуз при 5-й Киевской дивизии...» Не всем «повезло» получить дипломы. Андрея Стрельцова, например, по дороге в Петроград обворовали, и он вернулся ни с чем...

Было и такое: Александровский рудник, обеспечивавший ртутное производство топливом, работал неритмично. И не удивительно: не было грамотных организаторов производства. Сместили одного, другого заведующего, а дела не поправились. Посчитали, что недостает организаторских и деловых качеств В. И. Мирякову, назначили вместо него Кладько. Вскоре новый зав. сознался, что одной практики для дела мало, а тут появилась возможность подучиться, он и попросился на учебу. Однако, под честное слово ему не поверили, потребовали гарантий. В дело подшили своеобразный документ: «Я, Николай Макарович Кладько, даю настоящую расписку Никитовскому рудуправлению и местному отделу ВСГ (Всероссийского Союза Горняков — авт.), что обязуюсь аккуратно посещать занятия и по возможности воспринимать все преподаваемое, дабы потом полученные мной знания с пользой применить на благо горного дела».

И подпись честь по чести.

Заведующий горными работами и ртутным производством И. И. Голубков в свое время (1916 год) ушел с 4-го курса Горного института. Шла война, познал нужду... Теперь твердое решение завершить учебу.

Несколькими штрихами отметим наиболее авторитетных вожakov ртутнянской молодежи двадцатых годов. Любимцем юношей и девушек был беспокойный, вездесущий Сеня Егупов, которому городской комитет поручил активизировать работу на руднике. Здесь в полную силу раскрылся его организаторский талант. Состав комсомольцев увеличился в середине 20-х годов до 108 активистов. Дополнительно в кружки ликбеза записалось 55 неграмотных, в кружки профдвижения — 48, в технический — 27, в литературный — 12, в художественный — 16, в хоровой — 30, лекции посещен 100-120 человек (ДОГА, ф. 2607, оп. 1, ед. хр. 735, лл. 5, 6).

Вот какими словами Сеня поздравлял тех, кто победил неграмотность:
— *Вы — герои, дорогие товарищи. В вашем возрасте еще при занятости на работе и в домашних делах трудно было научиться. Вы научились, вы победили темноту. Но среди нас есть еще неграмотные и малограмотные. Они не идут в школу потому, что не понимают значения грамотности. Теперь вы убедились, что можно достичь успеха. Приведите неграмотных на занятия. Проявите снова сознательность. Читайте газеты, журналы, книги, чтобы понимать, что творится на руднике, в городе, в стране, в мире. Грамотные, обучайте неграмотных!..*

Все вопросы рудника освещала рудничная стенгазета «Красный клич». Число рабкоров превысило два десятка. Газета «Всесоюзная Кочегарка» в заметке «Комсомольцы развернули работу» в № 275 писала в ноябре 1924 года: «Комсомольцы с рудника во время отпуска приехали на хутор (Бахмутку — авт.) ... проводили беседы. Дом ранее занимаемый пивной, превратили в хату-читальню. Выписывают газеты. В читальне собираются комсомольцы и беспартийная молодежь. Но и старики нередко заходят послушать громкую читку газет. В хате-читальне насчитывается сейчас 45 членов».

С некоторым сожалением, но и с гордостью провожали рутняне Сеню Егупова на вышестоящую работу. Он и в других местах проявлял такую же активность и добрые дела. Его пример наследовали другие вожаки молодежи. Через год Степан Колено докладывал товарищам:

— Дисциплина в настоящее время хорошая. Связь между активом и всей массой хорошая. Рабочая молодежь участвует в проведении всех кампаний (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 3-а, л. 101.).

Под статью Семену Егупову были Алексей Микуленко, Николай Кузнецов, Степан Маликов... Здесь они вырабатывали в себе и политическую принципиальность, гражданскую позицию и навыки руководителей крупного масштаба. Алексей, окончив вуз, немало добрых дел совершил на руднике, а затем и на должности руководителя отдела Наркомата цветной металлургии СССР. Николай, будучи комсоргом рудника, закрепил успехи своих предшественников и также вырос до руководителя республиканской молодежи, а впоследствии стал генералом. Степан, закончив вуз, достойно проявил себя до войны на ответственных должностях республиканского масштаба, а в суровые годы Великой Отечественной настоял на отправке на оккупированную фашистами территорию, организовав и возглавив в Полесье одно из крупнейших партизанских соединений имени Щорса и Житомирский подпольный обком партии.

На Ртутном и Угольном поселках было два клуба — «Парижская коммуна» и «Октябрьская революция». В них работали театры, проводились лекции, политбои, дискуссии. Содержались клубы на 2 % -отчисления от получаемых средств профсоюзной организацией. Некоторые спектакли были платными. Часть выручки шла на поощрение самодеятельных актеров, другая расходовалась на приобретение реквизита, на оказание помощи матери-работнице, на развитие авиации и т. п. Ставили такие пьесы: «Дни нашей жизни», «Русалка — нечистая сила», «Дорогой поцелуй», «Огни шабаша», «Повернувшись из Сибири», «А завтра казнь», «Болтушка», «Сокровище». В перечне спектаклей значились даже «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «На дне».

Комсомольская организация и актив профсоюзов занялись пропагандой и развитием спортивного движения. Первоначально в 1921 году были созданы группы гиревиков и любителей футбола, а затем легкой атлетики. В 1922 году на руднике состоялся первый массовый спортивный праздник с показательными выступлениями физкультурников.

На зональных соревнованиях в Веровке в 1926 году команда ртутнянских атлетов одержала победу над всеми соперниками, в том числе в заключительном противоборстве над сильной командой города Марганца. Лучших спортсменов — Ивана Макарова и Николая Коваленко - отобрали для участия во Всеукраинских соревнованиях в городе Харькове. После ряда других удачных выступлений ртутнян организатора спортсменов рудника

Алексея Микуленко избрали членом президиума Высшего Совета физической культуры. В 1928 году молодежь оборудовала футбольное поле у балки Сторчевой рядом со старым парком.

Больница при ртутном управлении имела три отделения: хирургическое, заразное (по тогдашней терминологии) и амбулаторию. Амбулаторию в октябре 1923 года посетили 2665 человек, из них 13 в связи с несчастными случаями, 16 с профзаболеваниями. Имелось 30 штатных коек. Пришлось еще 5 поставить в коридоре. Больных обследовал и лечил сначала Борис Львович Слободской, а после него — Жаке, 5 фельдшеров, 3 акушера, 1 сестра милосердия, 21 санитарка. (ДОГА, ф. 2607, оп. 1, д. 851, л. 35,36.). Медикаменты и перевязочный материал в больнице были бесплатными.

Рабочие получили возможность поправлять здоровье на курортах. В мае-июне 1923 года таких путевок было выдано и использовано двадцать. В Крыму побывало 2 человека, в Славянске — 5, в Таганроге — 1, в Святогорске — 11, на Кавказе — 1. (ДОГА, ф. 2607, оп. 1, д. 773, л. 25).

Торговлю на поселках вели лавки кооператива «Горняк». В них можно было приобрести товары первой необходимости, взять в кредит на три месяца обувь и одежду.

РЕКОНСТРУКЦИЯ

В период завершения восстановительных работ перед коллективом ртутнян, как мы видели, вырисовывались новые перспективы и задачи. Жидкий металл находил все более широкое применение не только в военном деле, но и в промышленности, в сельском хозяйстве, приборостроении, медицине. Он являлся одним из ходовых товаров на международном рынке.

Ртуть ценилась тогда в 15 раз дороже меди, в 30 раз дороже свинца и лишь в 4 раза дешевле серебра! Годовая производительность старого завода в 150 тонн в год уже не удовлетворяла потребности страны. Из-за этого в первом квартале 1929/30 хозяйственного года пришлось ввезти более десяти тонн недостающего металла, израсходовав на его закупку семьдесят пять тысяч рублей. Надо было в кратчайшие сроки ликвидировать образовавшийся дефицит «серебряной воды».

На имя управляющего Харина и главного инженера комбината Жаркова непрерывно поступали требования увеличить выплавку металла, а резервы при изношенном и устававшем оборудовании практически были исчерпаны. Недоставало пневматических молотков, шахтных вагонеток, клетевых

канатов, труб для проведения надежных водяных и воздушных магистралей, чтобы перейти во всех забоях и ортах на мокрое бурение. В это же время происходил переход на 7-часовой рабочий день и 5-дневную рабочую неделю. Кое-где из-за этого происходили сбои, но там, где руководители участков продумали все до мелочей, производительность труда стала возрастать. Харину и Жаркову удалось-таки добиться успеха. Из указанных отчетов узнаем, что звание ударных августа 1929 года получили шахты № 1,2, 3, обогатительная фабрика, завод, такое же звание городские власти присвоили и комбинату. В 1929/30 хозяйственном году было получено 153,4 тонны «серебряной воды» при плане 150 тонн.

Непременным условием обновления комбината выставлялось оснащение шахт самым совершенным, прежде всего отечественным, подъемным, компрессорным, бурильным оборудованием, подземным транспортом, сооружение обогатительной фабрики и завода по последнему слову техники с учетом лучших разработок своих ученых и практиков (В. А. Миронов, Н. И. Берлинг, И. И. Средник, В. Г. Черненко, В. А. Шахов и др), зарубежного опыта, мнений и предложений наиболее подготовленных и компетентных специалистов ртутного дела. Наши специалисты и работники Внешторга вчитывались в публикации отраслевых журналов, в монографии, внимательно присматривались к достижениям родственных отраслей иноземных фирм, намечали перечень оборудования и оснащения с целью их возможных закупок. Летом 1929 года сюда, на Ртутный, прибыли после заключения контрактов американец Макдональд, из Германии Зауресик, из Чехословакии Пишула вместе со знатоком ртутного производства и одновременно переводчиком И.И. Средником, закончившим в годы вынужденной дореволюционной эмиграции факультет горного дела в Филадельфии (США) и издавшем в советской печати несколько научных обобщений. На Никитовском рудном поле расширилось проведение глубинных геологических разведок с использованием высокопроизводительного алмазного бурения, давшего обнадеживающие результаты. Общие (суммарные) запасы ртутьсодержащего сырья с учетом разведочных работ, проведенных в 1930-1931 годах, составили 4785000 тонн, которых при полной выборке кондиционной руды и среднегодовом обжиге по 300000 тонн хватило бы на 14-16 лет непрерывной работы. При осуществлении усовершенствованной технологии можно было бы полностью обеспечивать внутренние нужды и с выгодой реализовывать значительное количество гидраргирума за рубежом.

Поисковые работы на ртуть продолжались при участии опытных сотрудников Института прикладной минералогии и металлургии цветных металлов. Они дали обнадеживающие результаты. В правительстве УССР 27 июня 1929 года обсудили доклад председателя республиканского Совнархоза К.Р. Сухомлина о перспективах промышленного строительства на ближайшие годы. Среди крупнейших объектов, намечавшихся к возведению или подлежащих коренному обновлению, значился и Никитовский ртутный комбинат. 15 декабря того же года под председательством Н. Федоровского состоялось заседание сырьевой секции Комитета химизации народного хозяйства при Совнаркомом СССР. В его работе приняли участие известные организаторы советской промышленности и ученые С. Александров, Н. Берлинг, Н. Долгополов, Н. Пилипенко, Л. Пенн, Н. Сигранская, С. Смирнов и другие. Н. И. Берлинг выступил с докладом о задачах в области ртутной промышленности, а представитель Горнохимического треста С. П. Александров осветил пятилетнюю программу ртутного производства и ознакомил товарищей с результатами геологической разведки руд в Забайкалье.

Сели за расчеты и руководители Никитовского рудоуправления. 10 февраля 1930 года они представили свои соображения в партийные органы и управление Горнохимического треста. Их обеспокоил то обстоятельство, что стоимость ртути на мировом рынке возрастала, а старый завод уже достиг предела в ее производстве. Управляющий рудником Архип Андреевич Харин, секретарь парткома и председатель рудкома указывали в докладной записке о безвозвратных потерях 35-40 тонн «живого серебра» в год из-за несовершенства технологии производства и изношенности оборудования, доставшегося от прежних хозяев. Их беспокоили и вопросы техники безопасности при добыче ценного металла. Особое значение придавали снижению себестоимости ртути. На новом заводе по довольно убедительным выкладкам она могла бы составить 4500 рублей за тонну вместо 7120 рублей на действующем. На 1929/30 хозяйственный год производительность рудника намечалась в 60 000 т руды, а на 1930/31 — 90 000 т, т. е. должна была возрасти в полтора раза.

Гипрошахт приступил к проектированию новой шахты 2- бис, причем ее максимальная производительность определялась заданием в 200000 т руды в год («Цветные металлы», №2 за 1930 год, с. 253). В 1929 году проектная группа Механобра спроектировала первую опытную обогатительную фабрику для подготовки к обжигу убогих руд из старых запасов и вновь выдаваемой в процессе текущей эксплуатации. В октябре того же года началось строительство комплекса, завершившееся через одиннадцать с

половиной месяцев (К. Разумов. Ртутная опытная обогатительная фабрика в Никитовке. Изд-во И-та Механобра. Л-д, 1931, с. 9—11).

Рабочие комбината выступали как рачительные хозяева. Тон задавали ветераны производства и молодежь. Движение за повышение производительности труда начали бурильщики — представители ведущей профессии. Однако их старания тормозил несвоевременный вывоз руды. Недоставало вагонеток, а наличные не справлялись с повышенной нагрузкой. Кроме того, изношенные печи устаревших конструкций часто выходили из строя и нуждались в частых ремонтах. Сказывалась недостаточная компетентность, а подчас довольно слабая производственная подготовка и рабочих и командиров среднего звена. Решили обратиться к молодым, чтобы заполнить крепкими руками добычные бригады. Говорили откровенно:

— Обстановка требует вашей энергии. В забоях нужны здоровые парни и умелые специалисты. Вы сами знаете, где у нас прорывы.

— Набрали около семидесяти человек

В 1929 год начался для комбината неудачно. В то время в обиходе появилось слово «буксир». Штурмовыми пришлось объявлять сутки, недели, а то и месяцы. Отстающие бригады, участки изображали в витринах возле нарядных в виде ползущих черепах, нормально работающие—в виде паровоза или автомашины, а перевыполняющие нормы символизировали самолеты. Вот и брали передовые коллективы «на буксир» отстающих соседей. Иногда шли к ним и на месте помогали «дать план». Это после своих смен.

Один из авторитетных вожakov молодежи Николай Кузнецов вспоминал: — Работали мы на очистке дымохода от сажи. Дымоход этот был устроен как ограждение территории завода протяженностью километра полтора. Выходивший из ртутных печей дым нес с собой частицы с мельчайшими капельками метала, За многие десятилетия работы завода на стенках дымохода осело большое количество сажи, а в ней и ртути. Вот эту сажу соскребали со стен и выносили во двор завода, где из нее с помощью гашеной извести отбивали ртуть. Чем дальше углублялись мы по дымоходу, тем больше уставали, ухудшалось самочувствие. У некоторых появлялось головокружение, начиналась рвота. Дело доходило до обмороков. Но после непродолжительного пребывания на свежем воздухе мы снова возвращались, брались за работу... Таким путем за штурмовой месяц добыли более тысячи килограммов металла и помогли предприятию в выполнении плана».

На митинге ораторы говорили:

— Главное всего — экономика. Теперь наш успех зависит от того, как ты держишь гаечный ключ, как готовишь шпур, как закладываешь взрывчатку, сколько даешь руды...

Состояние дел регулярно освещалось в стенновках, в « молниях». Василий Мироненко как главный редактор световой газеты привлек к ее выпуску молодежный актив. На стеклянных пластинках писали текст, а Алексей Микуленко оформлял на них карикатуры. Затем с помощью «волшебного фонаря» эти произведения фокусировали на экран. Поскольку в зале присутствовали и малограмотные, один из членов редколлегии громко читал текст и комментировал изображение.

Наращивание производства хотя и медленно, но происходило. В 1930 году выплавляли 155 тонн. Наркомат на такой успех отреагировал своеобразно, значительно повысив задание. И хотя удалось поставить в 1931 году 182 тонны, это составило лишь 79,1 % планового задания. Положение стало улучшаться, когда на комбинат поступило пять новых компрессоров (по два фирмы «Данглер» и «Ингерсоль-Ранд», один 17-кубовый из Харькова), 27 комплектов молотков Клейманса, буры системы «Лейнер», новые насосные установки. Но это уже при управляющем Величко и главном инженере А. И. Тиме. Вскоре Величко был отозван, другое назначение получил позже и А. Тиме.

Трудящиеся учились анализировать деятельность своего производственного подразделения, взвешивали свои возможности, сопоставляли результаты работы. Об этом свидетельствуют дошедшие до наших дней документы, в том числе протокол общего собрания рабочих и служащих от 6 февраля 1930 года. На нем председательствовал Морозов, протокол писала Ковалева. Присутствующие заслушали доклад управляющего Горнохимического треста Рабинкова, затем началось его обсуждение. Выступали Шитиков, Кулага, Новиков, Ефремов, Любарцев, Ефремов С., Харин и другие. Обсуждение помогло наметить план деятельности комбината и его реконструкции. Существенную помощь коллективу оказывали ученые. Г. А. Шахов изучил успехи в области металлургии ртути за границей, что требовалось для правильного выбора путей строительства нового завода. Он описал печи Скотта, Виджа. трубчатые вращающиеся и муфельные печи, указал на способы предотвращения потерь металла при конденсации паров, вскрыл дефекты действующего ртутного завода. В феврале 1931 года работу шахтных печей и конденсаторов досконально исследовал В. А. Ванюков, после чего предложил ряд существенных мер к улучшению обжига руд и извлечению

большого количества металла. Но ведь это были полумеры, надо было выходить на новый уровень.

В ходе выполнения первого пятилетнего плана пришлось решать трудные и сложные задачи. По-прежнему не хватало рабочей силы. Отличалась несовершенством система заработной платы. На угольных шахтах, например, бурильщик получал за смену 4 рубля 75 копеек, а на ртутных — только три рубля. В последних же условия труда были намного труднее. Лучше решались на угольных предприятиях вопросы снабжения и бытового обслуживания. И все-таки руководство комбината при активной поддержке большинства рабочих повело прогрессивную сдельщину, повело решительную борьбу с прогульщиками и симулянтами, ликвидировало обезличку. Бурильный инструмент закрепили за отдельными тружениками, лошадей — за конононами. Печи стали обслуживать постоянные по составу бригады. Удалось ввести систему хозрасчета. Новый метод хозяйствования практиковался не только в масштабах предприятия, но и в его отдельных звеньях. Первой хозрасчетной единицей стала бригада Юшкова в тридцатом забое шахты № 1. Это произошло в феврале 1932 года. Пригласил бригадир в свой коллектив девять парней — бурильщиков, крепильщиков, возчиков. За тот месяц, самый короткий в году, бригада дала 480 рублей экономии за счет бережного расходования леса, динамита, бензина. Нет, не в потемках стали работать. Бензина жгли меньше, так как быстрее продвигалась проходка. Бригадир из молодых. Ему двадцать пять. Из них пять лет подземного стажа. Юшков и его бригада упорно штурмовали знания на курсах техминимума. На вопрос, в чем секрет успеха, бригадир ответил:

— А ребята хорошие, дружные подобрались. Артель крепкая...

И все же в работе комбината срывы случались. В 1931 году отпуск валовой продукции составил 74 процента плана. Чтобы преодолеть отставание, приходилось снова объявлять штурмовые недели.

Чтобы укомплектовать штатный состав рабочей силой, в сельскую местность направлялись вербовщики. Для этой цели использовали и художественную самодеятельность. Совершали гастроли и в ближайшие, и в отдаленные села и хутора. Под жилье приспособили отремонтированные казармы военнопленных. Активизировали информационную работу среди трудящихся. За общежитием «Ударник» закрепили Ярцева и Морозова, за «Татарским» — Привалова, за «Транзитным» — Яковлева и Маслова, в общежитии «Бывшая церковь» газеты читали Зорин и Чебаненко, в «Новом» — Прохоренко, Ткаченко, Малеев, в женском — Шило и Ляшенко.

Побывавший на комбинате зимой 1932 года московский журналист Буданцев подметил животворную силу рабочего энтузиазма. Он писал в

своем очерке «На подъеме»: «Ртутный комбинат успешно выполняет программу. Слова простые, но требуют раскрытия. За ними стоят люди. Люди вершат дело плана, выполняют его наметки в ежедневной борьбе. Их стремлению работать лучше, планомернее, продуктивнее мешает старое, изношенное оборудование и отсутствие навыков высокой культуры труда, — их не прививал капиталист, мешает неумение организовать производство согласованно во всех частях. Но даже с первых дней наблюдения видно стремление все преодолеть и то особое, спокойное состояние всех людей, объединенных производством, которое можно было бы назвать просто уверенностью в победе».

Новый успех принес 1933 год. Рудник и завод дали металла на 1 млн. 847 тыс. рублей в неизменных ценах 1926-1927 годов (Четыре года борьбы за новую Горловку. Артемовск, 1934, сс. 14, 22). Труженики комбината пользовались сокращенным рабочим днем (например, смена у отбивщиков ртути составляла всего три часа), получали спецпитание. Журналист Буданцев отметил в своем блокноте: «Шахтное хозяйство реконструируется... Нет ручного бурения, нет страшных лампочек «Бог в помощь», масляных коптилок, которые мешая копоть с пылью, превращали забой в подобие ада. Изобретательская и рационализаторская мысль занята борьбой с вредным действием пыли. Предложено несколько вариантов респираторов. Пока, правда, за все отвечает обмотанный вокруг шеи и нижней части лица платок». Уже тогда начинается внедрение мокрого бурения.

Стараниями заводских умельцев Ефремова, Старостенко, Тараненко, Кузьмина удлинялся срок службы машин и механизмов. Рассчитывать на получение многих дефицитных деталей не приходилось. Щеки дробилки Блэка из марганцевой стали давно изнашивались, стали отливать на месте из... чугуна. Их приходилось менять через два-три дня. Но не останавливать же завод!

На старом руднике до революции сортировка добытых руд проводилась женщинами и подростками вручную. В 1928 году вместо сорока отборщиц породы при двух сменах трудились две бригады по четыре человека. Трудоемкие операции выполняли машины.

Почетом и уважением в коллективе пользовался заведующий горными работами Федор Павлович Кругляк. Обходительный в отношениях с людьми, он старательно изучал расположения рудных тел, знал капризы и норы жил богатой киновари. Про него говорили: «Вылезет Кругляк на-гора, идет в управление. Вдруг остановится, задумается, бормочет что-то. Да и повернет обратно, зажжет карбидку и снова в клеть. И куда-нибудь на

семидесятый горизонт...» (Десять лет борьбы за цветные металлы Цветмет, издат, 1932, с. 158). Его увлекала трудная поэзия постоянного поиска.

До самозабвения работал технорук обогатительной фабрики Виктор Иванович Кондратенко. Побывал до этого и во Владивостоке, в Сучане, и в Мурманске, а свое место и радость творчества нашел здесь, на ртутном комбинате. Возглавляемый им коллектив, самый молодой на предприятии по возрасту, отмечали как лучший по состоянию трудовой дисциплины.

Технорук завода Евгений Федорович Смирнов был химиков лаборатории. Его, однако, тянуло к живому делу на решающий участок производства. Хороший получился технорук, компетентный, увлеченный.

— Талант! — давали ему высокую оценку товарищи.

К востоку от старого завода разворачивалось строительство нового. Страна отставала от других держав. А за отсталость, как известно, приходилось платить и в прямом и в переносном смысле. Возводил завод Шестой Госстройтрест и «Южжилстрой». Хорошо работали строители бригады Федора Григорьевич Крипака. Строили не только завод, сами росли. Днем — «коза» и мастерок, вечером — учеба, курсы. Вычитают, бывало, ребята в газете о достижениях других строителей и до начала смены или в обеденный перерыв прикидывают, как самим выйти на такой же уровень. Старались на совесть.

В 1932 году в забоях Первого рудника родились знаменитые рекорды Никиты Изотова. Вскоре почин выплеснулся на гора и разлился по округе. В бригаде того же Крипака ударниками стали столяр Андрей Лаврентьевич Гах, печник Петр Леонтьевич Золотых, каменщик Семен Емельянович Лебедь, плотник Василий Лукич Тимошенко. И еще Василий Степанович Рыжков, Иван Тихонович Берлов. Не знал покоя заместитель управляющего комбинатом Емельян Григорьевич Калмыков. Казалось, он был рожден для того, чтобы всю свою энергию вкладывать в ликвидацию узких мест и прорывов. Недоставало кирпича и цемента, он «выколачивал» их, где только мог. Задерживали изготовители поставки металлических ферм и оснастки, он мчался к начальству, требовал, взывал к государственному долгу, к гражданской совести. Был на своем месте руководитель, выходец из потомственных рабочих.

Иван Евсеевич Попов, один из первых строителей, тоже из бригады Федора Крипака, вспоминая довоенный период, с гордостью говорил:

— Мы, строители, начинали и завод, и фабрику, и школу — десятилетку, разные бытовые и производственные сооружения. Наша рабочая «запевка» доброй была: 110—180 процентов.

В 1934 году были приняты отдельные участки шахты 2- бис, вторая обогатительная фабрика и новый завод. Годовой план по возгонке ртути удалось перевыполнить на 15,2 %.

Одной из важнейших проблем и призрачной мечтой для населения здешних поселков в старое время была вода. Ее всегда недоставало. Питиевая же при доставке бочками и вовсе распределялась буквально ведрами. Немного оклемавшись от неурядиц военных времен и неурожайных годов и получив первые, пусть скудные, средства на коммунальное благоустройство, жители поставили вопрос о первоочередности централизованного водоснабжения в повестку дня. В первые проекты развития городского хозяйства в 1925 году включили прокладку водопровода от водозабора у села Берестового южнее Девятой шахты. Затем созданный в 1930 году специализированный «Донбассводтрест» возвел комплекс каптажа у могилы Длинной западнее Байрака. Водовод дотянулся к водонапорной башне у поселка ртутнян, подававшей живительный минерал в уличные колонки. Это было уже кое-что. Правда, в жаркую погоду поступала сюда лишь четвертая часть воды от потребности. Приходилось в такие дни снова караулить развозчика или идти с ведрами к отдаленным колодцам и ручьям. В 1939 году «Водоканалпроект» начал подготовку к устройству крупного Клебан-Быкского водохранилища для Горловки, ближайших городов и населенных пунктов.

С конца 20-х годов стремительно разворачивалось физкультурное движение. Рабочая молодежь Ртутного тоже включилась в его нарастающий ритм. Вопрос приобщения шахтеров и заводчан к спорту неоднократно был предметом серьезного разговора на собраниях трудящихся. Первоначально тренировки и разминки приходилось проводить на улицах, пустырях, в саду. Не обходилось без ухмылок и насмешек:

— Побегали бы у Ауэрбаха после десяти, а то и двенадцатичасовых упряжек. А теперь, конечно, есть силы попрыгать...

Спортсмены резонно отмечали:

— Нужен спорт и для труда и для обороны. Для своего организма тоже... Тучи у границ собираются...

Особое недовольство у пожилых женщин вызывало появление спортивной форме девушек:

— Одна стыдобина. Никакой стеснительности. Пусть бы парни наряжались, а то и эти стрекозы голоногие...

Большим толчком к активизации спортивного движения явилась подготовка к Первой Красной Всесоюзной олимпиаде 1928 года. Наряду с различными секциями на руднике формировался кружок туристов. Его основателем при клубе имени Парижской Коммуны стал Василий Мироненко. Группу зарегистрировало Артемовское окружное бюро, а затем и Харьковское экскурсионное общество.

Сначала были походы к Круглому лесу, к балке Казачьей, затем «штурмовали» Крым. Для изыскания денежных средств работали сверхурочно. Через местный рабочий кооператив (рабкооп) приобрели 45 метров плотной парусины и десять катушек ниток, сшили рюкзаки и две палатки. Участниками большого похода стали тогда Василий Мироненко, Евдокия Аверкина, Александра и Константин Штырфуновы, Алексей Микуленко, Николай Дидык, Евгения Рудь, Василий Долынный, Владимир Стукунов. На всю жизнь запомнили ребята достопримечательности Южного берега Крыма, Севастопольскую панораму, Черное море. Все юноши бросили курить. О приеме спиртного не могло быть и речи.

Спортивная работа продолжала охватывать широкие слои трудящихся. Ртутнянский стадион стал одним из лучших в городе, а футболисты занимали призовые места и в городе и при проведении чемпионатов в производственной отрасли. Они приняли участие в возведении в 1933 году лучшего в Донбассе горловского стадиона на 9 тысяч зрителей. Он был сооружен в рекордно короткий срок — за 35 дней. В выходные дни на строительство стадиона тянулись колонны от Пятого рудника, от Восьмой шахты, из Никитовки, Железного. Одна — от Ртутного. Во второе воскресенье от начала работ молодые ртутняне шли в противогазах, в третьем совершали к стройке марш-бросок. Увлеченные общим подъемом и кипучей энергией молодых, тянулись вслед за ними люди среднего и старших возрастов. Крестились у заборов бабушки, тревожно шептали:

— Прежде такое не видано в наших краях. Сдвинулся мир, закипел муравейником. К добру ли...?

Были, конечно, и критики. Они стояли у обочин и посмеивались, но иногда некоторые из них не выдерживали, шли посмотреть на стройку, там сами брали лопаты и помогали работающим. А возле стройки трепетали полотнища с вопросами и призывали: «А ты занимаешься физкультурой?», «Пламенный привет будущим мастерам спорта!» ...

Все чаще ртутнянская молодежь проводила военизированные игры. Многие ребята бредили авиацией. По собственному почину решили построить самолет. Леонид Рыжков сплотил группу энтузиастов. Работали в помещении, переоборудованном под ангар. Двухцилиндровый мотор взяли

от старого эйлеровского «Фиата». И сконструировали самолет. Правда, летать на нем не пришлось — разбежку давал, а оторваться от земли не мог. Зато сам Леонид и другие «конструкторы» летательного аппарата не изменили любимшему делу, закончили горловский аэроклуб и стали летчиками. В годы Великой Отечественной войны они защищали страну и наносили удары по врагу (Из воспоминаний ветерана труда, инженера А. С. Теплового (хранятся у автора)).

Ртутняне выискали средства на развитие авиации. 5 марта 1930 года по призыву тов. Шепеленко трудящиеся производили отчисления из заработной платы от одного до пяти рублей (ДОГА, ф. 1435, оп. 1, д. 5-А, л. 4). В 1932 году они собирали взносы на эскадрилью «Крылья Родины». Добытчики ртути принимали участие и в других подобных кампаниях.

Некоторое время комбинатом руководили директора Головня, Озеров. Основные показатели по выплавке ртути: 1932 год — 219,8 тонн, 1933 — 231,2 тонны, 1934 — 266,8 тонн при плане 250, в 1935-м — 370 тонн при плане 360. Однако высокая компетентность и принципиальная требовательность Озерова пришлась не всем до нраву, в его адрес посыпались упреки, в том числе по кадровым вопросам. Не разобралось и не поддержало его и высшее руководство, и директор был перемещен на другую работу. Впрочем, заданный Озеровым ритм в работе позволил наращивать производство ртути в следующие два года.

С 1935 года стали функционировать группы по контролю за деятельностью предприятия. На Ртутном шестьдесят передовых производственников наблюдали за работой отдельных подразделений и служб комбината, подвергали резкой критике разгильдяйство, небрежность, называли во всеуслышанье имена прогульщиков и симулянтов. Рейды и «сквозняки» «легкой кавалерии» тоже помогали выявлять и устранять упущения на шахте, заводе, в ремонтно-механических мастерских, в отделе снабжения.

БОЛЬШИЕ ШАГИ

Во второй половине тридцатых годов главные усилия высших органов отрасли и трудового коллектива комбината наживлялись на дальнейшее расширение и укрепление материально-технической базы, совершенствование технологии производства, повышение квалификации трудящихся, улучшение руководства отдельными подразделениями. Исходным основанием для работы было наличие рудной базы. Шахту «Чегарники» ввели на полную мощность в 1938 году с рабочими горизонтами

75 и 96 метров, а от 96-го засекали горизонт 126 метров. Шахта поставляла ежедневно 200 тонн богатой руды, причем себестоимость добычи одной тонны составляла 37 рублей при плановом расчете 50 рублей. На шахте 2-бис работы велись на горизонтах 72, 104 и 150 метров, а на горизонтах 210 и 270 метров производилось разведочное определение рудоносности. На полную проектную мощность новый завод с роторной (вращающейся) печью системы Фишера удалось освоить лишь в 1937 году, вторую такой же системы печь сдали лишь в августе 1938 года. Обе в качестве топлива использовали уголь и шлам. Поскольку потребность страны в ртути значительно возросла, продолжали плавить ртуть и на старом заводе, хотя он допускал большие потери металла. В сводках и отчетах старый завод обозначали № 1, новый — № 2. Был еще и завод № 3 — опытная металлургическая установка типа Гульда для пережога рядовой руды производительностью 75 тонн в сутки. Работала она на нефти и мазуте. Старый завод остановили только в 1939 году, оставив в действии две отражательные печи. Результаты по ртути: 1936 год — 405,5 тонны, 1937 — 407,8, 1938 — 363,2. Снижение выплавки металла объяснялось снижением содержания ртути в руде шахты 2-бис, а «Чегарники» не сразу смогли восполнить недостающую потребность в необходимом количестве.

Удалось значительно пополнить набор бурильных молотков новых конструкций. Их было уже 200, в работе находилось 75. Удалось получить пять высокопроизводительных насосных установок с часовой производительностью 150 кубометров. Узким местом являлась нехватка вагонеток. Их было сто при потребности в двести единиц. Чтобы обезопасить рабочих от вредного воздействия рудничной пыли, руководство комбината пригласило для консультации группу специалистов академика А. А. Скочинского. В результате были выданы рекомендации проектантам Днепропетровского горного института при разработке новой системы вентиляции забоев, ортов и подземных коммуникаций, которые были учтены в документации и в реализации.

К началу 1939 года автопарк предприятия состоял из 16 автомашин: пять пятитонных грузовиков ЯГ-4, восемь трехтонных ЗИС-5, две полторки ГАЗ-А и одна легковая ГАЗ-А. На конном дворе содержали 49 лошадей.

От овладения рабочими требованиями техминимума происходил переход к овладению методами интенсификации производственных процессов и труда. Набирало размах стахановское движение. Вопрос о развитии ударничества и стахановского движения обсуждался на собрании 5 октября 1935 года. Выступавшие взвешивали свои возможности и возможности своих цехов, участков, бригад. Деловыми были предложения Озерова, Егурнова,

Пасечника, Шопена, Новикова, Агеева, Судейко, Скобликова, Буштецова. Включение звеньев комбината в стахановское движение решено было проверить до 27 октября.

Профсоюзному комитету и клубу предстояло улучшить культурное обслуживание рабочих и населения рудничного поселка: работу радиоточек, передвижных библиотек, подготовить программы с включением информации о достижениях бригад и выявленных просчетах, ошибках, недоработках.

10 октября провели слет передовиков производства с инженерно-техническим персоналом. На световых диаграммах нашли отражение определенные успехи и перспективные наметки. Партком постановил «ввести в систему на нарядах производственную пятиминутку, где художественным словом вести пропаганду за выполнение производственных заданий» (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 15, л. 24). Запевалами нового движения стали бурильщики Голубков, Вельский, Волков, Калмыков, вагонщики Самисько и Кшанский, крепильщики Коньков и Хрущев (Цветная Металлургия. М., 1970, с. 354).

Члены агитбригады популярным языком раскрывали их опыт. Звучали слова о достижениях передовиков, о секретах их успехов. Петр Волков в числе первых был назван стахановцем. О нем сразу же частушка:

*Волков — знатный человек,
Труженик примерный...
Волков, он не просто Волков —
Богатырь подземный.*

В памяти старшего поколения ртутнян до сих пор остались призывы «молний» и стенновок тридцатых годов. «Учитесь у бурильщиков тт. Овчаренко и Утенко умению работать по-стахановски. Сегодня их рубеж 130 %. Сколько будет завтра?», — гласил один из них. Многие ждали ответа передовиков. Новаторы умели держать марку. Но так же быстро, как обновлялись уровни успехов, на информационных листках выписывались новые имена. В тридцать шестом году получили усовершенствованные бурильные молотки, позволившие повышать производительность по сравнению с прежними перфораторами устаревших конструкций на 60 %. Конечно, и задания возрастали соответственно. И уже на красном кумаче транспаранта текст: «Приветствуем бурильщика тов. Мироненко, выполняющего по полторы нормы ежедневно! Кто пойдет дальше?»

Дальше пошел его друг Соболев. Не просто далось ему превращение. После своей смены приходил Иван Павлович понаблюдать, как работает Мироненко, присматривался к приемам Жилина и Утенко. Не таили друзья-соперники секретов, выкладывали сполна — бери! Он и брал, но не слепо, а с придиркой — со стороны виднее, что хорошо, а где неиспользованные резервы. Подмечал и пускал их в ход. Теперь уже к нему присматривались вчерашние учителя. Дело от того только выигрывало.

Правду сказать, не всем нравились достижения и Соболева, и Мироненко, и Утенко... Бывало, слышали они такое: «Из-за вас нормы так подрихтуют, что в три пота умоемся. Своего брата, рабочего, бьете по карману» ...

Иван Павлович обычно так реагировал:

— Хочешь, помогу, чтоб как у меня? До каких пор мы будем работать хуже, чем рабочий в Штатах, чем даже итальянский, испанский?.. Молотки сейчас, как у них. Достигнем ли при нашей раскачке лучшей жизни? Пораскинь головушкой... И на то посмотри — война приближается....

Хороших результатов добивался В. М. Кухаренко. Василий Михайлович выступил с предложением добиваться не только сменных успехов, а за целый месяц, за квартал. Работавшие на комбинате иностранные специалисты приходили понаблюдать работу бурильщика. Герр Зауресик не удержался от похвалы:

— Карашо, камрад! Зер гут! Лутше нельзя!..

Но в ответ услышал:

— Почему же нельзя? Можно... И будет лучше! Непременно! Добьемся!..

Американский консультант Говард Макдональд тянул кверху большой палец правой руки:

— О кей, мистер Кухаренко! Михайловитш!..

В одном из номеров «Кочегарка» поместила портрет передовика, а под ним подпись: «Мастер бурения Ртутного рудника тов. Кухаренко. Свое сентябрьское задание выполнил на 200 процентов». В ходе работ Василий Михайлович неожиданно вышел на богатую жилу киновари, не обозначенную геологами, доложил маркшейдерам, и они в честь первооткрывателя, в честь рабочего человека назвали ее «жилой Кухаренко».

— Умел работать Василий, — вспоминал бывший горный мастер ртутной шахты Ибрагим Назарович Досаев. — Аккуратно содержал инструмент. Потому его перфоратор никогда не подводил. И еще имел глазомер настоящего горняка. Работой Кухаренко хоть кто мог залюбоваться. Хорошую школу проходили у него и молодые, и те, кто со стажем. Радовался,

когда их фамилии вписывал художник в верхние строчки на доске передовиков соревнования.

Передовых рабочих направляли на учебу в техникумы, институты, в Промакадемию. К 1939 году одна треть горняков и почти такое же количество заводчан добивалось повышенных результатов в труде. Рабочий Соломатин выполнял сменные задания на 192 процента, свальщик Дьяченко — на 225. Производственные успехи бурильщика Шияненко систематически отмечались премиями. Илью Моисеевича Тимошкова за неизменно ударный труд и организаторские способности выдвинули сменным инструктором стахановских методов труда. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 20, Ж 69,83; д. 25, лл. 16,19).

Хорошую заявку на мастерство дал бурильщик Григорий Кузьмин. — Смелее, дружище, — подбадривал его Иван Соболев. — Наступай на пятки знатным. Мне наступай. Но учти, я постараюсь быстрее двигаться...

Были еще на комбинате и недостатки. Задерживалась подборка и транспортировка отбитой руды. На обогатительной фабрике № 2 длительное время не удавалось освоить технологию подготовки сырья к обжигу. Труднее давался план в зимнее время.

По разным причинам производилась смена директоров комбината. П. И. Озерова сменил Я. В. Тимошенко — 1936—1938 гг. После Тимошенко первым руководителем был назначен Клименко. Буквально через короткое время после вступления в должность Клименко его преемником стал в 1939 году А. К. Чуприн. В марте 1940 года в Москве состоялся принципиальный разговор заместителя Председателя Совнаркома А. И. Микояна с новым директором. Горком партии после этого рекомендовал избрать секретарем парткома Дмитрия Ивановича Петровского, работавшего до этого секретарем горкома комсомола. В правительстве были обеспокоены тем, что в 1939 году было получено всего 290 тонн «живого серебра». И хотя в следующем году его поставка повысилась до 360,5 тонн, этого в условиях нарастания военной опасности было явно недостаточно. Перед самой войной коллектив возглавил З. Друтман. Одни из руководителей, пройдя в Никитовке школу управления крупным комплексом производственных подразделений, направлялись на новые предприятия цветной металлургии в Среднюю Азию, в восточные районы страны, другие — в аппарат Наркомата, третьи — на работу в общественных организации. Они в большинстве и на новых местах проявляли себя умелыми организаторами производства.

Радио и газеты принесли известие о высоких достижениях бурильщика Алексея Ильича Семиволоса на криворожской железорудной шахте имени Ильича — он освоил в 1940 году многозабойное бурение и достиг рекордной

выработки — 12 норм за смену. В управлении комбината по этому случаю собрали летучку, провели обсуждение.

Слово взял представитель родственной профессии Григорий Кузьмин: — У нас работа по камню трудная, но — получится. Давал я по полторы-две нормы. Уверяю — будет и две с половиной. Потом замахнусь на три...

Свои обещания дали и другие товарищи. Есть поговорка у наших людей: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

Вот и приходилось им поднатуживаться, чтобы сдюжить, сдержать слово. Так приживались на Ртутном семиволосовские методы.

Кузьмин по крепким породам обрабатывал несколько забоев и выполнял от 250 до 700 процентов задания (Семиволосовые методы на Никитовском ртутном руднике. М., 1941, с. 3). Секрет успеха состоял в четком разделении труда в звене: между самим бурильщиком, дежурным слесарем и подсобным рабочим. Заранее на месте намечался порядок обустройства группы забоев. Бурение в каждом отдельном секторе проводилось от верхних шпуров к нижним. В связи с этим отпадала необходимость возвращения к ранее пройденной линии. Лучше использовались мощность буровых молотков, а рабочий день уплотнялся до предела. Согласно хронометражу рабочего времени до перехода на многозабойное бурение основные работы составляли 160 минут из шести часов, то есть около 45 процентов. 44 минуты уходило на посторонние работы, 36 — на устранение неполадок, 14 — на инструктаж и отдых, 15 — на вспомогательные и заключительные операции. Недоработки смен тоже имели место и составляли иногда 41 минуту.

Григорий первым сумел уделять основной работе 75-80 % рабочего времени, а это 270-290 из тех же 360! (Семиволосовские методы... с. 4, 5).

То, что вычислил заранее, сумел воплотить в конкретное практическое дело. Жила «Новая» на третьем южном участке горизонта 150-ти метров шахты 2-бис стала местом рождения рекорда. И это по песчанику с коэффициентом крепости от 8 до 10 по шкале Протоdjeяконова при глубине каждого шпура до 130 сантиметров — твердый орешек! Заметим тип перфоратора — НР-2 с промывкой водой и применением мылонафта для понижения твердости рудного тела. Буры армированы твердым сплавом РЭ-15 (Семиволосовские методы, с. 7).

И все же главный сплав — воля, целеустремленность, инициатива, трудолюбие человека. В соединении с техникой — это уже рекорд, трудовой подвиг. Совершил его в октябре 1940 года, а затем закрепил в другие дни Григорий Тимофеевич Кузьмин. Не зазнался после такой личной удачи. Отмечая успех, товарищи говорили:

— Тут одного мастерства мало. Требуется еще настрой и вдохновение. Сумел совместить их Гриша. Большие шаги у него. Широкие...

А инициатор снова сидел за расчетами и выкладками, советовался с механиками, горными инженерами, ремонтниками. Вместе вносили изменения в режим работы причастных к горному делу производственных звеньев. Воздух для бурения стали подавать в обусловленное время, когда Григорий уже завершал первичную подготовку и осмотр рабочей зоны, успел смазать перфораторы (рабочий и запасной), произвести оборку забоя, наметить расположение шпуров, отрегулировать подачу воды по шлангу.

Пять-восемь забоев «бронировал» для себя новатор. У людей его профессии бытовало выражение «пробурить столько-то шпурометров». У Кузьмина такой показатель возрастал от 37 до 70. Еще пару лет назад никто ни в жизнь не поверил бы, что такое возможно. Теперь не сомневались даже закоренелые скептики. «Да что уж там? — признавали они результат. — Достиг!».

Новым успехом горняка заинтересовались в Наркомате цветной металлургии. Они взвесили особенности и технический уровень своих и зарубежных компрессоров. Одним из лучших тогда был итальянский «Пениони». Через Внешторг заказали для Ртутного. А освоил его работу на месте Иван Кузьмич Кретов. Именно согласованность всех служб обеспечивала результаты труда.

Выгоден был успех руднику, выгоден и стране. Не оставался в накладе и сам рабочий и его сподвижники. В октябре 1940 года заработок Григория составил 2647 рублей, в ноябре — 2763 (Семиволосовские методы..., с. 9). В комбинате шутили: «Григорий за месяц может купить стадо коров».

За Кузьминым шли достойные товарищи-соперники. Из бурильщиков шахты 2-бис семиволосовские методы освоили 19. На трудовом календаре ноября того же года Соболев вписал 238,2%, Мамчур — 223,9 %, Бильченко — 195,7 %. Личные сменные рекорды ноября высветили такое: Григорий Кузьмин 20. IX — 700 процентов, Кирилл Изотов 20.XI — 450, Иван Бильченко 6. XI — 420 (Там же, сс. 9, 10). Вот что такое рабочий энтузиазм, творческое отношение к делу. *И в те дни наши бурильщики достигли уровня производительности американских коллег, а в рекордные смены поднимались выше их.*

Широко и уверенно шагал Григорий Тимофеевич Кузьмин, и как высшая оценка его усилий в песенном изложении звучала частушка:

*По-стахановски работать
Научила нас страна:
Прозвучал рекорд на «Новой»
Григория Кузьмина*

Жена Григория Анна ревниво следила за успехами мужа, с которым советовались и главный инженер, и парторг, и директор Чуприн. Работе помогал спорт. Григорий — участник почти всех комбинатских соревнований — по бегу, прыжкам, эстафетах. Были товарищи и побыстрее, и бравшие большую высоту, но и он из десятки сильнейших не выходил! Его хобби — футбол. Он тоже в команде Ртутного. Тренеры других городских коллективов приглашали к себе.

Григорий отнекивался:

— Не покину рудник. Как без него? Врос корнями, и главная моя атака в забоях.

Были у него свои «личные» болельщики, школьные ребяташки. Он им мячи дарил, посвящал в тайны популярной игры — как противника обвести, как бить по воротам. Привязались они к дяде Григорию Тимофеевичу. Собирал иногда до полусотни ребяташек «живосрібної копальні», как значилось на штампе тогдашнего поселкового Совета. Шумели, что-то доказывали друг другу. Проходящие замечали:

— Собрание у Кузьмина. Кто кого слушает, не разберешь...

Благодаря результативному труду добытчиков «драконовой крови», широкому размаху соревнования, дела на комбинате шли на подъем. Отряд передовиков пополнили бурильщики Михаил Федоров, Николай Аникин, Андрей Лысенко, Матвей Бруев, Никанор Бруев, Иван Большаков, крепильщики Федор Бычков, Владимир Малеванный, Сергей Язвенко, Николай Сухомесов, Михаил Савушкин, Дмитрий Ушаков, Николай Паршин, Ксенофонт Горбулин, Артем Демин, свальщики Степан Стрельников, Василий Бендус, Стефан Бабанин, Василий Погорелов, Яков Шинкаренко, Гавриил Шинкаренко, вагонщики Сулейман Юмашев, Аглем Негомодянов, Илья Додушко, Михаил Мак, Андрей Верба, Василий Юрченко, коногоны Филипп Литвиненко, Николай Царев, опрокидчицы Мария Виноградова, Мария Залозная, Евдокия Васильченко, Дарья Яцунова, Анна Шестопалова, электрики Михаил Бахмет, Дмитрий Заварзин, Григорий Чернец, Даниил Олещенко, Игнат Сальников, кочегары Иван Асин, Иван Марков, Петр Писарев, Станислав Язувис, загрузчицы Марфа Воробьева, Татьяна Зотова, отбивщики ртути Николай

Гуляев, Григорий Михайлов, шлаковозы Василий Бойко, Иван Жук...
Сплоченный легион!

Решением Наркомата цветной металлургии лучшими бурильщиками отрасли в 1940 году были названы, кроме рекордсмена Кузьмина, Василий Шевченко, Иван Соболев, Павел Толпинцев, Иван Бильченко, Кирилл Изотов. Похвальные грамоты получили бурильщик Павел Кругляк, рабочий старательской артели Петр Шамрай, крепильщик Федор Сысоев, вагонщики Сидор Бойко, Федор Дьяченко, Алексей Самисько, коногон Иван Курилов, токарь Георгий Подшивалов, свальщик Василий Курилов. Кандидатами в мастера по итогам трудовых успехов были выдвинуты бурильщики Кирилл Изотов, Федор Желудько, Епифан Садчиков, Иван Соболев, вагонщики Онуфрий Медведь и Павел Клеваев, забойщик Иван Пыжов, уборщик породы Семен Афонин (ДОГА, ф. Ц55, оп. 1, д. 30, лл. 37,125).

Высокопроизводительный труд и оплачивался достойно. Хранившиеся в архивах сведения о заработной плате в рублях таковы: среднемесячная по комбинату за 1940 год — 266,6, на обогатительной фабрике — 278, на заводе № 2 — 353, на шахте «Чегарники» — 401, на 2-бис — 409. Зарботки передовых рабочих: у опрокидчицы Соломонида Бойко — 4537, коногона Литвиненко — 5421, вагонщиков Алексея Самисько — 6919, Сидора Бойко — 7952... Самые высокие заработки были у рабочих ведущей профессии — бурильщиков: у Аникина — 9345, Мамчура — 11216, Павла Толпинцева — 11352, Ивана Бильченко — 15552, Изотова — 15443, Ивана Соболева — 16434...

Наиболее активными общественниками партийной, профсоюзной, комсомольской организаций, оборонных кружков, спортивных секций во второй половине тридцатых годов являлись плавильщик Семен Ткаченко, освоивший к тому же отлично обслуживаемые им агрегаты, механизмы и секреты труда металлургов, Василий Егурнов — лучший стахановец, продвинутый на должность мастера обогатительной фабрики, электрослесарь Иван Данилов, Пантелей Марченко — пионер внедрения на ртутной шахте мокрого бурения, агитатор, Дарья Дорошева — прежде неграмотная работница, она сумела окончить школу ликбеза, политшколу, читала для сотрудниц газеты, Иван Моисеев, Константин Свистунов и другие.

Расширялись возможности по улучшению досуга, о чем свидетельствовали хроникальные заметки в городской газете. В публикации «Самодеятельный ансамбль» отмечалось: «При клубе имени Ленина Ртутного комбината организовали ансамбль, которым руководит тов. Передвийко. В составе ансамбля домровый оркестр, хоровая группа, джаз и балетная группа. Всего

в ансамбле более 80 участников. Активное участие в ансамбле принимают домохозяйки Рудь, Алексеева, Гармата и другие, а также рабочие и служащие Ртутного комбината тт. Фролов, Киселева, Шаповалов, Муравицкий. Ансамбль дал несколько выступлений. Недавно участники рабочей самодеятельности выезжали с подготовленной ими программой на Доломитный комбинат».

На месте вечера для рабочих, для рудничной молодежи, учащихся 10-й школы проходили живо, интересно. Особенно тепло встречали участников важных исторических событий. С воспоминаниями выступал машинист водоотлива Василий Денисович Двуречинский. Ему было 24 года, когда вспыхнуло восстание на броненосце «Потемкин». Молодой матрос без колебаний поддержал товарищей. Впоследствии разделил судьбу многих сослуживцев: работал после сдачи корабля в Румынии в городе Галац, как и другие товарищи, нелегально вернулся на родину, но вскоре подвергся аресту, суду. Ему определили десять лет тюрьмы и ссылки.

Василий Денисович выступал перед зрителями, когда демонстрировался кинофильм «Броненосец «Потемкин», неизменно заслуживая бурные аплодисменты. Воспитание патриотизма и должной гражданской позиции было очень важно в условиях назревания второй мировой войны. Экономические успехи подкрепились усилением воспитательной патриотической работы, проведением оборонных мероприятий. Гнев и возмущение вызывали агрессивные действия фашистской Германии, Италии, империалистической Японии. В сентябре 1937 года ртутняне присоединили свой голос возмущения к протесту советского народа в связи с потопления гитлеровцами теплохода «Тимирязев».

31 июля 1938 года японские захватчики вторглись на советскую территорию в районе озера Хасан. На рабочем собрании по этому поводу П. Г. Филин заявил от имени своей бригады:

— Мы, рабочие, готовы по первому призыву правительства выступить на защиту любимой Отчизны. Мы будем выполнять производственные задания не ниже 200 процентов! (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 22, л. 7).

За первое полугодие 1939 года значкистами ГТО (Готов к труду и обороне) первой ступени стали 50 человек, ГТО второй ступени — 5, ГСО (Готов к санитарной обороне) — 41, Ворошиловскими стрелками (меткими стрелками) — 42. Вручение значков проходило в торжественной обстановке с вручением памятных сувениров и подарков. Группы трудящихся совершили в противобазах два пеших перехода (ДОГА, ф. 1455, он. 1, д. 25, л. 58.). Большинство рабочих овладело по выбору одной из военных специальностей

под руководством работников военкомата, демобилизованных красноармейцев и общественных инструкторов.

Оборонные мероприятия проходили в тесной связи со спортом. Перестройка занятий по производственному принципу, производимая с начала тридцатых годов, получила развитие и утвердилась в последующий период. Большинство рабочих, занимавшихся физической культурой, как правило, являлись и лучшими производственниками. Приобщение тружеников к спорту состоялось.

В 1934 году был оборудован новый стадион с беговой дорожкой, секторами для прыжков, волейбольными площадками и футбольным полем. Проведя ряд победных матчей с командами Горловки и соседних городов, в том числе с командами цветной отрасли, ртутнянские футболисты доказали достижение должного уровня мастерства. В 1935 году с ртутнянами пожелали встретиться в товарищеском матче мастера кожаного мяча именитой столичной команды «Спартак». Не ступевались наши ребята и неожиданно преподнесли и москвичам и своим болельщикам сюрприз. Такого не ожидали. Впрочем, один (!) болельщик будто бы (так гласила молва) предсказал победу ртутнянам со счетом 3:2. Так оно и вышло — знай наших! Назовем пофамильно лучших футболистов тридцатых годов: Иван Бахмет, Михаил Бахмет, Сергей Балдуев, Василий Гулак, Дмитрий Заварзин, Александр Зайцев, Николай Зайцев, Константин Каманин, Зинаид Кошкин, Григорий Кузьмин, Иван Никитин, Иван Вико, Егор Редоусов, Виктор Сергеев, Анатолий Сидоренко, Григорий Степанов, Михаил Степанов...

А что же было после матча с москвичами? — Повальное увлечение футболом, особенно школьников. На экстренном заседании рудкома также по-деловому отнеслись к победе, выделив на материальное обеспечение команды дополнительные средства для приобретения мячей и экипировки футболистов. Не остался в стороне и директор комбината. В том же 1935 году команда легкоатлетов комбината заняла в городских соревнованиях среди производственных коллективов почетное второе место.

В феврале 1940 года добытчики руды и плавильщики ртути обсуждали письмо политрука Н-ской части о героизме бывшего рабочего Никитовского ртутного комбината А. С. Приходько в боях во время советско-финской войны. Александр Семенович был награжден медалью «За боевые заслуги». Ртутняне поздравили земляка с наградой и приняли постановление: «Если понадобится, мы по зову партии и правительства станем в передовые ряды по защите нашей Родины и будем так же защищать ее, как защищает т. Приходько А. С.» (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 29, л. 32.).

В начале октября 1940 года в комбинате отметили, что мобилизационный план на случай войны полностью отработан. Приводились в состояние технической готовности автомашины, ремонтировались повозки, приобретались добротная конная упряжь и другое необходимое имущество. (Там же, д. 28, л. 42.).

Стране, городу, комбинату нужны были грамотные кадры. При подготовке сметы на обновление комбината были запланированы средства на строительство типового здания новой средней школы. Ее начали возводить в 1934 году, а ключи ребятам и учителям вручили в 1935-м, израсходовав на строительство и оснащение свыше 312 тысяч рублей. Она стала одной из лучших в городе по основным показателям учебной и воспитательной работы. Выпускники пополнили и студенческие аудитории и военные училища, доказав в годы войны великое значение полученных знаний и идейной закалки.

В периоды успешной работы комбината увеличивались отчисления от прибыли на строительство жилья, столовых, культурно-просветительных заведений.

В 1932 году началось строительство автодорожного полотна от центра города к шахте имени Ленина, а затем и к Ртутному комбинату. В ноябре 1932 года в городе был открыт первый трамвайный маршрут от станции Горловки до шахты имени Ленина. Конечная часть его была у кольца Шаумяна. Новые маршруты проложили до азотнотукового завода («Синтезстрой») и от кольца Шаумяна до шахты «Комсомолец», что отразила и частушка:

*Посмотри-ка, милая,
Посмотри в оконце:
Еду прямо с «Синтеза»
А ж до «Комсомольца» ...*

На одном из профсоюзных собраний поступило предложение сделать все, чтобы продлить транспортную ветку до поселка добытчиков «меркуриума». А чтобы удешевить стоимость прокладки колеи, сами же рабочие выразили желание вести ее методом народной стройки — толоки, то есть безвозмездно во время субботников и в рабочие дни после смен. Обратились к секретарю горкома В. Я. Фуреру и получили полное одобрение инициативы. Закипела работа, и побежал новый луч стальной параллели до Больничной колонии. Побежал по улице, названной Трамвайной.

Открытие маршрута превратилось в большой всертутнянский праздник. После митинга первый день обкатки был бесплатным. Взрослые уступали первенство ребятишкам — пусть порадуются, покатаются и запомнят, что труд, как вот этот родительский, способен творить удобства и добро, радость и хорошее настроение. Трамвай исправно подвозил пассажиров до войны и после нее, правда, с пересадкой у Железнянского пруда на трамвай первого маршрута. А стоимость тогда составляла суший пустяк — три копейки. Жаль только, с развитием автобусного сообщения Трамвайную оставили без трамвая. Со временем ее переименовали в улицу известного военачальника периода гражданской войны Дмитрия Петровича Жлобы, который до революции некоторое время работал на Ртутном руднике и жил в доме № 20 на этой улице.

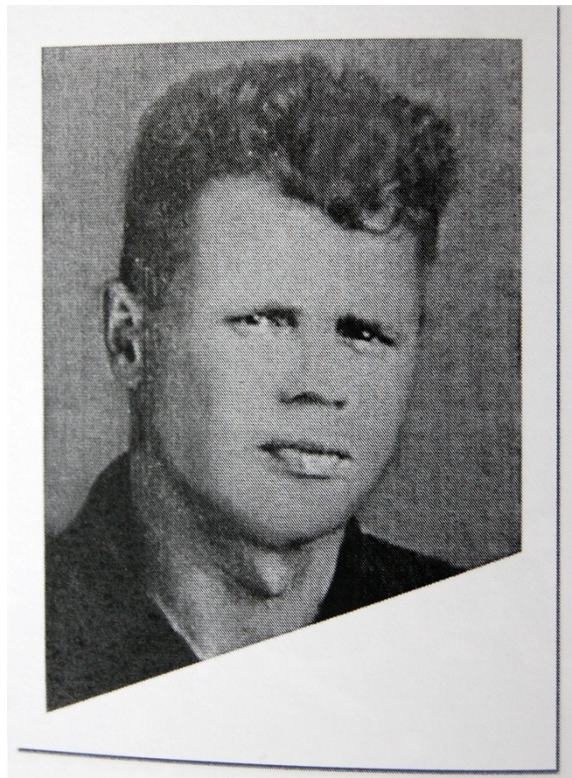
Итак, мы увидели, как развивалось производство Ртутного рудника — Никитовского ртутного комбината, как жили, работали, учились, отдыхали добытчики «серебряной воды», какой вклад вносили они в укрепление экономики и культуры страны. Великая Отечественная война явилась беспристрастным ревизором всему сделанному, испытанием силы, воли, энергии, мужества и стойкости людей высокого гражданского долга.

Спортивная дружина, 1929 г.

«Синяя блуза», 20е годы

Григорий Кузьмин, 1940 г.

Группа учащихся и рабочих, 1941 г.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Внезапной бедой обрушилась в июне сорок первого на родину война. Гитлеровская Германия бросила в наступление большое количество отборных дивизий, тысячи самолетов, орудий. Вероломное нападение вызвало невиданный патриотический подъем нашего народа. Вставала на смертный бой страна огромная.

Тревожное сообщение собрало на митинг тружеников и жителей Ртутного. Открыл его парторг Дмитрий Петровский, рассказал о содержании радиопередач. Его сменяют Николай Панков, Леонид Ляхомцев, Афанасий Пугачев, Иван Емельянов, Петр Бескровный. Их и участников митинга объединяет единое устремление, единое желание отдать все силы на разгром зарвавшегося агрессора.

В заключение парторг заявляет о своем решении просить военкомат направить его на фронт. К столу подбирается металлург Александр Никитович Кутин, за ним плотник стройотдела Кузьма Григорьевич Золотухин. В руках заявления. Они — первые добровольцы. За ними другие товарищи. Целые участки, бригады. Рвались патриоты на передовую. Заслонить от напасти родную землю, остановить врага. Военкомат отправлял из Ртутного в начале Великой Отечественной немногих. Ничего не поделаешь — предприятие стратегической важности. Без ртути не взорвется снаряд, не выстрелит винтовка, не будет строчить пулемет. Слово же такое придумали — «броня».

Раньше всех ушли на фронт Виктор Коробчанский, Иван Емельянов, Дмитрий Колпаков, Леонтий Мяков, Петр Бескровный...

Обстановка потребовала усиления действующих частей самыми стойкими воинами. Коснулись они и Ртутного. Таких призывников называли политбойцами. Кроме мнения руководителей комбината и общественных организаций требовалось личное согласие рекомендуемого.

Вот такая беседа состоялась при этом. Члены комиссии поочередно обращаются к приглашенным:

- Товарищ Мандыч, вас знают на руднике все. Хотим рекомендовать вас политбойцом в Действующую армию. Ваше мнение?
- Благодарю за честь. Готов!
- Товарищ Жидков.
- Готов!
- Товарищ Сытник.
- Буду всегда в передовой цепи. Не подведу!
- Чернец.

- Родина в опасности. Готов!
- Вопросы?
- Имеются. Когда отправление?
- На сбор десять часов...

...Станция Горловка. Посадка в вагоны. Еще через сутки с небольшим переключка в дагестанском городе Буйнакске.

- Политбоец Филин.
- Я!
- Горичев.
- Я!

Семь ртутнян делали полшага вперед.

Пройдя кратковременные курсы, наши земляки сразу же окунулись в жестокую круговерть боев, в кромешную жуть свинцового ливня, воющих мин, снарядных разрывов, бомбовых ударов. Приказ разметал друзей по батареям, отделениям, экипажам. Но свои все же попадались — первую донецкую «тысячу» политбойцов почти целиком послали на направление главного удара. На самое решающее и трудное — Смоленско-Московское. У политбойцов не только гранаты, винтовки и противотанковые ружья, у них еще боевое, разящее оружие — слово. И «привилегия» перед остальными — первыми подниматься в атаку, первыми бросаться со связками гранат навстречу лязгающим металлическим чудовищам. Приходилось в первое военное лето, в первую горькую осень отступать. Политбойцы — последние... — Мне повезло, — вспоминал Григорий Ильич Чернец. — Начал свою войну с наступления. На высоту. Эта высота стала лично моей и моей роты. Взяли мы ее. С потерями, но взяли. И фашистов положили немало. Выскочил я на гребень, а за ним враги. Два — прямо против меня. Рядом. С автоматами, понятное дело. Я оказался проворнее. Злость кипела в груди невообразимо. Сбил я одного, ранил второго. Кричал второй очень. Смерти пугался, изверг... Собрались после атаки бойцы, радуются. Оглянулся я вокруг, вопрос задал: «Можем?» — Улыбаются товарищ: «Не так страшен черт, как его Геббельс малюет». Это лишь один эпизод. Так проходила боевая закалка воинов.

Свои воспоминания Григорий Ильич прерывал молчанием. будто вглядывался в дни минувшие. Много забыто, затерялось в памяти. А вот деревушка под Гомелем помнится — в ней и домов-то чуть — Морозовка. Для всей армии первым праздником была Ельня, для его роты еще и эта деревушка. Попятились серо-зеленые мундиры. Выиграли бойцы сутки, сутки тогда значили не день да ночь. Зловещие крылья охватов, начертанные генералами на картах, целились на Москву. Красноармейцам

так и говорил: «Чтобы жила Родина, останови врага! Сожми его горло! Убей! Овраг на пути, камень, роца ли — зацепись! Стой! Приказ выполни!»

После паузы Григорий Ильич добавил:

— Были мы политбойцами ртутного. И не подвели свой коллектив.

Теперь слово Евгению Федотовичу Казачку. Он, тоже политбоец, все видел своими глазами. Слушайте, как сказал:

— Даже после тяжелого ранения политбойцы-горловчане Чернец и Сороковых не оставили поле боя. Их мужество вдохновляло солдат.

Они не дрогнули и устояли до подхода наших частей. (Слова Е. Казачка цит. по статье в газете «Социалистический Донбасс» от 10 марта 1974 года.)

А ранения оказались действительно тяжелыми. Принял Григория Чернеца, рядового 820 стрелкового полка 117 стрелковой дивизии сначала полевой, затем эвакогоспиталь и, наконец, тыловой. Не пустили больше на войну врачи.

В июле ртутняне проводили в Красную Армию Николая Григоренко, Николая Грянкова, Михаила Крыгина, Даниила Олещенко, Федора Лебеда.

Партийная организация вместе с администрацией предприятия превратилась в оперативный штаб руководства предприятием. Профсоюзный комитет возглавил социалистическое соревнование на комбинате. Актив комбината, комсомольцы, пропагандисты и агитаторы усилили воспитательную работу, направив ее на мобилизацию всех сил трудящихся на увеличение добычи руды, выпуск ртути и выполнение других государственных заданий.

Во всех цехах выступили с воспоминаниями участники первой мировой и гражданской войн. Обращение в газете «Кочегарка» знатного забойщика соседней угольной шахты 19-20 Ивана Голубцова с призывом ежедневно перекрывать производительность труда нашло дружный отклик и горячую поддержку ртутнян. Передовики производства давали на собраниях и нарядах обещания работать с удвоенной и утроенной энергией. После работы все, кто мог держать оружие, осваивали военное дело, принимали участие в охране предприятия. Осоавиахимовская первичная организация создала несколько групп по ускоренному изучению стрелкового оружия и ведению современного боя. Слушатели курсов Сергей Сафонов, Николай Чичко, Александр Бредихин, Иван Лебедь и другие влились в ряды защитников Родины в августе-октябре и в суровых испытаниях ожесточенных сражений показали высокую боевую, техническую и волевою подготовку. Мефодий Воробьев и Григорий Пыженко были выдвинуты на

должности младших командиров, Леонид Ляхомцев стал младшим политруком, Николаю Чичко присвоили звание лейтенанта.

Хорошо воевали вчерашние добытчики «драконовой крови» и «серебряной воды». В письмах-треугольниках родным, близким, товарищам по работе фронтовики выражали твердую веру в победу, клятву верности Родине, обещали без пощады, без промаха бить фашистов.

Лишь единственное письмо получили Аверкины от сына и брата Виктора из города Барановичи: «Сильно бомбят. Рота редет. Но наша возьмет, мы победим!» Иван Кузьмич Сытник писал своей матери Марфе Ивановне: «Идет непрерывное ожесточенное сражение, громим гитлеровскую нечисть. Тяжело, но выстоим. Сами наступать будем».

Стали приходить «похоронки» и скорбные сообщения «пропал без вести». В семьи Ландышевых, Мяковых, Зайцевых, Панищевых, Емельяновых, Коробчанских...

Уходивших на фронт мужчин заменяли пенсионеры, женщины, подростки. Комбинат при уменьшенном составе рабочих и служащих продолжал работать на полную мощность и временами перекрывал довоенные достижения. Законом тружеников было обязательное выполнение и перевыполнение установленных норм. Кроме того, направляли бригады на уборку урожая, на строительство оборонительных сооружений.

ЭВАКУАЦИЯ

В довоенный период мобилизационный план комбината не предусматривал перебазирования людей и материальных ресурсов в другую местность. Справедливости ради надо отметить, что в главк цветной металлургии наиболее дальновидные специалисты направляли предложения об увеличении финансирования разработок по расширению рудной базы на востоке страны и возведению там цехов по выплавке ртути. Их доводы были частично учтены. Это было уже кое-что. Развертывались поисковые работы на ртуть, создавался определенный задел в Киргизии.

Первые прикидки на случай эвакуации специалистов и оборудования вглубь страны были сделаны в Наркомате и непосредственно на Никитовском комбинате лишь в начале июля 1941 года после известного Постановления «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Уточнения и конкретизация плана в дальнейшем производились после получения директивы Государственного Комитета Обороны от 7 августа 1941 года.

К началу осени 1941 года положение на фронтах значительно осложнилось. Война катилась к Донбассу. Ее приближение отмечалось участвовавшими налетами вражеской авиации, увеличением числа санитарных поездов, проходившим мимо Никитовки, подвозкой раненых в госпитали в самой Горловке и выездов групп рабочих в августе на строительство оборонительных линий на дальних подступах к нашему краю.

В октябре начался демонтаж оборудования на машиностроительном, азотнотуковом, коксохимическом заводах. Наступила очередь и Ртутного. По указанию Наркомата цветной металлургии 9 октября директор предприятия З. Б. Друтман подписал приказ об остановке комбината и начале демонтажа горного, электромеханического цехов, обогатительных фабрик, завода и вспомогательных служб. Укомплектованные бригады с 10 октября переводилась на казарменное положение.

Для координации деятельности администрации комбината и согласования с железной дорогой объема и сроков вывоза людей и материальных ценностей прибыл представитель Наркомата цветной металлургии Г. Чижиков, а затем и А. Микуленко.

Работа велась круглосуточно. Станки, механизмы, компрессорные установки, электромоторы, бурильные молотки доставляли к специально оборудованной площадке возле железнодорожного тупика Гайдамаки (тупик назван заводчанами именем дежурного сцепщика вагонов) на территории комбината. Туда же подавались вагоны для погрузки.

Первый эшелон с семьями добытчиков «серебряной воды» и снятым оборудованием первой очереди вскоре отбыл из Никитовки. Продолжалась разборка рудничных подъёмов и агрегатов обжиговых печей. Труженики комбината при этом совершили настоящий подвиг.

Именно в эти дни наглядно проявились организаторские способности А. С. Микуленко. Он вырос на комбинате, здесь учился, начинал трудовую биографию, отсюда пошел в вуз. Казалось, он присутствовал везде, где появились сложности и неувязки. Его советы и распоряжения кратки, точны, разумные. На своем месте был в Наркомате, и теперь здесь, на комбинате, в самое трудное время.

Под стать ему и директор Зиновий Борисович Друтман. Все знает, помнит. Где надо, требователен, где особенно трудно — разъяснит, поможет. Обращается рабочий, чтоб и жене и детям место в вагоне нашлось для выезда, полистает блокнот, отметит что-то. И, будь уверен, просьбу выполнит. Особенно трудно ночью, под утро. Друтман со всеми.

Из воспоминаний рабочего Ивана Кузьмича Кретьова:

— После приказа об остановке комбината на площадку, куда доставлялось оборудование, пришел директор. Собрал бригаду. Сказал, что компрессор, который погружали, и на новом месте будет непременно включен в работу и что от нас зависит многое:

— Здесь — демонтаж, там — сборка. За каждый винтик вопрос будет, как с бойца за доверенное оружие. Вот и думайте, что и как. На тебя, Кузьмич, возложена особая ответственность, как на бригадира. Глаз держи на каждой детали. Сверяй!

— Я и думал и сверял. Бывало ночью прилягу на часок-другой, а перед глазами плывут узлы и детали. Мы, конечно, и сами понимали задачу. Товарищам доверял, но и проверял. Лично осматривал надежность креплений, комплектацию, чтобы ничего не оставить. Разные болты, гаечки. Главный механик уже меня контролировал, ко всему присматривался. С придижкой, но так и надо. И советовал тоже.

Заботился парторг Дмитрий Петровский о быте. Добивался, чтобы в достатке был хлеб, мясопродукты, свежие овощи, питьевая вода, чтобы пища была калорийной. Иначе как работать по 17-18 часов в сутки?! Но однажды не увидели Дмитрия Ивановича и день, и второй, и третий... Оказалось, отбыл на передовую. Дождался-таки своего часа, уважили просьбу первого ртутнянского добровольца.

Доброе слово надо сказать о главном механике Драгунове. Из потомственных ртутнян. Отца его знали на руднике как заправского кузнеца. Энергичный, знающий, деловой, Алексей Мамонтьевич, приняв отдел в 1939 году, немало хорошего и нужного сделал для стабильной работы комбината. Первым делом взялся за наведение порядка на обогатительной фабрике. При приемке обратил внимание, что пульпы — измельченной и разжиженной руды — чуть ли не до колен. И все свыклись с этим, а он не мог. И преобразилась фабрика. Завоевал тем признание, и теперь авторитет уже работал на него, а, главное, на дело. Улучшилось положение и в горном цехе. Только теперь приходилось то, что создавали, самим же и рушить. Хорошо еще снимать для вывоза, а ведь кое-что портить, ломать, взрывать надо.

Особенно напряженными были последние дни демонтажа и погрузки. Торопились сами рабочие, торопила железная дорога, раздавались требовательные, подчас тревожные, звонки из горкома, из областного центра.

— Двадцать второго октября, — вспоминал Иван Акимович Олещенко, бригадир слесарей по демонтажу электромеханического и других цехов, — произошло событие, заставившее всех нас немало поволноваться. У лесного

склада мы загрузили оборудование в тридцать вагонов, в трех пульманах разместились рабочие с семьями. Сообщили на станцию, чтобы паровоз выслали. Минеры уже закладывали взрывчатку под кочегарку, под здания завода и фабрик. А получилось так, что выезд перекрыт. Оказалось, что труженики расположенной рядом углепромывочной фабрики, завершив свои работы, начали жечь деревянные конструкции фабрики. Пожар перебросился на эстакаду над железнодорожным полотном. От сильнейшего жара провисли металлические фермы, покрутило и рельсы. Так мы оказались отрезанными от станции. Паровоз не мог пройти, чтобы забрать вагоны. Прибыл аварийно-восстановительный отряд железнодорожников. Рельсы быстро заменили, а погнутые швеллера не пускают. Посоветовались рабочие с Алексеем Степановичем Микуленко, и тот распорядился резать преграду автогеном, а для разрушения металлоконструкций использовать прибывший локомотив. Рванул паровоз с помощью троса фермы — трос не выдержал. Завели другой понадежнее. Заскрипела сталь, поддалась. Наконец! Ура!!!

В два часа ночи 23 октября на восток отправился из Никитовки последний эшелон с ртутнянами, шахтным и заводским оборудованием...

Нелегко далась эвакуация. Бывало, на отдельных станциях стояли по несколько суток. Но и удачные дни выпадали, За Чертково догнали эшелон, отправленный ранее. Там оказались семьи рабочих и служащих, выехавшие первыми. После перегрузки в другие вагоны двинулись на Балашов следом за санитарным поездом в сопровождении двух истребителей. В Лисках попали под ожесточенную бомбежку. И снова повезло — обошлось без жертв и даже без серьезных повреждений состава.

А в это время своим ходом двигалась на восток комбинатская автоколонна во главе с завгаром Николаем Пахомовичем Завражным — 5 автомашин. Через Попасную добрались до Луганска. Три машины пришлось по приказу передать воинской части, затем еще одну. После сдачи денег в местное отделение Госбанка лишились последней. Но там оказался наш эшелон с оборудованием, и Н. П. Завражный продолжал путь с земляками...

В дороге находились свыше двух месяцев. Много невзгод пережили за этот период. Донимала и ноябрьская непогода, и жестокие морозы декабря, и многочасовые стоянки на перегонах, и перенаселенность вагонов. Только за Куйбышевом стало просторнее, когда вышла согласно разнарядке первая группа эвакуируемых. Мимо проносились поезда на запад. От того еще больше сжимались сердца ртутнян.

— Люди на фронт, а мы торчим без движения, без пользы плетемся подобно черепахе. В такое время без дела... Воспрянули, когда узнали, что Наркомат

путей сообщения получил директиву об отправке эвакуируемых вслед за воинскими эшелонами. Покатили в самом деле быстрее.

— Так через пару недель и на месте будем.

— Да уж, пошло наше дело веселее.

Мыслями переносились к месту назначения. На остановках стали оживленно обсуждать предстоящие проблемы по установке оборудования, выдвигали различные варианты технического решения предстоящих задач, обменивались опытом организации горных работ, эксплуатации фабричных механизмов, заводских установок. Инженеры и техники вспоминали содержание научных исследований Барышева, Саукова, Щербакова, Силоева, Зайцева о геологии и структуре Хайдарканского месторождения, делились знаниями с товарищами. Такие непринужденные «совещания», «лекции», «летучки» развивали общий кругозор, способствовали расширению имеющихся знаний.

31 декабря 1941 года состав громынул буферами и послышалось долгожданное и радостное:

— При-е-е-ха-ли, Скобелево!...

Но это еще не был конец пути. Предстоял еще восьмидесятикилометровый бросок на автомашинах через гору Катрантау к северным склоном Алайского хребта. 3 января 1942 года жители киргизского поселка с названием Хайдаркан радушно встретили никитовских побратимов.

ПОД ИГОМ ОККУПАНТОВ

В сентябре 1941 года соотношение сил на рубеже Павлоград — Васильковка — Гавриловна, как и на других направлениях Южного и Юго-Западного фронтов сложилось в пользу противника в живой силе и в самолетах в два, в артиллерии в три раза. 12-й Армии пришлось иметь дело не только с немецкими войсками, но и с дивизиями итальянского корпуса. 29 сентября врагу удалось прорвать нашу оборону. Завязались неравные бои. Ставка приняла решение отвести с 17 по 30 октября соединения указанных фронтов на линию р. Оскол — Красный Лиман — Горловка — р. Миус. Штаб 12-й Армии (командующий генерал-майор К. А. Коротеев) на некоторое время обосновался в городе Дзержинске. В район Горловки наступление велось мощной группировкой, усиленной танковыми подразделениями, со стороны Красного Яра и Скотоватой. В то же время вторая группировка наносила удар от Нью-Йорка (Новгородского) — Нелеповки вдоль балок Железной и Шумы. 23 октября наши войска оставили Дзержинск. На этом

западном участке фронта оборону держали батальоны 360 стрелкового полка к юго-западу от Никитовки, в том числе у высоты 216.0 и 78 стрелковый полк 74-й стрелковой дивизии в районе Жованки. Штаб ее находился в Калининске (Новогорловка). 109 сп был выведен в резерв командира дивизии на запасные позиции у населенного пункта Гурты. 12 ноября авангардные подразделения противника ворвались с юга в центральную часть Горловки и попытались оттуда пробиться к станции Никитовка. Ожесточенные схватки продолжались до 5 ноября и закончились успешным контрударом наших воинов. До 11 ноября установилось сравнительное затишье с кратковременной периодической перестрелкой с обеих сторон. Вторая попытка штурма Никитовского участка нашей обороны 12 ноября итальянцам также не удалась, а их 3-й и 81-й пехотные полки понесли значительные потери в живой силе и технике. В это время к Ртутному поселку со стороны Чегарей и Круглого леса лишь изредка проникали группы итальянских разведчиков, но каждый раз после обстрелов возвращались назад. Поселок был окончательно оккупирован только во второй половине ноября. На его улицах иногда появлялись вражеские патрули. Последовал приказ жителям под угрозой расстрела в ночное время домов не покидать. Распоряжения первоначально исходили от итальянского фронтального командования, в том числе о сдаче оружия и явке на сборные пункты всех красноармейцев, оказавшихся в посёлке. Лишь со временем власть перебрали на себя воинские чины немецких войск. Они же создали местную полицию из числа лиц, выразивших согласие сотрудничать с оккупантами. Была произведена поголовная перепись жителей с учетом их прежней занятости в производстве или в учреждениях. Появился на поселке и староста.

В декабре в Горловку прибыли представители акционерных обществ — «Главного управления угольной промышленностью Востока», «Герман Герингверке», «Металлургического объединения «Восток» ... Был обследован прибывшими специалистами и ртутный комбинат. С 12 декабря подготовительные работы к пуску плавильной печи начал проводить 26-й технический батальон и вновь организованный строительный трест № 10 под руководством немца Пуденца с мобилизацией в трудовые группы оставшихся на территории поселка рабочих. Фирма «Пройсак» назначила директором предприятия зондерфюрера Отто Гемпеля, его помощником унтер-офицера Крабса, техническим руководителем Коппэ. Всего за период оккупации немцам удалось выплавить в примитивных установках без всяких предохранительных мероприятий около 100 тонн ртути.

С весны 1942 года на работу в Германию с поселка были принудительно отправлены десятки людей, главным образом молодежь и лица средних возрастов. В 1943 году власти стали проводить мобилизацию в райх 15-16-летних юношей и девушек — 1927-1928 годов рождения. Но не смирились наши люди с «новым порядком» фашистского режима и, как могли, вредили оккупантам. Из числа комсомольцев образовалась группа патриотов во главе с Василием Корягиным. В ее состав вошли бывшие воспитанники средней школы № 10. Не все из них смогли, несмотря на попытки, отправиться в первые дни войны в действующую армию. Начальник военно-учетного стола города Комсомольска Григорий Константинович Скульский, к которому обратилась одновременно группа ртутнянских добровольцев, поблагодарил за гражданскую позицию и занес их фамилии в свою книгу, пообещав удовлетворить благородные желания при первой возможности, а пока посоветовал оказать помощь подсобному хозяйству комбината в уборке урожая.

Григорий Косоног пытался поступить в аэроклуб, но там была большая очередь желающих, и до него она не дошла. В записной книжке-дневнике в начале войны появились записи. Приводим некоторые из них (сохраняя стилистику):

«Просматриваю «Угольную промышленность». С первой же страницы на меня ...смотрит красноармеец в летней форме... с винтовкой в руке. Указывая правой на читателя, уничтожающе кричит: «Чем ты помог фронту?» Вопрос потряс до глубины души. Серьезно, чем я помог фронту? Ничем, абсолютно ничем!!! Нетерпимо! Как ты, гражданин русского государства, во время Отечественной войны ничем не помог фронту, ничем не помог тем, кто головы ложит на поле битвы, защищая русский народ?!?!»

«Во имя будущего пойду на фронт!! На защиту русского народа отдать всю свою энергию, всю свою жизнь!!!»

«Воздушные тревоги все чаще. Ночью обстреливали стервятника из зениток, пулеметов и... винтовок. Безрезультатно».

«3 октября. В военно-учетный стол за повестками. Входим к начальнику. Чудак. «С усами в армию не берем», — встретил он нас. Смех».

Из вышеприведенных отрывков проглядывает образ патриота, четко определившего личную линию действия и жизни.

Постепенно в ряды защитников Родины влились Василий Любченко, Иван Горбатенко, Николай Гнилокостов, Василий Бакляк. 4 октября пришла, наконец, очередь Григория Косонога и Николая Маркова. С группой других

призывников направились они пешим строем в Старобельск на формирование. Однако там документов не оказалось. Посоветовали возвратиться назад к месту приписки. Но военно-учетный стол свернул свою работу, а его начальник Скульский уже отбыл на войну. Так и оказались товарищи на оккупированной территории. Под Запорожьем попал в плен Иван Горбатенко, изведаль ужасы концлагеря, чудом вырвался из него. Пришел опухшим от голода. Стали собираться вместе, обсуждать положение. Побывав на месте боев, подобрали несколько винтовок, до без затворов и несколько гранат без запалов, спрятали с надеждой добыть недостающие части.

С декабря 1941 года своеобразным центром экономической жизни здешних поселков стали базарные ряды, расположенные между шахтами «Комсомолец» и 19—20. Там почти все от соли и табака до зерен кукурузы, пшена и ячменя измерялось стаканами и стаканчиками. На том рыночном пятачке можно было услышать последние известия, правда, на уровне слухов, подчас абсолютно противоречивых. И итальянцы, и полицейские в один голос утверждали, что и Москва не устояла, и Ленинграду — «капут», а остатки Красной Армии бегут к Уралу. Но со стороны Дебальцево явственно доносились звуки артиллерийской канонады. Оттуда на конных возках и машинами почти ежедневно подвозили для захоронения возле кочегаровского Дворца, у здания Донбассэнерго, на городском кладбище десятки трупов немецких и итальянских солдат и офицеров. И тут у ребят созрела мечта раздобыть приемник. Выручил Борис Алеев, занимавшийся некоторое время до войны в школьном кружке радиолюбителей и разыскавший наушники и детали детекторного набора. Повозились ребята, и — о, радость! — приемник заговорил. В декабре. С наступлением темноты подвешивали антенну и, настроившись на волну, слушали. По очереди. Сквозь треск и шорохи прорывался голос Родины. Такой дорогой и такой желанный! Голос правды и голос надежды! О боевых делах на полях Подмосковья, на других фронтах. Время от времени раздавались возгласы слушающего:

— Драпают фрицы от Москвы!.. Наши Тульскую область освободили!.. Красная Армия в Сухиничах!.. Дают жару белорусские партизаны!..

И шли новости по поселку, по селам и Донецкой, и Запорожской, и Днепропетровской областей, куда направлялись ртутнянские друзья менять домашние пожитки на зерно и крупы, на овощи. Григорий Косоног, Василий Корягин, Владимир Рыжков, другие ребята составляли и распространяли записки об услышанном. Четко определился круг единомышленников, решивших усилить борьбу с оккупантами. Кроме упомянутых, Иван

Горбатенко, Борис Алеев, Иван Кравченко, Николай Марков, Николай Макаров, Алексей Студенников. К сожалению, они не имели опыта конспирации. А гестапо и полицию встревожило появление в поселке призывов оккупантам не покоряться...

Утром 9 марта Василий Корягин и Иван Горбатенко встретились на рынке, прошли вдоль рядов. И когда они уже направились, было, домой, их окликнул незнакомец в поношенной шинели, представился командиром Красной Армии, попавшим в плен и удачно сбежавшем из лагеря. Попросил покормить и помочь с ночлегом. А там, дескать, подумаем, как насолить фашистам. Зашли по пути на Трамвайную к Николаю Маркову. Незнакомца обедом угостили, но отец Николая по браваде и по откровенной развязности речи «лейтенанта» почувствовал неладное и в ночлеге решительно отказал. Не разрешил остаться в доме и отец Василия Корягина. Они сами являлись квартирантами. Пошли к Рыжковым. Вышел Володя. Вместе упросили Марию Михайловну и Александра Алексеевича приютить «пленного». Остался у соседей и Василий Корягин. С самого вечера и до полуночи он, Володя и «пленный» провели в беседе. Утром незнакомец ушел. Ничто, как будто, не внушало опасения. Но мать Володи в ту ночь не могла уснуть, чуяло материнское сердце неладное. И оно нагрянуло. Не сразу, 22 марта 1942 года. Вернулась Мария Михайловна от соседки, и муж говорит дрожащим голосом:

— Простись с сыном. Пришли вот за ним из полиции...

Подкосились ноги, опустилась на пол. Поняла, что это конец.

В тот же день полиция появилась у домов Корягиных, Горбатенко, Кравченко... По улице Трамвайной полицейские вели парнишку небольшого роста, совсем юного Колю Макарова. Утром 23 марта полицейские ворвались в дом Косоногов. Так был взят и Григорий. Избежать ареста удалось лишь Борису Алееву и Николаю Маркову, которые в эти дни находились в селах, обменивая остатки одежды на продукты питания. При возвращении их успели предупредить о неизбежном аресте, и они покинули Ртутный.

Каратели подвергли ребят жестоким пыткам и истязаниям. Агафья Степановна Косоног посетила гестапо через два дня после ареста сына. Дежурный охранник во двор не пустил. Однако она заметила за забором Ваню Горбатенко, Володю Рыжкова и Васю Корягина. Ребята сказали, что их без конца вызывают на допросы и избивают по несколько раз в день, а сын не вышел потому, что сильно ослабел от побоев.

— Один из ребят приподнял майку, — вспоминала Агафья Степановна, — и я не увидела на нем живого места — все тело черное, в жутких ранах. Мне

указали окно камеры, куда заточили Гришу. Сын подобрался к окну, помахал рукой, улыбнулся. Таким я видела его в последний раз. На следующий день была там снова и узнала, что всех семерых угнали, куда — неизвестно. Пошла в полицию в надежде узнать подробности. Услышав фамилию, фашистские прихлебатели с ругательствами набросились на меня и вытолкали из помещения: «А, ртутнянские партизаны?! И ты хочешь туда же?» Поняла я, что их нет уже в живых...

Так начинали борьбу патриоты, так они погибли. Очень хотелось им внести посильный вклад в общенародное дело. И сделали они, что могли. Не удалось превратить комсомольцев в рабов, поставить на колени.

ДНИ И НОЧИ ХАЙДАРКАНА

Четвертого января 1942 года после размещения в казармах и бараках поселка Хайдаркан (Киргизия) никитовцы получили назначения на рабочие места. Наиболее компетентным и опытным поручили важнейшие участки производства. Емельян Григорьевич Калмыков (прибыл в Хайдаркан раньше основной группы ртутнян из Никитовки) возглавил горные работы, главным механиком горного цеха стал Алексей Мамонтьевич Драгунов. Ивана Акимовича Олещенко назначили механиком отдела капитального строительства. Надёжное пополнение поступило в бригады бурильщиков и слесарей. Среди них братья Андрей и Михаил Федоровы, Григорий Кузьмин, Павел Амелин...

Страна остро нуждалась в стратегическом сырье. Временную потерю никитовской ртути надо было восполнить увеличением выплавки «живого серебра» в Хайдаркане. Накануне войны кое-что было сделано для разработки этого месторождения киновари. Горняки прошли первые три тысячи погонных метров выработок, строители смонтировали трубчатую вращающуюся печь ретортного типа, а металлурги начали обжиг руды. Однако, коллектив предприятия только складывался, приобретал опыт. Прибытие никитовцев внесло значительное оживление в его деятельность.

Выполняя ответственные задания государства, трудящиеся принялись за развертывание широкого фронта работ по проходке штолен, квершлагов, нарезных работ и выдаче руды. Предстояло в кратчайшие сроки доставить от Скобелеве и установить прибывшее оборудование обогатительной фабрики, металлургического завода, компрессорных установок. Несколько тракторов и сильно изношенных грузовых автомашин еле справлялись с завозом строительных материалов, горючего, продовольствия.

Все внимание уделяли решающим участкам и звеньям. Рудник испытывал недостаток электроэнергии. Чтобы ее получить, в спешном порядке вели линию передачи от Кадамжая. Скальные породы и мерзлая, как застывший бетон, земля не хотели покоряться. Но на штурм шли упрямые люди. Били и били они ломami и кайлами каменную твердь, неотступно двигались к цели. И засверкали на стройке ослепляющие огни электросварки, как салют великому мужеству сильного племени.

Январские и февральские метели и грозные бураны почти непрерывно перекрывали глубокими сугробами горную дорогу. Звучал в такие дни сигнал тревоги в штольнях, в механическом цехе, в старательских артелях, в кабинетах управления и бухгалтерии, звучал, как приказ, собирал на снегоборьбу целые смены, направлял бригады на перевалы и в угрожающие места. Сигнал этот не касался только строителей и металлургов.

Круглые сутки при любой погоде закладывался фундамент под фабричные и заводские агрегаты, возводились стены цехов. производственных корпусов, монтировалось оборудование.

Пригласил директор комбината Ивана Кузьмича Кретьова на разговор:
— Компрессорная еле пытит. Берись за дело. Здешний агрегат по нынешним задачам — ничто. Бурильщики кричат «Дай давление!» Правильно кричат. Ты и дашь, Иван Кузьмич. Устанавливай свой 40-кубовый!

— Получил я бригаду подростков, — продолжал Иван Кузьмич, — в большинстве узбекских ребятшек. Не клеилось у них поначалу. Ключ гаечный не все в руках держали. Кто из аула пришел, кто со школьной скамьи. Зато понятливые. Нашли мы общий язык быстро. И пошло дело. Восемь месяцев работал установленный нами агрегат без нареканий — результат совместных усилий.

Иван Кузьмич пытался разгладить морщинки на лбу. Это не удавалось. Зато появилась улыбка и шутка:

— Передавал я ребятам свои знания и умения, они научили меня зеленый чай пить — мои сыновья и друзья... Правильно говорится в пословице: «Друг познается в труде да в беде».

Снова воспоминания, раздумья, снова несколько слов:
— Компрессорная — сердце горного цеха. Хорошие работающие руки ее держали и подкрепляли. А ведь война шла. Тем и горжусь как рабочий человек, что в общем взносе в победу есть и моя частица, и тех ребят...

Проблемы же продолжали возникать и часто и неожиданно. Такой проблемой к весне 1942 года стала вода... Точнее, нехватка воды. И тогда

появился на оберточной бумаге приказ от 13 апреля 1942 года (хранится в архиве Хайдарканского комбината): «Проложить водопровод от высокогорного ущелья Гауян до цехов комбината». Выполнили рабочие приказ. И, как положено, досрочно. В следующую зиму новые испытания. Стал перемерзать головной арык от того же Гауяна. Возникла угроза остановки компрессорной, металлургического цеха, перфораторов в забоях. И снова — аврал, снова шли, как в атаку, в горы рубить лед. Выстояли в самую жестокую стужу. Тогда это не считалось подвигом.

За полгода смонтировали еще одну вращающуюся печь, завершили строительные и наладочные работы на обогатительной фабрике. Начальник фабрики И. А. Воробьев и главный инженер отдела капитального строительства С. С. Артюнов доложили о выполнении заданий. 18 июля 1942 года состоялось выдающееся событие — пуск всего комплекса комбината в Хайдаркане. Впоследствии в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» появилась краткая запись: «В Средней Азии и в Казахстане были введены в действие новые мощности по добыче и обогащению свинцовой и вольфрамовой руды, по увеличению производства ртути и молибдена» («История Великой Отечественной войны Советского Союза» в шести томах, Воениздат, М., 1961, т. 2, с. 154.).

Сплоченный многонациональный коллектив никитовцев и хайдарканцев получил возможность быстрого наращивания темпов выпуска металла. Выступая по этому поводу на сменных собраниях, директор сумел найти заветные слова:

— Выдающийся ученый Александр Евгеньевич Ферсман призывает поднять в решающей схватке самые недра против врага. Поднимем! Он говорит: пусть горы металлов, цемента, взрывчатых веществ вырастут в тот девятый вал, мощной силой которого будет повержена фашистская лавина. Мы услышали призыв. Комбинат построен. У нас есть теперь все для ударного производительного труда...

В цехах и на участках развернулось соревнование за наилучшие результаты работы. Ртутняне шагали в ногу со временем, с народом-солдатом в серой шинели. На автозаводе в Горьком и на Уралмаше возникли первые фронтовые бригады. Почин нашел горячую поддержку в Хайдаркане. Каждый искал резерв и личную точку отсчета повышенной результативности труда. Этого требовал фронт. Он незримо проходил вдоль проложенного водовода, у линии электропередачи, по ближним и дальним перевалам, и здесь, по крутым уклонам штолен, рядом с дробилками, грохотами, металлургическими печами.

На комбинате появились двухсотники, трехсотники. Бригады принимали обязательства иметь в своем составе не меньше шестидесяти процентов стахановцев и ударников. А было до восьмидесяти. Получили распространение фронтовые стахановские вахты.

Снова, как и до войны, в газетах появилась фамилия инициатора многозабойного бурения — Алексея Ильича Семиволоса, ставшего тысячникком и лауреатом Государственной премии. Работая на Урале, он обурил 6 февраля 1943 года 27 забоев и в тот же день призвал своих земляков, находившихся в Сибири, на Урале, в Средней Азии и Поволжье, отметить победу под Сталинградом ударными делами. 9 февраля обращение опубликовала «Комсомольская правда».

Друзья Семиволоса на Высокой Горе (Урал) С. Еременко, И. Завертайло и другие бурильщики шли вровень с учителем.

Дали слово никитовцы поддержать правофланговых тыла. В бригадах добытчиков киновари горного цеха, в группах старателей Медной Горы в Хайдаркане прописалось правило:

— Равнение на Кузьмина, на братьев Федоровых!

10 апреля 1943 года Кузьмин и Калмыков сменную выработку задания превысили более чем на тысячу процентов (из справки руководителей Хайдарканского ртутного комбината имени 50-летия Киргизской ССР «Трудящиеся Никитовки и Хайдаркана в 1941-1945 годах», с. 2.).

— Цепкие, упрямые, неутомимые, — говорили о них на руднике. — Сами горят и других своим примером зажигают, добавляли:

— Характер такой у никитян. Доброй закалки люди. И энергии не занимать. Пойдем плечо к плечу с ними к победе.

И поступала киноварь на фабрику и к печам нарастающим потоком, наполнились емкости «живым серебром» Киргизии.

Еще проглядывали со стены нарядной слова лозунга первых недель войны «Не выполнив задание, домой не уходи!», но они уже потеряли свою злободневность. По-новому звучал выписанный на том месте другой призыв «Дадим фронту сверхплановую продукцию!» Каждый старался работать лучше, чтобы не краснеть за свои сто процентов, если рядом сто пятьдесят, сто восемьдесят, а то и двести. Замечательных результатов достиг Б. Альбеков на отбивке ступпы. Инженер горного цеха № 1 С. Г. Моисеев в том же году сконструировал легкую буровую каретку с коленчатыми осями и автоподатчиком. Ее полностью изготовили в мастерских комбината токарь А. Галлих, механик М. Апачицкий, слесари А. Геппер и И. Швемлер. Отсюда «буровая каретка системы Моисеева» получила путевку в забои других

рудников, ее узнали и по достоинству оценили горняки всего Союза (из указанной справки руководителей Хайдарканского рт. к-та, с. 3,4).

В забоях рудника впервые в 1944 году внедрили рудопогрузочные машины и колонковые перфораторы. В сложных условиях военного времени главный механик комбината Р. Таубе, директор М. Власов, инженер Ф. Левина сконструировали оригинальную электровакуумную реторную печь для обжига богатой руды.

Длинная пятикилометровая изнурительная дорога к горным забоям забирала немало сил тружеников. Инженер Александр Пуцин сконструировал специальную транспортную каретку для подвоза людей к месту работ.

Ощутимую пользу приносили общественные смотры производства и повседневный поиск путей повышения производительности труда. Проводили их сами рабочие. Передовые труженики приходили туда, где происходил сбой темпов, заминка, выявляли упущения, давали советы, а то и личным примером показывали, как надо устранять просчеты.

Отпуска и выходные в период войны не предоставлялись. Нередко выходные дни были днями повышенной добычи и отборки кондиционной руды. На помощь производственникам приходили инженерно-технические работники, служащие. Приводила в забои свой посёлковый совет Мария Андреевна Колпакова, а директор школы — учеников.

— Научились ребяташки отбирать руду из отбитой горной массы, вспоминала учительница русского языка и литературы Ольга Михайловна Ферапонтова (Бессолова), — узнали, где применяется ртуть. Хорошо трудились. И все разговоры у них о войне были...

— Из моего куска пусть будет заряд в капсуль патрона, из которого пуля — в Гитлера...

— А из моего — в Геббельса!

— В Риббентропа!

— В Геринга!

— Из этой глыбы — в мины для гестаповцев...

У старшеклассниц разговор порой о ребятах, уехавших на фронт:

— Мишу ранили ... Письмо получили из госпиталя.

— А Коля без вести...

И вытирали девочки набегавшие слезы.

Успехи в работе предприятия являлись результатом большой организаторской и политической работы, которую неустанно вели Марк Александрович Власов, Иван Акимович Олещенко, Алексей Мамонтьевич Драгунов, Мария Андреевна Колпакова. Уважение и авторитет завоевали у

трудящихся и населения пропагандисты и агитаторы Григорий Тимофеевич Кузьмин, Валентина Митрофановна Ляхомцева, Иван Кузьмич Кретов, Дарья Григорьевна Дорошева, Анна Ивановна Олещенко... Просто, доходчиво проводил информации Григорий Филатович Забродний. После ознакомления слушателей с положением на фронтах подводил итоги работы смен, бригад и звеньев, отмечал добрые дела тех, кто находился в авангарде. Спрашивал, смогут ли товарищи поработать лучше, чем в прошлую неделю, выслушивал встречные просьбы и, если сам не мог помочь, шел к директору, парторгу, доказывал, требовал. И получали рабочие новые детали взамен отработавших ресурс, рукавицы, спецодежду, мыло.

Комсорг ЦК ВЛКСМ Зоя Дмитриевна Ильяшенко (горловчанка) вместе с молодыми рабочими организовала трудовые вахты. Ее доклады и беседы строились на конкретном материале и пользовались заслуженной популярностью.

После битвы на Курской дуге повеселели никитовцы. С нетерпением вслушивались и вчитывались в сводки Совинформбюро.

— К нашим местам бои подбираются. В Донбассе пока ночь и стоны, но освобождение уже не за горами. Скорее бы...

Обрадовал прибывший из Наркомата цветной металлургии Алексей Степанович Микуленко. Он сообщил, что часть никитовцев будет направлена на восстановление комбината сразу же после освобождения Донбасса.

5 сентября 1943 года радио принесло радостное известие об изгнании гитлеровцев из Горловки. Первыми поздравили никитян Т. Усманов и П. Мандыбаев. Обнимали и крепко жали руку Кузьмину друзья и соперники по забою Мусаев и Алиев. Подбежали к своему наставнику Ивану Кузьмичу Кретову его бывшие питомцы. Теперь они возмужали, приобрели опыт и рабочую сноровку:

— С гор спускается осень, а вокруг, посмотри, — весна. Радость какая! Уедешь теперь, знаем. За науку спасибо!

В сентябре проводили в дорогу Е. Калмыкова, Т. Акименко, А. Нерозина, Е. Смирнова. Олещенко получил задание собрать и отправить в Никитовку все оборудование и имущество, не установленное в Хайдаркане. Из складов отобрали несколько ящиков стекла, гвоздей, различный слесарный инструмент, хозяйственные товары. Однако руководители комбината не смогли выделить бурильных молотков — у самих были они в большом дефиците. Иван Акимович обратил внимание на списанные перфораторы. Слесарь-промывщик Борис Иванович Богатырев из отдельных узлов и деталей вскоре собрал три буровых молотка. В октябре Иван Акимович

Олещенко, Иван Кузьмич Кретов, Анатолий Васильевич Золотухин, Иван Федотович Мирошниченко, Александр Дмитриевич Прилепский и другие товарищи отбыли в родные края.

Хорошую оценку заслужили наши земляки своими делами в годы Великой Отечественной войны. В одной из послевоенных справок об этом периоде руководители Хайдарканского комбината имени 50-летия Киргизской ССР директор Ж. Айбалаев, секретарь парткома Е. Ф. Седой и председатель профкома Т. Б. Бакиров написали такие слова: «После освобождения Украины многие никитовцы вернулись домой, для других Хайдаркан стал второй родиной. Но где бы ни были никитовцы и хайдарканцы, никогда не забудут их общий труд в самую лихую годину, когда они вместе в неимоверно тяжелых и сложных условиях работали для фронта, делая все возможное для приближения победы над фашистскими захватчиками. (Указ, справка, с. 4.).

Дружба, зародившаяся и окрепшая в годы суровых испытаний, продолжалась и после войны. Оба коллектива вели между собой соревнование, учились друг у друга передовым приемам труда, перенимали технические достижения.

В послевоенный период Хайдаркан превратился в красивый поселок городского типа. Навсегда исчезли жалкие лачуги, примитивные кибитки и временные казармы. Вдоль широких улиц возводились благоустроенные дома. Радуют глаз светлые школьные корпуса, детские сады. Из Риштана пришел в квартиры газ. В рудниках использовались большегрузные самосвалы, экскаваторы, бульдозеры. Бурильщики перешли на прогрессивное шарошечное бурение рудного тела в забоях. Высокопроизводительные комплексы вытеснили ручные тачки, носилки и лопаты. Таких же успехов достигли труженики комбината и их семьи в развитии образования и культуры.

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

На всех фронтах воевали ртутняне, немало славных страницы вписали в боевую летопись Великой Отечественной. Вместе с однополчанами насмерть стояли они на подступах к Москве — Николай Грянко и Николай Григоренко... В ненастную осень и морозную зиму сорок первого. Извели все: и горечь отступления, и радость успешных контрударов. Оба пали смертью храбрых в сорок втором. Враг не прошел в столицу. В том же году отдали свои жизни на Белгородщине Андрей Кладов и Иван Лебедь.

Волжскую твердыню — Сталинград — отстаивали ртутняне Николай Степанович Пункин, Сергей Игнатьевич Гулак... К медали Николая Степановича «За оборону Сталинграда» прибавились ордена Красной Звезды, Славы, две медали «За отвагу», много благодарностей, грамот командирования. К победе вели трудные дороги.

Военная судьба забросила Виктора Лобченко в суровые просторы калмыцких степей. Его десантный батальон в составе 28-й армии прикрывал подступы к Астрахани. В дневнике Виктора записи: «Песок, пыль, солнце, соль — и ни капли воды. Озера солёные... Бурая сухая степь, изрытая окопами». Но это тоже земля Родины. Ее поручили защищать стойким людям. Они выполнили задание. И дождались желанного часа». В дневнике 8 сентября 1942 года новые строчки: «Вот и мы в движении. От обороны переходим в наступление. Этим самым отвлекаем немцев от Сталинграда». («Кочегарка», 23 декабря 1974 года).

Одновременно с обороной Сталинграда шла упорная битва за Кавказ. Противник стремился во что бы то ни стало овладеть нефтяными промыслами СССР. В меморандуме «О преобразовании Кавказа» руководитель имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберг намечал далеко идущие планы: «Цель германской политики: господство над Кавказом и над граничащими с юга странами как в политическом, так и в военном отношении». (Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 3 томах, т. 2, 1966, с. 207).

Фашистские захватчики уже предвкушали победу, но советские воины сорвали зловещие планы. Наступление гитлеровцев замедлилось, а затем и вовсе захлебнулось. О каждом из воинов, дравшихся на северокавказском направлении — Михаиле Савенкове, Павле Возжове, Григории Заике можно сказать много добрых и благодарных слов. В числе легендарных малоземельцев в апреле-мае 1943 года сражался Николай Сидорович Шлыков. Помощник бурового мастера геологоразведочного отдела ртутного комбината, он стал помощником командира взвода одного из десантных полков Приморской армии. Николай Сидорович вспоминал: «Часа в два ночи поступила команда на погрузку боеприпасов на корабль. Затем стали грузиться подразделения. Как только отошли от берега, нам зачитали приказ, что идем на Малую землю на подкрепление...

По мере приближения к цели немецкая артиллерия все больше и больше усиливала огонь. Снаряды рвались то сзади, то спереди, то по бокам. Метрах в 20-25 от берега слышалась команда к высадке. Бойцы прыгали в воду, выносили боеприпасы. Все были нацелены на передовую. В бой вступили с ходу. Заняли участок по кладбищу и виноградникам, спешно окопались.

Отбивали яростные атаки, сами наступали. И это под непрерывной бомбежкой и артогнем. После госпиталя старшина Шлыков участвовал в десанте под Керчью со стороны Азовского моря.

Летом сорок третьего разгорелась невиданная битва на Курской дуге. Гитлеровское командование по плану «Цитадель» намечало сокрушить основные силы Красной Армии и выйти затем на широкий оперативный простор. Но на пути бронированных армий стояли такие закаленные в предыдущих боях воины, как сержант Мефодий Воробьев, рядовые Степан Гуторов и Даниил Олещенко, младший сержант Семен Ткаченко... Рядом с русскими, грузинскими, узбекскими и армянскими побратимами. Ничто не могло поколебать железной стойкости отважных защитников Отечества. И иссяк, ослабел наступательный порыв гитлеровцев. Попятились назад самоуверенные орды фашистов, обратились в бегство...

А в это же время в Полесье активизировало «рельсовую войну» партизанское соединение С. Ф. Маликова. Юность Степана прошла на Ртутном руднике. Здесь он получил политическую закалку, приобрел организаторские навыки. В 1938 году окончил Московский институт народного хозяйства и вскоре стал одним из руководителей Укркоопсоюза (Укркоопспілки). 30 мая 1942 года решением ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Оборона СССР был создан Центральный штаб Партизанского движения и тогда же Украинский штаб во главе с Т. А. Строкачем. В состав штаба ввели и С. Ф. Маликова как начальника материально-технического обеспечения партии. Степан Федорович побывал в районах партизанских отрядов и стал настаивать на переводе на боевую деятельность.

Просьбу удовлетворили. Степан Федорович прибыл во главе специальной оперативной группы на землю Житомирщины в ноябре 1942 года, десантировавшись в Олевском районе. Объединив прежде разрозненные мелкие отряды, представитель Штаба стал командиром крупного соединения народных мстителей имени Н. Щорса, (Історія Української РСР в 8 томах, т. 7, «Наукова думка», Київ, 1977, с.207.), а с 27 мая 1943 также первым секретарем Житомирского подпольного обкома партии. (Герои подполья. Изд. Полит. л-ры, М., 1972, с. 232.).

В конце мая опыт успешного ведения партийно-политической и боевой деятельности объединения С. Ф. Маликова был обобщен на совещании членов нелегального ЦК КП(б)У и командно-политического состава девяти партизанских соединений Украины. К этому времени оно распространило свое влияние на 13 районов области, включив их в активную борьбу с гитлеровцами и их прислужниками.

Партизаны сумели оказать пропагандистское воздействие на словацких солдат и офицеров и привлечь их к антифашистской деятельности. В этом же соединении были и югославские друзья.

Несколько примеров боевых действий маликовцев. Под новый 1943 год решено было совершить налет на станцию Белокооровичи. К нему тщательно готовились. Через связных-подпольщиков узнали расположение и состав охраны. Наметили порядок подхода групп к станции и развитие атаки.

Удалось все, что наметили. Службы железнодорожного пункта были разгромлены, сожгли и само помещение станции. Был уничтожен начальник полиции, а рядовые полицейские разбежались. Партизаны захватили винтовки, боеприпасы, продовольствие... Шесть суток потребовалось гитлеровцам для восстановления движения через Белокооровичи.

В дальнейшем с получением вооружения, обмундирования и продовольствия, доставляемых самолетами, положение партизан еще больше укрепилось. На Большую землю отправили раненых и больных. Стала выходить газета подпольного обкома партии «Червоне Полісся». В отряде побывали секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко, начальник Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкач, комсомольские руководители. Боевые действия значительно активизировались. Но и немецкие оккупационные власти концентрировали свои силы, подтянув к району дислокации партизан части 5-го и 9-го мадьярских корпусов, два пехотных полка 25-й дивизии, подразделения 4-й кавалерийской дивизии, 15-й полицейский полк особого назначения, 108-й охранный и 305-й литовский батальоны, другие силы с легкими танками и бронемашинами. На аэродромах в Овруче и Коростене подготовили к наступательной операции самолеты. Положение партизан значительно усложнилось. Пришлось отходить. Две недели продолжалось противоборство сседающими карателями. И только благодаря умелому маневру, партизанам Маликова удалось избежать разгрома и выйти из окружения. Они продолжали борьбу (С. Ф. Маликов, А. В. Прокопенко. Поліська бувальщина. К, с. 169-171.).

Гитлеровцы были убеждены, что уничтожили основные силы партизан и начали выводить свои войска из лесов, оставляя на лесных дорогах укрепленные пункты с брустверами, дзотами, землянками для личного состава. Но маликовцы уничтожали карателей даже в этих условиях. Фашистам пришлось покинуть лес.

В период подготовки операции «Цитадель» и в разгар Курской битвы маликовцы нарушали вражеские коммуникации и срывали доставку живой

силы и снаряжения по линии Сарны — Коростень — Новоград-Волынский- (Там же, с. 310.). На протяжении полутора месяцев не смог пройти к фронту ни один эшелон на участке Сарны — Ковель. (История Великой Отечественной войны Советского Союза. Воениздат, т. 3, М., 1961, с. 466.). Немецкое командование вынуждено было направить в указаний район карательный корпус с артиллерией, танками, авиацией. Именно тогда генерал-комиссар края Лейзер назвал Житомирщину «большевицким островом». (Герои подполья, с. 232.). Важное значение придавалось агентурной разведке, Десять специальных подпольных групп вели систематическое наблюдение за характером поступающих грузов, передвижением войсковых подразделений, собирали сведения экономического порядка. Пятнадцать патриотов удачно действовали даже в Житомирском генеральном комиссариате. (Українська РСР у Великій Вітчизняній війні у 3 т., т. 2, с. 403.).

Гитлеровский генерал Неймайер в справке о состоянии охраны железнодорожной линии Сарны — Ковель признавал, что партизанам известны все уязвимые места опорных пунктов, и поэтому они наносят неожиданные удары, причиняя значительный урон частям охраны и хозяйству магистрали. (Архив Института истории ЦК Компартии Украины, ф. 62, оп. 5, д. 1, л. 87.).

В ноябре 1943 года народные мстители оказали боевое содействие частям 60-й армии генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского в борьбе за город Коростень. В результате шестинедельных боев фашистам был нанесен громадный урон. Маликовцы освободили населенный пункт Игнатополь и районный центр Лугины. (История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. 4, с. 59.). Несколько удачных операций удалось провести партизанам в марте-апреле 1944 года.

Бывший вожак рутнянских комсомольцев Н. А. Кузнецов как секретарь ЦК ЛКСМУ направлял организационную работу с первых недель войны на развитие сети комсомольско-молодежного подполья на Украине. Он принимал непосредственное участие в комплектовании Сталинского обкома, 6 горкомов, 23 райкомов комсомола, 89 боевых ячеек ЛКСМУ преданными товарищами. С апреля по июнь 1943 года вместе с группой партийных организаторов и руководителей Украинского штаба партизанского движения во главе с секретарем ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко Николай Антонович находился в партизанских зонах Украины, непосредственно обучая актив умению вести пропаганду и агитацию среди молодых партизан, всего населения, в группах оккупационных охранных подразделений.

Будучи в конце двадцатых годов комсоргом Ртутного, Николай много внимания уделял оборонной работе, говорил о необходимости повседневной подготовки к защите Отечества. Теперь это время наступило. И он сам сейчас на самом горячем участке борьбы — в тылу фашистов. В какой бы отряд или соединение ни попадал секретарь ЦК ЛКСМУ, его везде засыпали вопросами:

— Как на фронте? В тылу как?

Николай Антонович понимал, что необходимо удовлетворив их любознательность и повышенный интерес к жизни страны. Партизаны, конечно, знали новости, принимаемые по радио и из партизанских изданий. Но живое слово человека только что прибывшего с Большой земли было им особенно необходимо. И звучала на привалах страстная речь:

— Силы страна набирает. Тыл прочный, могучий. Все дает фронту. Вот эти замечательные автоматы оттуда. Не из Штатов, не английские — наши, отечественные. А какие у нас «катюши», штурмовики, танки! Лучше немецких.

Николая пытались не брать на проведение подрывных операций.

— Это очень опасно, — убеждали товарищи.

— За заботу спасибо. Но никогда в жизни за чужую спину не прятался. И здесь не буду. Идет война. Нам надо о том думать везде и всюду, как громить фашистов, взрывать мосты и дороги, нарушать телефонную и телеграфную связь, создавать врагу невыносимые условия на нашей земле. Значит, с вами должен идти. Надо лично увидеть все, прочувствовать особенности вашей жизни и борьбы. Мне с ребятами, рвущимися сюда, приходилось беседовать и, возможно, еще придется. Самому пройти надо боевые курсы, чтоб с полным правом друга учить и давать советы.

После боя или операции партизаны с похвалой отзывались о самообладании и действиях комсомольского секретаря. Сам Николай Антонович написал в своей автобиографии весьма скромно: «...в партизанских отрядах и соединениях мы оказывали помощь в проведении партийно-политической и организационной работы партийным и комсомольским организациям, принимали непосредственное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками. (Оригинал находится в Горловском историческом музее).

Трехмесячное пребывание Н. А. Кузнецова в партизанском крае было весьма результативным. Командиры отрядов смелее стали зачислять в ряды народных мстителей молодых людей. Опыт комсорга Миши Андросова из соединения С. А. Ковпака стал достоянием других организаций и групп. Возглавляемая им организация решением ЦК ВЛКСМ была признана

лучшей среди партизанских соединений и отрядов Украины. Ей вручили Красное Знамя Центрального Комитета.

Николая радовал рост числа молодых партизан Ровенщины. Более сотни лучших товарищей получили высокие награды. На боевом счету ровенских патриотов к октябрю 1943 года насчитывалось до 2000 уничтоженных оккупантов и более 150 крушений поездов на железных дорогах. (Огненные годы. «Молодая гвардия», 1971, М., с. 418.). Сотни молодых сабуровцев завели личные счета ратных дел.

Радостной и взволнованной оказалась встреча Н. Кузнецова и С. Маликова в Житомирском партизанском соединении. Земляки добрыми словами вспоминали Ртутный рудник, своих товарищей, учителей и всех тех, кто помогал их гражданскому становлению и мужанию характеров. Благодаря заботам Николая Антоновича и Степана Федоровича активизировалась деятельность Житомирского подпольного обкома комсомола, девяти райкомов ЛКСМУ, 77 первичных организаций и 61 комсомольской группы. (Українська РСР у Великій Вітчизняній війні у 3 томах. Вид-во політ, л-ри, Київ, 1968, т. 2, сс. 376,377.)

Летом 1943 года развернулось большое сражение за Донбасс. Южному и Юго-Западному фронтам предстояла нелегкая задача по сокрушению мощных оборонительных позиций фашистов на Северском Донце и на Миусе. Гитлеровское командирование создало здесь глубокоэшелонированную оборону с многочисленными дотами, «крабами», артиллерийскими установками, пулеметными гнездами, густой сетью окопов. 18 августа начался штурм «донецкого вала». Не выдержали хваленые дивизии фюрера ожесточенного напора нашего огня, свинца, стали, могучего натиска Красной Армии.

Родные донецкие города и села освобождали Н. С. Пункин, М. Я. Гуляев, Г. К. Складанюк. Большим авторитетом пользовался в своей роте молодой офицер Сергей Пшеничный. Любили его за откровенность, справедливость, за личную храбрость.

— Уже рядом родная Никитовна, Ртутный. Там я жил, учился в десятой школе, — взглядываясь в карту, делился лейтенант радостью с однополчанами. — Стрела нашей дикции туда нацелена.

— Вернем тебе твой Ртутный, — обещали бойцы. Два-три пеших перехода осталось...

Верные друзья-товарищи сдержали слово, но сам Сергей не дошел до отчего порога. Сложил голову под Енакиево.

Народный комиссар связи СССР И. Т. Пересыпкин с началом Великой Отечественной войны был назначен заместителем Наркома обороны СССР и начальником Главного управления связи Красной Армии. (Малая Советская Энциклопедия, третье издание, т. 7, Гос. Научное издательство «БСЭ», 142.). Иван Терентьевич по заданию Ставки систематически выезжал на различные фронты и направления для оказания необходимой помощи в организации связи: на Западный к генералу Жукову, в ноябре 1942 года с группой генерала А. М. Василевского в район Сталинграда, а затем на Воронежский фронт, на Курскую дугу. Участие начальника Главного управления связи в организации наступательных операций дало положительные результаты. Связь работала надежно, особенно волновало Ивана Терентьевича начало освобождена Донбасса. Над городами и другими населенными пунктами стояло огромное зарево пожаров. И везде разрушения, следы взрывов, черные следы фашистских злодеяний.

Выбрав свободное время, он отправился по хорошо знакомым местам от Енакиево на Никитовку. «Впереди был Ртутный рудник, — вспоминал Иван Терентьевич. — Дрогнуло сердце мое у механической мастерской, где когда-то я работал. Остановился у школы, где учился, а потом поехал к бывшей своей хате. Последний раз я был на руднике летом 1935 года, когда приезжал чтобы забрать мать в Ленинград. Наша хата оказалась почти полностью разрушенной, крыши не было. Стены, сложенные из известняка, наполовину обвалились. Вместо окон зияли черные маленькие прямоугольники. Родное гнездовье!

...Впечатления от поездки и воспоминания не давали мне покоя. Грустные и радостные мысли наполняли мою душу. Радостные потому, что освобождена моя родина, бегут без оглядки немецко-фашистские захватчики. Грустные оттого, что кругом, в том числе и на Ртутном руднике, все разрушено, исковеркано, сожжено» (И. Т. Пересыпкин. Связь сердец боевых. Изд-во «Донбасс», Донецк, 1974, с. 138.).

21 февраля 1944 года Президиум Верховного Совета Союза ССР присвоил И. Т. Пересыпкину звание маршала войск связи. (Там же, с. 140.). Иван Терентьевич до конца войны принимал непосредственное участие в организации связи наступающих фронтовых соединений Советской Армии. За выдающиеся заслуги перед Родиной наш земляк был награжден четырьмя орденами Ленина, двумя — Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, орденами Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, многими медалями. («Известия», 15 октября 1978 года). В 1968 году И. Т. Пересыпкину было присвоено звание Почетного гражданина г. Горловки, в 1975 году горняки ордена Ленина

шахтоуправления «Александр-Запад» зачислили бывшего шахтарчука в свой трудовой коллектив как Почетного забойщика.

В великой битве за Днепр совершили ратные подвиги Сергей Иванович Асинов, Самсон Акимович Бевз, Александр Павлович Филин, Владимир Никифорович Иволгин. Бывший плотник, а затем агент по снабжению комбината Александр Михайлович Оленин тоже принимал участие в форсировании Слаутича в ночь с 23 на 24 октября 1943 года в составе 120 стрелкового полка 39-й Барвенковской Краснознаменной гвардейской стрелковой дивизии. Лодка уже прошла середину реки, когда разорвавшийся снаряд прошил ее рваными осколками. Боец Оленин бросился вплавь к правому берегу. За ним другие солдаты. Александр возглавил горстку храбрецов и, несмотря на заградительный огонь, ворвался в прибрежные окопы врага. Действовал смело, решительно. Сразу над обрывом еще три ряда колючей проволоки. Но ничто уже не могло остановить наступательный порыв освободителей родной земли.

В наградном листе читаем такие слова: «Решительными боевыми действиями гвардии рядовой Оленин обеспечил быстрое продвижение вперед и захват плацдарма нашими войсками на правом берегу реки Днепр».

За проявленное мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками гвардии рядовому Оленину А. М. указом Президиума Верховного Совета СССР 19 марта 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Важное стратегическое значение имел Крым. Осенью 1943 года на подступах к полуострову завязались кровопролитные бои. В наступающих порядках плечо к плечу Николай Акимович и Иван Николаевич Черкашины. В сердце каждого пылала горячая ненависть к оккупантам. Она вела в атаку сильнее всякого приказа. Отца и сына... Их имена навеки вписаны рядом в святую книгу вечной памяти.

Четвертый Украинский фронт вышел к реке Молочной. Именно здесь, на правом, заранее хорошо подготовленном к обороне берегу реки, фашисты надеялись отсидеться. Этому, как они утверждали «несокрушимому валу» они присвоили имя древнего германского бога войны Вотана. Орешек и впрямь оказался довольно крепким. Успех советских войск обозначился только после почти непрерывного двухнедельного штурма. 13 октября наши ворвались, наконец, на южную окраину Мелитополя. Начались ожесточенные уличные сражения. Взяли Мелитополь. Прорвали, сокрушили и остальные укрепления «несокружимой Вотании». Но в этих невероятно трудных боях на Молочной и дальше на пути к Крыму выросли братские

могилы. 10 октября погиб Роман Кириллович Пахомов. 13 октября — Геннадий Васильевич Кузнецов, 16 октября — Кузьма Александрович Половинкин, Дмитрий Иванович Азбукин. До Перекопа дошагали Николай Васильевич Горбатов, Василий Трофимович Галанов...

Трудящиеся комбината поддерживали тесную связь с воинами. Они рапортовали им о своих успехах и достижениях. Так, в одном из писем в войсковую часть 06715 добытчики «серебряной воды» сообщали: «...у нас есть целый ряд мастеров своего дела — гвардейцев тыла. Они салютуют победам красной Армии своим героическим трудом... С ноября 1943 года мы ежемесячно перевыполняем государственный план.

Даем твердое слово, что мы дадим металла для производства боеприпасов столько, сколько понадобится».

В наказе фронтовикам говорилось: «Бейте без промаха гитлеровских мерзавцев! Уничтожайте их, как бешеных собак!». (ДОГА, ф. 1455, он. 1, д. 31, лл. 47, 48.).

Ртутняне организовали сбор средств для укрепления боевой мощи родной страны. Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР выразил горячую признательность за патриотический поступок: «Прошу передать рабочим, работницам, инженерно-техническим работникам и служащим Никитовского комбината Главвольфрама, собравшим 168000 рублей на постройку эскадрильи самолетов «Освобожденный Донбасс», мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин». (Подлинник телеграммы хранился в комбинате).

Единство фронта и тыла давало замечательные результаты. В 1944 году завершалось изгнание захватчиков с советской территории и начиналось освобождение народов Европы. Выполняя интернациональный долг, сражались за землю Эстонии бывший работник жилотдела Николай Яковлев, за землю Белоруссии, а затем Польши — машинист комбината Дмитрий Лукьянов, маркшейдер Иван Щербаков. На территории Венгрии воевал крепильщик шахты «Чегарники» Петр Бескровный.

Мощное наступление Советской Армии от Вислы к Ордеру перенесло военные действия в восточную Пруссию. В разгроме одной из крупнейших группировок противника принимали участие Петр Андреевич Мамонов, Виктор Яковлевич Иванилов, Владимир Семенович Федоров. На многих фронтах дрался Иван Григорьевич Мандыч. Почти без перерыва. Временную отставку давали лишь ранения. Легкие, тяжелые, контузия... Вырос от политбойца до командира роты. Батальоном командовал. Уже добивал фашистского зверя в самом логове. Упал, подкошенный пулей. Не поднялся. За неделю до Победы...

От первых до последних дней находился рядом с боевыми товарищами хирург медсанчасти Филипп Федорович Шашло. Занимал должность командира операционно-перевязочного взвода, а с лета 1943 года — начальника отделения полевого госпиталя. Спас жизнь сотням раненых красноармейцев. Его фронтовые заслуги отмечены двумя орденами Красной Звезды, многими медалями.

Хорошим работником в довоенный период был штукатур Иван Тихонович Берлов. Соревновался с Иваном Поповым, Егором Фатьяновым, Иваном Бухановым, с родным отцом Тихоном Берловым. Например, в ноябре 1940 года он выполнил почти две с половиной нормы. Если точнее — 247 процентов. Обошел всех штукатуров стройотдела, кроме отца. У отца оказалось столько же — 247. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 30, л. 47.). По-стахановски начали и год сорок первый. До самого июня. В армии тоже делал все со старанием, смекалкой, прилежанием. Как и на гражданке. На груди разведчика гвардии старшины Берлова одна за другой зажигались звезды Славы всех трех ступеней. Затем в благодарственном напутствии командующего Первым Белорусским фронтом маршала Г. К. Жукова и члена Военного Совета генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина в связи с демобилизацией он прочитает: «Вы хорошо послужили родине. Вы освобождали свою родную землю от гитлеровских грабителей и убийц. На Вашу долю выпала честь добить врага центре его фашистского логова...».

Вместе с мужчинами трудными дорогами войны шли женщины. Это о них написал трогательные строчки стихотворения рабочий шахты 2-бис поэт Евгений Легостаев:

*Женщины! Сколько же смысла
Ваши несут имена...
Помню, когда вдруг нависла
Черною тучей война,
Вы уходили в солдаты,
Вы подрывали мосты,
Метко бросали гранаты
В черные вражьи кресты.
Прачками шли в сандружины,
Шили белье, сапоги
И удивлялись мужчины,
И содрогались враги...*

(Многотиражная газета «За ртуть», 7 марта 1975 года)

Евдокия Трофимовна Аверкина, бывший секретарь рудничного Совета поселка Ртутного, затем студентка, служащая, вступила в ряды защитников Родины в августе 1942 года. Служила в органах контрразведки различных фронтов — Сталинградского, Центрального, Первого Белорусского... Войну закончила в звании майора. Поставила свой автограф на здании рейхстага. За выполнение ответственных заданий командования награждена двумя орденами Красной звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина» ... Польское правительство вручило ей медаль «За Варшаву» ...

Почетом и уважением пользовалась на поселке Ртутном Софья Никитична Пятинская. Накануне Великой Отечественной она закончила Горловскую школу медсестер и стала работать в поликлинике комбината. 23 июня 1941 года пополнила боевой строй. Почти все время служила в полевых госпиталях и медсанбатах. На фронте всегда трудно, но Софье Никитичне с собой силой врезался в память период обороны столицы. Поражало мужество героев передовой. Передавалось оно и Соне. Не прекращала оказывать помощь бойцам под артобстрелом, при бомбежках. Светились благодарностью лица раненых...

Лето 1944 года. Осуществление операции «Багратион». Замечательно проявила себя Соня. Командование выразило ей благодарность «За отличные действия по освобождению города Гродно».

Восточная Пруссия... Отсюда на протяжении многих веков совершались походы разбойничьих орд на восток. Огненный вал возмездия подступил к границам рейха. Гитлеровская ставка планировала надолго задержать здесь продвижение Советской Армии. Гауляйтер Эрих Кох самонадеянно утверждал, что «на немецкой земле не может быть никакого прорыва». Наши полки, наши чудо-богатыри сокрушили и этот плацдарм.

Вместе с тысячами участников битвы получила благодарность и сержант Пятинская — «За отличные боевые действия по завершению прорыва мощной долговременной глубокоэшелонированной обороны противника в районе Мазурских озер». Затем за овладение крепостью и главным городом Восточной Пруссии Кенигсбергом, за города Ликк, Нойендорф и Биалла.

— Наконец-то, свершилось!— торжествовали советские воины. — Добрались до логова...

Потом довелось ей пересечь почти всю Европу и Азию, чтобы принять участие в большом восточном походе.

Кто из горняков шахты «Чегарники» предвоенного периода не знал дежурную медсестру Мясникову?! Одни называли ее просто Сашей, другие,

несмотря на молодость, уважительно Александрой Филипповной. После 22 июня 1941 года ей предстояло пройти и пережить почти четыре года военных дорог. Сутками стояла рядом с хирургами у операционного стола. Много невзгод выпало в дни отступления. Фашисты почти непрерывно бомбили расположение 118 полевого госпиталя, в начале октября под Брянском услышала страшное слово «окружение». Медсестра Александра Мясникова не нарушила присягу, данную Родине. Вместе с товарищами, среди которых были раненые и больные, пробилась к своим. Последние два с половиной года находилась в должности медсестры в эвакогоспитале 2265. Сохранилась характеристика того периода: «Медсестра Мясникова показала себя честным, самоотверженным роботинком. Не щадила своего здоровья. Даже будучи больной, не оставила работу... Неоднократно получала благодарности». Вроде бы обычные слова, обычные предложения. Но за ними — патриотизм, верность долгу человека в белом халате. Да, было чему удивляться мужчинам, было отчего содрогнуться врагам!

Как весенний гром, прозвучала 9 мая весть о безоговорочной капитуляции Германии. В достижение великой Победы внес достойную лепту каждый воин, каждый труженик тыла. Лютым врагом нашей страны являлась империалистическая Япония. Она неоднократно совершала агрессивные акты на восточных границах СССР. В августе 1945 года наступила расплата, участниками большого похода против японской Квантунской армии были младший техник-лейтенант Николай Комендант, сержанты Дмитрий Шматко и Павел Яковлев, младший сержант Николай Ялыжко, рядовой Николай Пышнограев...

Халхин-Гол... Здесь в 1939 году советские и монгольские войска нанесли японским захватчикам сокрушительное поражение, здесь многоцветными гранями засверкала дружба двух народов. Спустя шесть лет из этого восточного выступа Монголии двинулись на врага 39 армия и 6 гвардейская танковая армия. Вместе с воинами 76 мотострелкового полка против самураев храбро сражался ефрейтор Владимир Клыков. Решали главную задачу — «Даешь Харбин!», освобождали город за городом, селение за селением. Туцюань, Таонань...

Путь части, в которой сражался Иван Евсеевич Попов, начался в пункте сосредоточения Югодзыр-Хид в Монгольской Народной Республике на Даньбаншан — Чифын. Предстояло пересечь мощный хребет Хингана на высоте двух тысяч метров.

— Четыре года сжималась пружина терпения и ненависти, — рассуждали бойцы. — Настал, наконец, наш черед...

Упорно преодолевал 1047 полк болотистые низины, безжизненные плешины солончаков, безводную степь. В предгорьях штурмовал крутые склоны оврагов и сопок, в горах форсировал множество рек и бурных от обильных дождей потоков.

— Было на Большом Хингане и такое, — вспоминал Иван Евсеевич. — С одной стороны высится к небу грозная громада горы, с другой бездонным провалом зияет ущелье. Внезапно срывается в пропасть наш фургон. С жутким треском и грохотом. Но движение продолжается. Вперед стремились...

Все вынесли чудо-богатыри Забайкальского фронта маршала Родиона Малиновского. С боями, обходами, атаками. Не сбились с заданного маршрута, не снизили взятого темпа. При этом отличился связной батальона. Когда на пути встретились летучие отряды японских смертников, начальник штаба полка майор Сафронов поручил бойцу Попову срочно известить об этом командира полка, находившегося в головной колонне. Иван Евсеевич проявил расторопность, храбрость, умение ориентироваться в незнакомой местности. Принятые меры помогли обезвредить фанатиков и предотвратить потери личного состава наступающих подразделений. Отважного солдата, своевременно выполнившего ответственное задание, представили к правительственной награде. Медаль «За отвагу» под номером 3319823 вручил командир полка подполковник Королев. Нет-нет, да и вспоминал ветеран второй мировой слова такой близкой и дорогой песни, родившейся на марше:

*Сквозь безводные степи и кручи,
Через реки, барханы, пески
Мы суворовским шагом могучим
Шли, неся перед собой штыки...*

*Для тебя мы, Отчизна родная,
Совершили Хинганский поход,
Чтобы край наш зажил, расцветая,
Чтоб свободен был русский народ...*

Вступление Советского Союза в войну против японских милитаристов, разгром и пленение Квантунской армии ускорили окончание второй мировой войны. Красная Армия с честью выполнила свою освободительную миссию как в Европе, так и в Азии.

ИЗ ПЕПЛА И РУИН

Раскаты орудийных залпов в конце августа—начале сентября 1943 года все ближе и ближе подступали к Горловке. Заметались оккупанты и с ожесточением принялись вымещать свое зло за неудачи на фронте: взрывали заводские корпуса, шахтные копры, жилые дома, убивали людей. Команды поджигателей и разрушителей с особым старанием суетились возле ртутного завода. Понимали — уничтожают важный промышленный объект. Минировали и взрывали обогатительную фабрику, дробильное отделение, плавильные печи. Снова минировали и снова взрывали. Когда же части Красной Армии выбили фашистов за пределы поселка, гитлеровцы обрушили на комбинат шквал артиллерийского огня...

С радостью встречали старатели «живого серебра» долгожданных освободителей. Шутка ли пережить более 600 дней и ночей кровавого кошмара, жестокого рабства и всяческих унижений! Навстречу движущимся колоннам воинов, артиллерии, грузовиков высыпали оставшиеся в живых ртутняне. До поздней ночи не покидали они оживившихся улиц. От радости, от счастья освобождения. А на следующий день уже потянулись вслед за минерами на родное предприятие. Сокрушенно качали головами, приглядывались, с чего начинать восстановление.

Члены правительственной комиссии установили прямой ущерб, нанесенный оккупацией ртутному производству в Никитовке на сумму в 32 миллиона 336 тысяч 400 рублей. Да еще три миллиона рублей составили расходы на эвакуацию и реэвакуацию (ДОГА, ф. Р-4023, оп. 1, д. 5, л. 19).

После обследования состояния комбината специалисты направили в Наркомат цветной металлургии обоснованные предложения. Вскоре они были утверждены. Государственным заданием предусматривалось возрождение комбината в два этапа. В первую очередь в четвертом квартале 1943 года намечалось ввести в строй действующих ствол шахты «Чегарники», ствол № 3 в районе «Нового купола», две вращающиеся и три стационарных ретортных печи, временный подъем на шахте 2-бис, временные механические и строительные мастерские. Предусматривались также добыча руды из шурфов «Черной Курганки» и в районе Софиевского купола, производство работ по водоотливу и на линии электропередачи. Выполнение указанных мероприятий должно было обеспечить выпуск ртути в размере от 15 до 30 процентов довоенного производства.

Основной задачей второго этапа восстановления являлось достижение предвоенной мощности комбината. Рассчитана она была на более длительный период.

— Мы возродим комбинат, — заявили трудящиеся на собрании. — Страна получит наш металл!

Восстановительные работы начались 8 сентября 1943 года. Одновременно с расчисткой руин бригады слесарей-ремонтников трудились возле взорванных печей. И ртуть пошла! Словно в благодарность Красной Армии за освобождение! Правда, сначала очень медленно. Всего 44 килограмма 600 граммов за три недели сентября. Даже от жителей поселка и то поступило больше — 421 килограмм 400 грамм — все то, что, несмотря на строжайший запрет фашистской администрации, было вынесено в бутылках и флаконах из плавильного отделения при немцах.

Тоненькой струйкой текла ртуть, а сколько радости принесла людям! Вскоре из далекого Хайдаркана начали возвращаться кадровые рабочие и специалисты, эвакуировавшиеся туда осенью 1941 года. Во главе комбината стал опытный руководитель Емельян Григорьевич Калмыков.

Впервые же дни работы выявилось слабое звено — недостаток хорошей руды. Чтобы расширить узкое место, решили организовать старательский сектор по сбору кондиционной киновари в старых отвалах и шахтах. Благодаря труду старателей удалось из месяца в месяц возмещать дефицит камня с жилками и вкраплениями «драконовой крови».

13 декабря 1943 года ртутняне отметили важную победу. Они досрочно выполнили план четвертого квартала по всем ровным показателям (ДОГА, ф. Р-4023, оп. 1, д. 4, л. 1). Директор комбината Е. Калмыков не торопился с передачей сообщения в вышестоящие организации. А вдруг где-то ошибка! Тщательно сверял итоговые данные. Все правильно! Поздно вечером попросил вызвать райком. Радостное известие понеслось по проводам в областной центр, в Москву. Так на восемнадцать дней раньше срока завершилось выполнение первого этапа восстановления предприятия. Начинался второй.

Душой коллектива ртутнян были авторитетные товарищи — и руководители и признанные активисты — Трофим Акименко, Емельян Грянко, Емельян Калмыков, Петр Камрад, Иосиф Киц, Григорий Кузьмин. Вместе с рабочими определяли важнейшие задачи и участки действий. На них и направляли главные усилия. Прежде всего надо было решить вопрос с кадрами. В протоколе собрания запись: «Организовать курсы машинистов подъема, машинистов компрессоров, электровозов... Организовать бригадное и индивидуальное обучение». На комбинат прибыла группа выпускников ФЗО.

Снова в решении: «Окружить полным вниманием и заботой этих молодых людей». Молодые люди в свою очередь не остались в долгу, работали на совесть, настойчиво постигали секреты производства. Им помогали опытные специалисты Иван Акимович Олещенко, Алексей Мамонтьевич Драгунов, Григорий Филатович Забродний и другие.

В первые недели восстановительного периода на комбинат поступало лишь несколько экземпляров газет, да и то с перебоями. Не было радио. Рабочие же требовали систематической информации о положении на фронтах. 14 ноября 1943 года распределили по цехам агитаторов. Трофиму Акименко «достался» завод, ЭМО и стройотдел, Калмыкову — шахта «Чегарники», Грянко — шахта 2-бис, продснаб и пригородное хозяйство, Кицу — группа шурфов старательского сектора (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 31, л. 3). На беседы или читку газет приходили не только рабочие, а и все, кто мог. Тут же обсуждали производственные проблемы и трудности. А было их довольно много. Недоставало инструмента, запасных деталей к машинам и механизмам, кайл, лопат, керосина и бензина. Один из протоколов собрания заканчивался весьма выразительно: «Остальные вопросы повестки дня из-за отсутствия света перенести на следующее собрание» (там же, л. 22).

Весьма напряженными были весна и лето 1944 года. В это время удалось пустить на шахте 2-бис два водоотливных насоса, установить мощный компрессор, котел, завершить основные работы по восстановлению копра и 1250 погонных метров горных выработок (ДОГА, ф. Р-4023, оп. 1, д. 5, лл. 3, 4). Значительный объем работ выполнили труженики к началу июня на шахте «Чегарники» и на металлургическом заводе. 20 марта состоялся пуск печи № 1, а 25 июня — литейной мастерской. К июлю строители сдали в эксплуатацию 1300 квадратных метров жилья, здание управления комбината, столовую, красный уголок.

Ртутняне поддержали почин трудящихся области безвозмездно работать во внеурочное время по благоустройству поселка, на восстановлении школ, больницы. Весной 1944 года они высадили 1500 деревьев.

На восстановлении хорошо трудились бригады электриков С.И. Данилова, столяров А. В. Швайко, слесарей К. В. Каманина и И. Т. Сорокина. Много смекалки и находчивости проявляли группы рабочих механика шахты 2-бис Н. Т. Аверкина и монтажники механика И. К. Кретьова (ДОГА, ф. Р-4023, оп. 1, л. 5, л. 7). Однако сказывалась неукомплектованность бригад и участков. Так, по плану для пуска в строй приданной комбинату угольной шахты требовалось 400 рабочих и 27 инженерно-технических работников, а фактическая наличность составила соответственно 210 и 13 человек (там же, л. 8). Затягивать же намеченные графики нельзя было. Война требовала все

больше и больше «серебряной воды». Поэтому каждому приходилось трудиться за двоих, за троих. Высоких показателей добивались на различных участках Павел Амелин, Петр Шлыков, Иван Чеботков, Сергей Балдуев, Николай Бирко, Владимир Воинов и многие другие.

Большинство тружеников комбината составляли женщины и подростки. Так, в группу монтажников механика Ивана Кузьмича Кретьова руководство включило пятнадцать юношей до семнадцатилетнего возраста. Такой же бригадой подростков руководила и Василиса Родионовна Жмыхова.

В историю Никитовского ртутного комбината навсегда вошли имена Неонилы Измайловны Барышниковой, Дарьи Григорьевны Дорошевой, Антонины Федоровны Кодельчук, Анны Ефимовны Морозовой и сотен других замечательных женщин. Их добросовестный труд неоднократно отмечался ценными подарками, грамотами, правительственными наградами. Они добивались высоких результатов в трудовых свершениях и одновременно вкладывали много материнской заботы в воспитание детей. И своих и тех, которые в суровое лихолетье войны оказались сиротами и полусиротами. Василиса Жмыхова вспоминает, как на одном из рабочих собраний обсуждали проступок подростка. Много справедливых упреков и нареканий высказали в его адрес старшие товарищи.

— Я тоже стала стыдить парня, а у самой слезы ручьем. Молодой еще. Несмышленный. Да еще без родительского присмотра. Наверное, разжалобила присутствующих. Вижу, и им передалось мое настроение. После собрания подходит ко мне Иван Акимович Олещенко, только что вернувшийся из эвакуации, спрашивает: «Твой это сын или чужой, не пойму?» Я киваю головой и отвечаю: «Все теперь наши!»... Позже от всей души благодарили свою воспитательницу многие ее подопечные. Писали письма. Доброе дело никогда не забывается.

В декабре 1943 года на весь Донбасс разнесся клич молодых горловских горнячек: «Дорогие подруги! Трудом в забое поможем Красной Армии разгромить врага!». Инициатором замечательного движения девушек выступила бригада забойщиц Марии Гришутинной с соседней шахты 19-20. Патриотическое движение на ртутном комбинате было подхвачено Евдокией Семенковой, Еленой Петровой, Галиной Колядой...

...Аня Морозова приняла решение стать бурильщицей не сразу. Отговаривала ее мать, мол, не женское это дело. Тяжелое. Сомневалась и сама: «Что, если не справлюсь?» Но вскоре поняла — другого решения не будет. Так и стала ученицей опытного мастера Павла Масалкина. Учитель сразу же отметил старание Анны. Курс горняцкой науки прошла буквально за несколько смен. С 7 марта 1944 года стала работать самостоятельно.

Правда, не обошлось и без приключений. Анна Ефимовна не без волнения вспоминала некоторые из них:

— Пришла однажды в забой и начала бурение. Это в первые дни после учебы. И вдруг... потухла лампа. Что делать? Идти в темноте нельзя: заблудишься или ноги сломаешь. Осталась на месте. Сначала песни пела. Потом плакала. Не столько от страха, сколько от обиды, что пропала смена. Главное, товарищей подвела. Придут грузить руду, а ее нет. Была в полном отчаянии ... зато впоследствии упущенное с лихвой наверстала.

Вскоре составила целая бригада. Кроме Ани, в нее вошли Клава Вислогузова, Нина Кононова. Одновременно с ними на самостоятельном бурении работала старшая подруга Антонина Кодельчук. Это она сказала знаменитые слова: *«Трудно нам, женщинам, в забоях, но шахту не оставим до конца войны, до полной победы!»*

— Такую горняцкую клятву дала стране, — вспоминала Антонина Федоровна. — Сказала «до конца войны», а пришлось трудиться бурильщицей еще год после ее окончания.

Сначала девушки соревновались между собой. А затем вызвали на соревнование Марию Гришутину. Понимали, что берут на себя большую ответственность. Ведь обойти Марию было не просто. Все рассчитали, подтянулись. Не стеснялись со старшими советоваться. А бригада Гришутиной и не думала уступать.

Итоги соревнования подводились ежемесячно. В присутствии районных руководителей сопоставлялись успехи бригад, и на их основе выносилось решение. Часто бригаде Морозовой приходилось довольствоваться вторым местом, но были и победы. Тогда Переходящее знамя прописывалось на Ртутном комбинате, а у дома по улице Одесской, где жила Аня, и на домах подруг члены рудзавкома прикрепляли красные вымпелы победителей.

Девушки-бурильщицы являлись штатными рабочими ш-ты 2-бис, но время от времени шли на ударную вахту на «Чегарники». Нынешняя молодежь с трудом представит себе, что в шахте можно работать без выезда по трое суток. В годы юшкой Отечественной войны подобные фронтовые вахты практиковались не раз.

— Бывало, пробуруем шпур, сделаем отбойку руды и снова приступаем к бурению, а чтобы ускорить работу, разгоняли газ после выпала куртками-спецовками, — вспоминала Аня Морозова и Антонина Кодельчук. — Если попадают богатая руда, мы становились старателями, отбирали в сумки киноварь с высоким содержанием ртути. Потом надо было еще 20-30-килограммовый груз вынести по деревянным лестницам со 150-го горизонта

на сто четвертый, где была уже подъемная бадья. Это сорок шесть метров ... Так выглядели наши повседневные будни.

Для коллектива ртутнян перевыполнение сменных норм становилось традицией. Если когда-либо и случались непредвиденные заминки, то только по уважительным причинам. Их тут же устраняли. Однажды из-за неполадок в насосе стало заливать забои основного горизонта — двести десятого. Тогда по предложению Вани Ткаченко мы начали выносить добытую руду по воде. Сняли портянки, спрятали в карманах и продолжали работу в чунях на босу ногу. Местами вода доходила почти до колен. Однако наполнили две вагонетки. Бригада справилась с заданием ...

В марте 1944 года коллектив обсудил телеграмму Наркомата цветной металлургии о присуждении никитовцам второго места в отрасли за февраль и выступил инициатором предмайского соревнования. После пятиминутного перерыва, отведенного для совещания рабочих смен, звучали обязательства.

Бригада Михальского:

— Будет сто тридцать процентов!

Бригада Тимченко:

— Дадим сто пятьдесят! (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 31, л. 29.)

Когда начальнику шахты «Чегарники» Александру Нерозину задали вопрос «Как вы организовали стахановскую вахту?», он ответил просто: «Провели подготовку и добились таких успехов, каких до этого никогда не было». (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 31, л. 35.)

Много добрых дел накопила комсомольская организация, которую после освобождения Горловки возглавляла Зоя Ильяшенко, а после нее Анастасия Никулина. К концу 1944 года первичная организация выросла до сорока человек. Три комсомольско-молодежные бригады получили звания фронтовых. (Там же, л. 79.)

Выдающиеся успехи советских войск подкреплялись рекордами. 14 апреля 1944 года Григорий Кузьмин в ответ на победы Красной Армии в Крыму, в результате которых были освобождены Феодосия, Симферополь и Евпатория, выполнил сменную норму на 1167 процентов. Аня Морозова отметила освобождение Севастополя перевыполнением сменного задания в четыре с половиной раза. («Кочегарка», 16 мая 1944 года.)

Соревнование давало возможность накопления полезного опыта в повышении производительности труда. Затем он становился достоянием других товарищей. В орбиту добрых дел включались представители других отраслей народного хозяйства страны. В апреле 1944 года подобный договор заключили Григорий Кузьмин с забойщиком угольной шахты 19—20 Михаилом Николаевичем Афониным. Предельное уплотнение рабочего времени и высокоэффективное

использование наличной техники и оборудования позволили достичь невиданных ранее результатов. За девять дней тов. Кузьмин выполнил пять месячных норм. («Кочегарка», 22 апреля 1944 года.). По тридцать пять норм давал в своих уступах Михаил Афонин. («Кочегарка», 26 апреля 1944 года.). Стахановцы считали неизменным долгом обучать своему искусству учеников. Уже на шестой день учебы ученица Григория Тимофеевича Валя Попова сумела одолеть десять сменных заданий. («Кочегарка», 22 апреля 1944 года.).

— Выходите на соревнование, товарищи по профессиям! — прозвучал призыв Г. Кузьмина и М. Афолина.

— Принимай наш вызов, Рустам Рустамов! — обратились они лично к знаменитому буровому мастеру Баку, Герою Социалистического Труда. («Кочегарка», 26 апреля 1944 года.).

Факел, зажженный Кузьминым, Афолиным, Рустамовым, хорошо светил патриотам тыла — бурильщику Масалкину, проходчику Ковальчуку... Соревнование ширилось, набирало темпы, принимало широкий размах. Одно за другим поступали Кузьмину и Афонину предложения заключить договор о трудовом соперничестве. Прислал из Азербайджана встречные предложения Рустам Рустамов. К нему присоединился Бабаш-Али... Увлеченные стремлением оказать всемерную помощь в восстановлении разрушенного предприятия, в забой приходили комсомольцы и молодежь. Нелегкое дело бурения каменной тверди, содержащей «драконову кровь», освоила Лидия Гетман. Уже в июне ее трудовые показатели достигли 300—400 процентов. За братом Григорием в забой направился Виктор Кузьмин. И тоже достиг весомых результатов. («Кочегарка», 23 июня 1944 года.).

Продолжала крепнуть дружба с киргизскими побратимами. В марте 1944 года хайдарканцы прислали никитовцам замечательные подарки, в том числе посевной материал для подсобного хозяйства, картофель, урюк, орехи... (ДОГА, ф.1455, оп. 1, д. 32, л. 4.). У самих было не густо, но знали и понимали острую нужду трудящихся разоренного фашистами донецкого края и оказали бесценную помощь.

Никитовский ртутный комбинат постоянно находился в поле зрения вышестоящих партийных и государственных организаций. Они систематически анализировали ход восстановительных работ и хозяйственную деятельность предприятия, вскрывали недостатки и резервы, оказывали содействие в обеспечении комбината кадрами, продовольствием, инструментами, лесоматериалом. Отчеты руководителей комбината заслушивались и на областном уровне.

Самоотверженный труд ртутнян позволил добиться хороших успехов в выполнении государственных заданий. В социалистическом соревновании 1944 года с родственными предприятиями Ртутный комбинат получил звание «Лучший рудник цветной металлургии». (ДОГА, ф. 2104, оп. 3, д. 1, л. 1.). 26 ноября того же года комбинат рапортовал Родине о выполнении годового плана с прибылью более шести миллионов рублей. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 31, л. 84.). С большой радостью коллектив добытчиков «живого серебра» воспринял известие о присуждении ему переходящего Красного Знамени ВЦСПС и Наркомата цветной металлургии СССР и выделении крупной денежной премии. (Там же, с. 313.).

Закончилась вторая мировая война. Безоговорочно капитулировала фашистская Германия, потерпел поражение японский милитаризм. Но еще довольно свежими были в памяти советских людей события Великой Отечественной войны. Ртутняне получили и единодушно приняли вызов коллектива крупнейшего в Кабардино-Балкарской АССР предприятия горнодобывающей промышленности — Тырны-Аузского вольфрамо-молибденового комбината о развертывании соревнования в честь великой Победы. Все его подразделения взвешивали свои возможности и намечали новые рубежи трудовых свершений. Намечали уже в условиях наступившего мира.

**Последователь почина М. Гришутинной
«Девушки в забой» Анна Морозова**

**КАЛМЫКОВ
Емельян Григорьевич**

ОЛЕНИН
Александр Михайлович,
1967 г.

Проходка шурфа на Никитовском рудном поле, 1946 г.

И ТРУДНОСТИ И ДОСТИЖЕНИЯ

В 1946 году началось осуществление четвертой пятилетки, основной задачей которой являлось завершение восстановления хозяйства районов, подвергавшихся оккупации, достижение довоенного уровня промышленности и сельского хозяйства, а затем и дальнейшее его развитие. Реализация программы зависела от результатов деятельности производственных коллективов.

Государство выделило ртутному комбинату на 1946-1950 годы тридцать миллионов рублей для осуществления капитальных работ. Основные фонды к концу пятилетки должны были возрасти в полтора раза по сравнению с 1940 годом. Началось завершение восстановления всего комплекса горного хозяйства на шахтах 2-бис и «Чегарники», центральной обогатительной установки, оборудование вращающихся печей, линии электропередачи, прокладка узкоколейки. Одновременно предусматривалось повышение жизненного уровня трудящихся, в том числе заработной платы в 1946 году, снижение цен на продукты питания и промышленные товары, строительство жилья, детского сада, яслей, детдома, ночного санатория, восстановление клуба, реконструкция парка. При обсуждении задач коллектива выяснилось, что ежедневно потребуется осваивать по двадцать тысяч рублей. Сумма солидная.

Нелегко приходилось в те годы. Сказывался грандиозный материальный ущерб, нанесенный оккупантами всем подразделениям и службам. Значительная часть оборудования практически не использовалась из-за его некомплектности. Автопарк состоял из 25 машин различных типов и выпусков: четырех полуторок ГАЗ-АА, восьми трёхтоннок ЗИС-5, трех «доджей», трех «фордов», трех «студебеккеров», двух «шевроле», одного «виллиса» и одного «штеера» ... При этом на ходу было лишь четырнадцать автомобилей. (ДОГА, ф. Р-4023, от. 1, д. 5, л. 24).

Не лучше обстояло дело у строителей. Бетонный раствор приходилось готовить вручную, строительные материалы подавать ручным способом на высоту до двадцати метров. Недоставало даже гвоздей. Их изготовляли своими силами. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 31, л. 240, д. 33, л. 111). Жаловались горняки на нехватку вагонов, смазочных материалов, лопат.

Никто не скрывал трудностей, недостатков. Но и рук не опускали. Пока снабженцы суетились в отделах вышестоящих организаций и Министерств, выбивая наряды, труженики приносили кое-что из домашних резервов. В нижних горизонтах затопленных шахт скопилось свыше десяти миллионов кубометров воды — целое море (ДОГА, ф. 1455, от. 1, д. 35, л. 86).

И все-таки самой сложной проблемой являлась нехватка рабочих — на начало апреля 1947 года семьсот человек. На комбинате было всего 19 инженеров и 21 техник. Должности 55 специалистов высшей квалификации замещали практики. Руководство комбината сконцентрировало усилия на преодолении недостатков и выполнении намеченной программы. И все же первый год пятилетки по ряду производственных показателей выполнить не удалось. К тому имелись определенные объективные и субъективные причины.

В феврале 1947 года коллективы крупнейших предприятий Ленинграда обратились ко всем трудящимся страны с предложением начать соревнование за досрочное выполнение производственных заданий второго года пятилетки. Новое в этом движении заключалось в принятии рабочими личных планов. Почин нашел поддержку среди ртутнян. Коллектив шахты 2- бис обязался выполнить план к 5 декабря. В каждом цехе и на участках соревновались смены, бригады, отдельные рабочие. Если в 1946 году в движении за высокопроизводительный труд участвовало 990 человек из 1360 человек списочного состава ртутнян, т. е. 72 процента, то в марте 1947 года уже 85 %, еще через год — 91 %, к октябрю 1948 года — 93,2 % (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 31, л. 314; д. 33, л. 85; д. 34, л. 108; д. 35, л. 42).

Особенно хорошо стала работать шахта «Чегарники». Ее возглавлял инженер Валериан Нариманович Кобахидзе. Среднее выполнение норм выработки горняки довели до 138 процентов. Здесь не было ни одного отстающего рабочего. За счет снижения себестоимости руды и проходки горных выработок шахта дала за десять месяцев 1948 года около 5 млн. рублей сверхплановой прибыли, (Там же, д. 35, л. 49.). В первые годы послевоенной пятилетки отличных результатов добивался старательский сектор (начальник А. В. Нагорский) — артели «Освобожденный Донбасс», «За Родину», «Новая», «За Победу», «Красная звезда». (Там же, д. 31, л. 221, 258).

Росло число передовиков производства. В 1948 году новаторскими методами труда овладели 316 человек, ударниками стали 472 ртутнянина. (Там же, д. 35, л. 78). К 1 ноября тринадцать рабочих завершили личную пятилетку. Запевалами при этом выступили Петр Михайлович Сальников — с января по май 1946 года выполнил 14 месячных норм. Токарь электромеханического отдела П. С. Жаданов решил завершить личную пятилетку за три с половиной года. Работа пошла с опережением намеченного. В начале 1947 года новатор изменил срок: — И в три года вложусь.

В течение первых двух лет борьбы за ударный труд выполнил сорок месячных норм. Был хозяином слова, человеком дела. Отлично овладел техникой. А Петру Степановичу было тогда всего двадцать три года. Он и его товарищ по профессии Василий Романович Бондарев внимательно изучали секреты мастерства инициаторов движения скоростников — токаря Ленинградского завода Борткевича, токаря московского завода шлифовочных станков Быкова.

В. Р. Бондарев заявил 3 марта 1949 года:
— Решил работать на двух станках и уже опробовал такой метод. Получается...

На отбивке ртути отличился Константин Степанович Авдеев. Звание лучшего машиниста подъемника завоевал Мирошниченко. Н. М. Бакаев — бурильщик шахты «Чегарники» с апреля 1948 года за шесть последующих месяцев выполнил двенадцать месячных заданий. (ДОГА, ф.1455, оп. 1, д. 31, л. 249; д. 34, л. 42; д. 35, лл. 48, 49, 83).

Молодежная смена вращающихся печей мастера Богатырева и форсунщика Заики добилась ритмичной безаварийной работы и самого высокого извлечения металла из руды. Набирала разбег смена мастера Шубина. Авангардные группы на различных участках производства возглавляли электрик А. Морозов, токарь Н. Бирко, электросварщики Б. Растворов и Н. Бредихин.

Со щита трудовых показателей почти не сходили фамилии бурильщиков Шевченко, Зубкова, Пономаренко. Молодежная бригада Коростылева на шахте 2-бис сумела ежедневно выполнять по два—два с половиной сменных задания. (ДОГА, ф. 1455, он. 1, д. 33, л. 99; д. 36, л. 142; ф. 4253, оп. 1, д. 36, л. 286.).

Молодые люди комбината внимательно следили за ходом работ не только на своем комбинате, но и на других предприятиях города. Они дружно откликнулись на призыв послать лучших представителей на укрепление угольных шахт 4-5 «Никитовка» и 19-20. Надежное подкрепление поступило из Советской Армии. Вчерашние фронтовики истосковались по мирному труду. Руки, хорошо державшие винтовки, автоматы, противотанковые ружья, теперь так же уверенно владели пилой и топором, мастерком и буровым молотком.

Штукатур стройотдела Иван Попов за четыре года пятилетки выполнил 89 месячных норм. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 36, л. 63). Участник Великой Отечественной войны Любовь Трофимовна Титова вывела одну из прежде отстающих смен на металлургическом заводе в число ведущих (ДОГА, ф.

1455, оп. 1, д. 37, л. 145). Обычно скупой на похвалу директор комбината В. Д. Лысенко не удержался от выражения своих чувств:

— Молодец ты, Любовь Трофимовна! Настоящий организатор. Недаром тебе в Отечественную дали медаль за труд и медаль за бой. Сама трудишься с полной отдачей и всю смену ведешь за собой!

Бывший воин Северного фронта Демьян Тимофеевич Кравченко в совершенстве овладел профессией бурильщика. Из месяца в месяц совершал он восхождение к высотам рабочего мастерства. От 120 процентов вышел на 130, затем довел до 145.

В апреле 1948 года достиг 177. 8 мая стал на трудовую вахту в честь третьей годовщины Великой Победы. Результат вахты — 1096 процентов! Личный рекорд! (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 34, л. 108.).

Совершенствуя мастерство, набирали скорость выпускники фабрично-заводских училищ. Среди них молодой бурильщик Григорий Игнатченко. На старте трудовой биографии он хорошо заявил о себе — 238 процентов за первый квартал 1950 года. Григорий оказался первым в списке передовиков комбината. Хорошо поработал крепильщик Сотников — второй в списке — 211 %, бурильщик Кубатин взял третью позицию — 197 %, крепильщик Вицко — 185 %. (Там же, д. 36, л. 84.).

В конце первой послевоенной пятилетки комбинат испытывал определенные трудности в связи с отставанием поисковых работ на ртуть. В 1950 году стали раздаваться пессимистические голоса насчет перспектив развития рудной базы. Тон задал геолог И. Машкара, возглавлявший некоторое время разведочные работы в районе Никитовского месторождения от балки Катуська и Черной Курганки до Железнянки. К нему присоединился главный геолог комбината А. А. Вахний. Против подобных настроений, как ни парадоксально, выступили «чужие» — геологи-ртутники из Средней Азии В. Федорчук и В. Поярков, имевшие большой опыт исследований Хайдарканского залегания ртутных руд. Их точку зрения поддержали старший геолог Никитовской геологоразведочной партии С. Ступак, начальник партии Скродский и сменивший А. Вахния В. Ободов. Рабочая гипотеза последних подтвердилась после тщательной проверки рудного поля разведочными скважинами осенью 1951 года.

Первоначально и в Министерстве цветной металлургии были большие сомнения, но здравый смысл победил, и оппоненты получили поддержку. Вскоре удалось получить обнадеживающие результаты. Представитель Киевской разведки доказывал: из 33 скважин получена руда в 32. Несостоятельная теория пессимистов была отвергнута.

Нарастающим потоком в пятидесятые годы шла руда на-гора. Запевалами добрых дел стали скоростные бригады. Горняки опирались теперь на возраставшие материальные возможности, на новую технику, опыт и мастерство тружеников. На одном из собраний ветеран комбината Калмыков говорил об этом:

— На горизонте 104 метра все работы по отбойке и погрузке руды переложили на плечи машин. Горизонт становится участком сплошной механизации.

Теперь узким местом оказался завод. Пришлось ускоренными темпами сооружать новые объекты, в том числе четвертую трубчатую печь.

«Молнии» пятидесятых призывали: «Работать, как бурильщик Мусейко!», «Равняться на достижения Кубатина!». Передовые методы труда пропагандировали не только бригадиры, инженеры, горные мастера, но, прежде всего, сами новаторы. В это большое дело вносил весомую лепту агитколлектив, состоявший из 144 человек.

Победными рапортами звучали:

- План десяти месяцев по основным результатам выполнен 9 октября!
- Задание одиннадцати месяцев по добыче руды и металлу окончено 6 ноября!
- Себестоимость продукции снижена на 8 процентов. Имеем 1603 тысячи рублей экономии!

30 ноября новый итог:

- Есть годовая программа! На одного отстающего цеха! А первые — «Чегарники»!

В результате — первое место комбинату во Всесоюзном соревновании и Переходящее Красное Знамя ВЦСПС и Министерства цветной металлургии.

В 1953 году на комбинате число стахановцев возросло до 545 человек, а звание лучшего по профессии было присвоено 300 рабочим.

Конечно, и в этих условиях возникало немало проблем. Периодически давала себя знать неритмичность работы отдельных участков. При среднем проценте выполнения норм выработки 133 % на комбинате не справлялись со сменными заданиями 12 человек. В отдельных забоях не готовился, как следует, фронт работ для бурильщиков, простой рудничных электровозов составлял иногда одну треть рабочего времени. На высокомеханизированной шахте 2-бис применялись... обыкновенные тачки. При условии устранения отмеченных и других недостатков можно было добиться более значительных результатов.

Весь 1954 год по заданию дирекции снабженцы настойчиво требовали от главка отпуска буровых станков БМК-2, объясняя медленное продвижение очистных работ их отсутствием. Станки получили. И что же? Приходит месяц, другой, стоят станки. Не дотронулся до них ни главный инженер шахты, ни механик. Рабочие преподнесли им обоим наглядный урок должного хозяйского отношения к комбинатскому имуществу.

В мае 1956 года на комбинате побывал министр цветной металлургии П. Ф. Ломако. Он сообщил о наметках по проектированию нового комбината с полной автоматизацией и механизацией производственных процессов.

Вместе с развитием производства возросла забота о тружениках. В пятой пятилетке на 16 процентов увеличилась заработная плата, в эксплуатацию удалось ввести 3715 квадратных метров жилья, профилакторий на 50 мест, пионерский лагерь на 120 детей в одну смену. Всего на жилищные и социально-культурное строительство было израсходовано 11 млн. рублей.

Только в 1956 году в профилактории, санаториях и в домах отдыха побывало 728 ртутнян, в пионерском лагере оздоровили 476 детей. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 50, л. 86.).

В первые годы шестой пятилетки в соревновании участвовало около 90 процентов добытчиков «драконовой крови» и «серебряной воды», 626 сдельщиков систематически перевыполнениями нормы выработки, свыше трети из них давали по полтора — два сменных задания. Впереди шли проходчик И. Кубатин, крепильщик И. Кондратенко, бурильщик Г. Игнатченко, конденсаторщик В. Кузьмин, токарь И. Федорченко, штукатур И. Попов, столяр А. Гах, представители других профессий. Звания лучшего форсунщика цветной металлургии добились Золотых, Цегельник и Ильин, лучшего мастера — т. Лагутин. Неоднократно комбинату присуждалось Переходящее знамя Донецкого совнархоза.

В результате совершенствования производственных процессов менялся характер труда горняков и металлургов. Уборку руды и породы удалось механизировать на 80 процентов. В 1958 году был освоен дозатор при разливке ртути, внедрен автоматический пробоотбор огарков и пробоотбор на транспортерах. Все действующие горизонты оснащались породопогрузочными машинами.

Коллектив комбината приобрел опыт и непрерывно наращивал выплавку ценного металла, вносил достойный вклад в развитие цветной металлургии.

СТУПЕНИ ВОСХОЖДЕНИЯ

В конце пятидесятых годов возникла настоятельная необходимость совершенствования всего комплекса ртутного производства. Первая прикидка возможностей и перспектив его обновления состоялась 12 декабря 1957 года. Собранию хозяйственного актива предшествовала подготовка вопроса в отделах комбината. Учитывалось мнение рабочих и специалистов. В соответствии с намеченными государственными ассигнованиями участники собрания записали в резолюции: «Осуществить реконструкцию и расширение комбината, предусмотреть строительство новой шахты, металлургического завода на базе новой техники и технологии». (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 51, л. 85).

Через год план обсуждался вторично. Теперь уже конкретные выкладки и перспективы. Надо было в три раза увеличить выплавку «серебряной воды». Коренная реконструкция — дело непростое. Предстояло отказаться от устаревших способов добычи руды, усовершенствовать технологию выплавки металла, чтобы получать металл высших марок. Одновременно надо было осуществить целый ряд социально-культурных мероприятий. На строительство 33 тысяч квадратных метров выделялись соответствующие средства.

В годы семилетки (1959-1965) развернулось движение за повышение производительности труда. Сущность его заключалась в том, чтобы охватить все стороны производственной и общественной жизни и отдельных тружеников и рабочих коллективов. Участники движения овладевали навыками высокоэффективной и качественной работы, боролись за повышение заинтересованности трудящихся в конечных результатах своей работы. Первые итоги подводили на комбинате в январе 1960 года. Руководители цехов и служб докладывали о достигнутых результатах.

С. Евдокимов, заместитель директора комбината:

— Задание по промышленному строительству выполнили на 148, по вводу жилья — на 112 процентов...

Д. Филатов, начальник металлургического цеха:

— Отгрузка ртути потребителям производилась своевременно. Не имеем ни одной рекламации!

С. Шашурин, директор комбината:

— Получили почти шесть миллионов рублей прибыли, в том числе 876 тысяч сверхплановой...

— Бригада рабочих тов. Прилепского — одна из самых дружных, организованных. Примерная бригада...

**Г.П. Игнатченко,
мастер высокопроизводительного бурения ртутных руд,
Герой Социалистического труда**

Коллектив рафинировки и розлива ртути

КУЗЬМИН
Виктор Тимофеевич,
Герой Социалистического труда

Соревнования на руднике Сорском, 1976 г.

ОЛЕЩЕНКО
Иван Акимович
ветеран ртутного рудника, 1977 г.

КУЗНЕЦОВ
Николай Антонович,
генерал-майор

**Смена Юрия Николаевича Ильина,
Алжир 1971 г.**

— Наши правофланговые: проходчики Игнатченко, Легостаев, Бармин, скреперист Сотник, взрывник Волокитин, конденсаторщик Ильин, форсунщик Матвейюк, токарь Федорченко...

Коллективы горных цехов выступили тогда с призывом ко всем ртутнянам добиться новых успехов в повышении производительности труда и досрочном завершении семилетки. Все члены передовых бригад настойчиво осваивали смежные профессии, поступали на учебу в вечерние школы, техникумы, институты, вливались в состав групп добровольной народной дружины по охране общественного порядка. Из бригады Легостаева отпочковался самостоятельный коллектив и сразу же заявил, что желает соревноваться со своими прежними друзьями по работе. Неизменным правилом являлась взаимопомощь. Каждый восьмой труженик комбината стал рационализатором.

Развивалось предприятие, росли и люди. В этом отношении весьма характерной является биография В. Т. Кузьмина. Родился на Ртутном в 1926-м году. На семнадцатом году жизни пошел в забой. Горняцкую науку проходил у своего брата Григория, знаменитого бурильщика-новатора. Освоил затем и профессию шлаковоза. Ситуация с кадрами потребовала пополнения группы конденсаторщиков. Виктор согласился на перевод без уговоров. Уже присмотрелся к той работе.

Он вспоминает:

— Комбинат большой, профессий — десятки. Разных... Можно выбрать место поспокойней и безопасней, а я так рассудил: кто же тогда будет там, где всего труднее — на самой стремнине потока и на перекатах? Пусть идут другие? — И снова вопрос: — Где решающие участки? — Проходка, бурение, крепление, дробление отбитой руды, выдача. Это в шахте. На заводе главные фигуры — обжигальщики, отбивщики ступпы, рафинировщики. В других цехах — строители, токари, слесари... По-моему, все важно. Мне предложили перейти в сажные. Раз надо, какой разговор?!

А чего же достиг рабочий человек Виктор Кузьмин? Достиг высокого мастерства, почета, уважения. Не ложного — рабочего! В 1960 году товарищи искренне поздравляли с присвоением звания Заслуженного металлурга УССР. Через четыре года руководство завода поручило ему бригаду. Трудовые удачи не вскружили голову. Сумел создать в бригаде нужный «климат». Вместе искали неиспользованные резервы, направляли их в дело, вместе отдыхали... Многого добились, а главные высоты были еще впереди.

Или взять другую судьбу Сережи Шашурина. Родился в бедной крестьянской семье на Смоленщине в 1913 году. Что ждало его в жизни? Полуголодное существование, тяжелый труд батрака, бесправие. Новая жизнь открыла Сереже путь к образованию, а затем и в науку. В 1954 году стал директором Никитовского ртутного. Его увлек непрерывный поиск. Как результат — кандидатская диссертация в 1958 году. За обоснование и осуществление смелой проблемы повторной разработки месторождения. Около 50 научных работ опубликовал Сергей Лаврентьевич, развивая начатое дело. В 1965 году стал доктором технических наук. Заслуги хозяйственника и ученого отмечены орденами и медалями. Затем то, что сам изучил, освоил, опробовал здесь, в Никитовке, внедрил при строительстве и эксплуатации ртутного комбината в Алжире...

...В годы семилетки ртутняне решили главную задачу по увеличению добычи ртутной руды. Планом предусматривалось достичь в горном цехе за 1960 год роста производительности труда в 2,5 раза. При Ауэрбахе выбирали самые богатые запасы киновари, теперь по старым выработкам проводилась повторная разработка рудных запасов. Построили водоочистные сооружения, вентиляционный ствол, внедрили глубокое бурение, аккумуляторные электровозы заменили контактными, погрузку и разгрузку осуществляли с помощью дистанционного управления, увеличили емкости скипов. Отсюда и увеличение добычи в те 2,5 раза. Радовались металлурги: наконец-то руда стала поступать без перебоев. Семь месяцев сумели удержать заводчане

Переходящее знамя. Распахнул перед хозяевами двери просторный Дворец культуры.

Среди новаторов и наиболее авторитетных ртутнян выделились Владимир Шлыков, Андрей Фролов, Леонид Дулецкий, Михаил Ярконой, Владимир Барсуков, Геннадий Шубин, Григорий Игнатченко, Елизавета Никитина (Ерохина), Юрий Сысоев, Иван Фетько, Владимир Горячук, Иван Малыгин, Борис Андреев, Владимир Мозговой...

Это благодаря им, как и всему коллективу комбината в 1880 человек, удалось к 1961 году увеличить по сравнению с 1954 годом — за пять лет! — добычу горной массы в 5,3 раза, выпуск жидкого металла на сорок процентов... За это время было введено 14800 квадратных метров жилого фонда, т. е. произошло его фактическое удвоение. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1 д. 59, л. 94).

Руководство комбината умело на каждом этапе развития определять важнейшие направления и задачи, правильно расставлять специалистов, решительно поддерживало всё новое и передовое, что достигалось в мировой практике ртутной промышленности и что рождалось здесь, на шахте и на заводе. Благодаря рационализаторам, внедрялся метод отбивки руды в зажатой среде и одновременной ее выемки. А это — в 1,3 раза повышение производительности труда и 3—4-кратное сокращение сроков подготовки блоков. В открытых горных выработках освоение вращательного бурения ускорило проведение буровых работ в 5 раз. Metallурги разработали новый метод получения ртути высокой чистоты.

Положительное значение для достижения повышенных результатов в производственной деятельности имело соревнование «За украинский час», экономическая учеба и воплощение в жизнь получаемых знаний по более эффективному и рачительному хозяйствованию. Так, первый участок на шахте 2-бис отличался высокопроизводительным трудом. Здесь рационально использовалась техника и оборудование, не было ни одного случая нарушения трудовой и производственной дисциплины, техники безопасности.

Трудовое восхождение приносило реальные результаты. Metallургический цех досрочно справился с семилетней программой и с 18 декабря 1965 года работал в счет восьмого пятилетия. Комбинат сумел удвоить выпуск валовой продукции при снижении ее себестоимости на 14,1 процента. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 74, л. 106).

Открылись широкие просторы для проявления творческой инициативы масс. С января 1965 года на комбинате стала действовать комиссия по

разработке и внедрению в производство научной организации труда. Возглавил ее главный инженер комбината. В цехах работали творческие бригады. Главное внимание уделяли горным участкам и непосредственно рабочим местам, внедрению системы этажного обрушения горной массы с помощью силы тяжести массива блоков. Повышалась безопасность работ, снижалась запыленность рудничной атмосферы. Новая техника при научной организации труда позволила повысить производительность горнорабочих с 0,8 до 4,28 кубических метров на человека, то есть более чем в пять раз.

В металлургическом цехе автоматизация управлением обжига руды высвободила двадцать человек и сэкономила за год 22 тысячи рублей. Каждый рубль затрат на механизацию и автоматизацию производственных процессов по выпуску ртути давал отдачу в четыре рубля! Повышалась заработная плата всех тружеников. Например, у аппаратчиков она увеличилась сразу на 21 процент. (Научная организация труда в Горловке. Донецк, 1966, с. 126-127.).

Самоотверженный труд ртутнян получил достойную оценку. Почти десять лет руководил комплексной бригадой по проходке горных выработок Г. П. Игнатченко. Из месяца в месяц трудовой показатель этого коллектива составлял 130—150 процентов. По стопам Григория Петровича пошли сыновья Владимир и Валерий, стали горняками. ***В 1961 году Г. П. Игнатченко, первому на комбинате, было присвоено звание Героя Социалистического Труда. За высокие достижения по внедрению передовых методов труда в годы семилетки девятнадцать человек получили правительственные награды. Среди них Иван Яковлевич Бармин, Владимир Порфирьевич Горячук, Степан Иванович Долгин, Сергей Ефремович Долженко. Вторым Героем Социалистического Труда стал Виктор Тимофеевич Кузьмин.***

Успехи никитовцев способствовали динамичному развитию ртутной отрасли цветной металлургии. Опробованные здесь новые методы труда, образцы новой техники, технология находили применение и распространение на родственных предприятиях в своей стране и за рубежом. Ртутный комбинат превращался в передовую школу высокопроизводительного труда.

Одновременно с развитием производства развивался поселок. За счет отчислений средств на социально-культурные мероприятия строилось жилье для трудящихся в жилых массивах города. К руководству спортивными секциями приходили дипломированные специалисты и тренеры из числа лиц, добившихся высоких личных достижений в определенных видах спорта

на областном, республиканском и союзном уровнях и обладавших должными организаторскими способностями. Секцию бокса вел мастер спорта Д. Н. Федорук, легкой атлетики — мастер спорта В. Помнющий и др. Среди активистов-организаторов отличились Е. Дежкин, А. Олейников, Л. Золотухин. Удалось сформировать постоянный состав команд по волейболу, футболу, баскетболу, ручному мячу, легкой и тяжелой атлетике... Чемпионские звания и призовые места в различных видах спорта в 60-е годы завоевали И. Скирский, В. Литовченко, А. Пилипенко, А. Сторожев, А. Зуев... Производился набор для занятий в юношеских секциях детей трудящихся комбината и жителей поселка. Весьма привлекательным для многих рабочих и служащих являлось участие в группе туристов. Самыми организованными были звенья В. Воронина, А. Полякова, С. Романенко, В. Куца, Ю. Судакова. Многотиражная газета комбината «За ртуть» систематически освещала состояние физкультурно-массовой работы во всех его производственных подразделениях.

ПО ПУТИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Хорошими результатами было отмечено послевоенное двадцатилетие. Радовали достижения и горняков и металлургов. Однако надо было идти дальше, наращивать темпы по увеличению выпуска продукции. Министерство требовало расширения применения высокопроизводительного самоходного оборудования, обеспечения более полного извлечения металла из руды.

Дружно кипела работа. Решая новые задачи, коллектив с уверенностью смотрел в будущее, не забывая о необходимости умножения трудовых традиций. Виктор Тимофеевич Кузьмин говорил молодым рабочим:

— Первые ударники, а затем их последователи такие узлы на память вязали, что мы никогда не забудем их доброго примера. Вопрос в том, чтобы и самим добрые следы оставить... Кто потом совершать будет свой разбег, сможет свою дистанцию начинать от приметных вех и ориентиров нашего труда.

В мае 1966 года конденсаторщики бригады В. Кузьмина выступили с предложением пересмотреть устаревшие нормы выработки. Инициаторы решили повысить производительность труда на одну четверть по сравнению с достигнутым уровнем. Смелое решение приняли новаторы. Внимательно следили за их поступью товарищи. Квартал, как известно, состоит из месяцев, декад, рабочих смен. Тут нельзя расслабляться ни на день. Иначе

будет неизбежный сбой. Но бригада недаром выступила с призывом. Пригляделись труженики других бригад и смен к своим возможностям, поддержали почин, пошли за конденсаторщиками.

Кто-то предложил проведение встреч с ветеранами. С воспоминаниями о прошлом выступили умудренные годами и опытом Иван Акимович Олещенко, Емельян Григорьевич Калмыков, Архип Степанович Александров, Александр Платонович Бирко. Сколько интересного узнали молодые ртутняне! Ведь некоторые выступавшие помнили еще старый ауэрбаховский рудник, прежние порядки, условия той жизни... Посвятили этому шестнадцать вечеров. Не только слушали, пели, делились своими сокровенными мыслями, мечтами... От Дворца культуры шли по поселку, по улицам Школьной или Шахтным... С музыкой, припевками, а то затянут ту печальную, про печевого на мотив шахтерской «Коногонки».

*— Послал артельный к печи жаркой,
Закрылся божий белый свет...
Свечой сгорел и стал огарком
За безотрадных восемь лет...*

Некоторые и слезы смахивали, в который раз услышав скорбную исповедь обреченного... Слушали отжившее, вспоминали прошлое, переживали свою молодость...

Досуг служил делу. На работе старались на совесть.

И вот результаты 1967-го: первые — конденсаторщики Кузьмина. Дали слово — сдержали обещание. За ними — цех открытых работ, щебеночный участок металлургического цеха, еще две смены, 13 бригад.

Современное производство требует не только трудовой сноровки, практических навыков, но и соответствующих теоретических знаний. С целью подготовки высококвалифицированных рабочих на комбинате создали четыре школы мастеров труда с охватом 255 человек! Потраченные усилия принесли весомую отдачу и ощутимую материальную выгоду. Думающие, пытливые люди решительно отвергли устаревшие методы труда, брали на вооружение новые — всё то, что способствовало успеху. Быстро росло мастерство проходчиков В. Т. Малмкова, И. И. Гуторова, Х. М. Согова, С. И. Долгова. Еще недавно учились работать у передовиков, теперь сами — учителя других. Особым авторитетом пользовался среди молодежи Степан Иванович Долгов. Новичкам импонировала его благожелательность, простота, личное обаяние. Потому и предложили молодые шахтеры

наставника кандидатом в депутаты Верховного Совета республики. Голосовали за него единогласно.

В цехе открытых работ одним из ведущих тружеников являлся машинист экскаватора А. Р. Джелела, в металлургическом — загрузчик - питательщик Е. И. Филатов, форсунщик В. Р. Семенихин, в строительном — штукатур М. С. Вертель. Вскоре с молодым задором настигали мастеров Виктор Сергейчук, Евгений Матвиевский, Валентин Момот, Евгений Холод...

Всей Горловке стали известны имена бурильщика Константина Драголенко, работницы ремонтно-механического цеха Татьяны Каманиной, горняка Мефодия Стасюка. Молодежь провела несколько воскресников. Бригада токарей-ремонтников выдала годовой план на два месяца четыре дня раньше срока. (ДОГА, ф. 4253, оп. 4, д. 25, л. 138,158.).

В отчетах за 1968-1970 годы довольно часто появлялись строчки «Плановые задания и принятые обязательства выполняются всеми коллективами и всеми соревнующимися рабочими». На комбинате подхватили почин москвичей и ленинградцев по досрочному завершению восьмой пятилетки и почин новокузнецких металлургов по отличному освоению производственных мощностей.

В 1966 году к прежним горным звеньям прибавилась капитальная шахта «Новая» с двумя подъемными машинами. Первичное дробление крупных кусков и глыб производилось непосредственно в шахте. После выдачи руда подвергалась дополнительно двойному измельчению. 72-метровый копёр «Новой» с характерными очертаниями стилизованного сфинкса, подвесной канатной дорогой к новому заводу, начавшему возгонку металла в мае 1968 года, административно-бытовыми корпусами с художественным оформлением внесли существенные детали в местный индустриальный пейзаж.

Плодотворное сотрудничество с научно-исследовательскими институтами и конструкторскими бюро Москвы, Новосибирска, Риги, Донецка, Ташкента, Харькова, Усть-Каменогорска и местными строительными организациями позволили в декабре 1968 года ввести в действие и вторую очередь нового завода. Равного ему ни по новизне технологии, ни по конструкторским особенностям, ни по производительности не было ни в одной стране мира. Когда-то Ауэрбах с Миненковым ездили за опытом в Италию и Испанию, накануне первой мировой войны правление Азовско-Донского банка било низкие поклоны перед австрийской фирмой «Аухаген» с просьбой о постройке завода, теперь же наша страна стала в авангарде научно-технического прогресса в ртутной промышленности, и учиться ехали уже в Никитовку. Из Алжира, Монголии, из той же Испании. По производству

ртути СССР (Никитовский и Хайдарканский комбинаты) по данным американских справочников, выписанных доктором технических наук Я. Иоффе 1970 году, вышел на первое место в мире. Полностью удовлетворялись потребности страны в самой чистой ртути, а часть же экспортировалась в Англию, Францию, ФРГ, Швейцарию, Голландию, Японию. Цена на ртуть в 1973 году на бирже Лондона составляла 280-285 долларов за бутыл (34,5 кг).

Достигнутые успехи явились отправными моментами для дальнейших шагов по пути технического прогресса. Чтобы не отстать, надо было учиться, учиться всем — от новичка, пришедшего на комбинат со школьной скамьи, до главного инженера и директора. И молодежь с таким же задором, с каким поколение двадцатых постигало азбуку и таблицу умножения, штурмовала высшую математику и сопромат, конкретную экономику и сложные философские проблемы общественного развития.

Работа на современном производстве сложна, — размышлял Почетный горняк Василий Максимович Гавриков. — Отчего наши успехи? — От знаний, опыта, от труда. Глядите вот: образование почти у каждого не менее среднего, у многих — специальное. В институтах учатся ребята. Посмотрели бы наши деды, на какой уровень мы вышли...

Идобавлял, будто гвоздь заколачивал:

— В том их заслуга прямая. Создали нам базу. Мы и шагнули...

— Еще потому, что появились возможности раскрывать работе свои возможности, — поддерживал его Алексей Михайлович Ремизов. Возьмите бригаду Петрова. Умеют держать слово, дружны, сплочены. Или буровики участка № 9 Дмитрия Шматко. Восемь раз за год держали первенство по основным показателям...

В марте 1970 годы бригада Героя Труда В. Кузьмина работала в счет июня 1971 года. Со значительным опережением плановых заданий справлялись в то время участки и бригады шахты 2-бис, руководимые И. А. Каищевым, Д. И. Шматко, И. И. Герасименко, В. И. Мозговым, В. М. Гавриковым. Участок муфельных печей металлургического цеха, руководимый В. П. Жоголевым, досрочно освоил проектную мощность обслуживаемых агрегатов и установок, усовершенствовал технологию выплавки ртути, добиваясь при этом экономии топлива и материалов. Никитовский комбинат сумел обойти Соединенные Штаты Америки по общему производству «живого серебра». (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 106, л. 39).

Особо при этом надо отметить заслуги главного металлурга комбината Виктора Александровича Нагния. Человек высокой технической эрудиции и

вдумчивого научного анализа, он умел сравнивать результаты и отечественного и зарубежного опыта, отбирать наиболее ценное и передовое, находить правильное решение и отстаивать его. Об этом свидетельствуют его статьи в научных отраслевых изданиях и результаты работы комбината. А в жизни был скромн, доступен.

Умели ртутняне сами работать, старались внедрять передовой опыт в других коллективах. Заявили щекинцы о совмещении профессий, подхватили инициативу металлурги. Годовой эффект от этого составил по заводу 54 тысячи рублей. Горняки, правда, дали меньше — 10 тысяч, но дорого начало... (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 100, л. 7). Вчитались в секреты почина западносибирских металлургов, тоже использовали. Принесла газета «Кочегарка» известие о достижениях передового горловского углеруба Ивана Николаевича Копычки, и уже десятки последователей на 2-бис! Действовали не вразнобой — сообща. Вместе с инженерами и техниками все детально анализировали и изучали в школах высокопроизводительного труда. В 1968 году их было 27 с охватом 1017 трудящихся. Кроме того, в университете технического прогресса занималось 276 инженерно-технических работников. С 1 апреля 1970 года комбинат перешел на новые условия планирования и экономического стимулирования. К концу года фонд материального поощрения составил 337 тысяч рублей. 75 тысяч израсходовали дополнительно на расширение производства. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 109, л. 3.).

За успехи в работе Никитовский ртутный комбинат в апреле 1970 года был награжден Почетной Грамотой Верховного Совета Украины и Почетной грамотой Министерства цветной металлургии и ЦК отраслевого профсоюза. Большая группа трудящихся была отмечена орденами и медалями: И. А. Олещенко, И. К. Кретов, В. П. Горячук, П. А. Амелин, И. А. Каишев, Е. Г. Калмыков, М. И. Строителев, Н. П. Пластинин...

В 1969 году Министерство цветной металлургии отозвало С.Л. Шашурина для работы за рубежом, новым директором был назначен Абессалом Викторович Чантурия, умелый хозяйственник и руководитель. Своей энергией, деловитостью и порядочностью он внес живую струю в работу комбината и вскоре заслужил непререкаемый авторитет.

Успешное завершение восьмой пятилетки позволило увеличить выпуск основных видов продукции. Как и прежде, ртутняне не получили ни одной рекламации. Сверхплановая реализация продукции дала комбинату 1343 тысячи рублей. Среднесменная заработная плата одного трудящегося выросла при неизменных ценах на продукты питания и промышленные товары на 21 рубль. Удалось решить ряд важных социальных проблем.

Значительно улучшились условия труда. На эти цели комбинат израсходовал 301 тысячу рублей. Около половины рабочих и их семей переселились в новые благоустроенные квартиры. Практически все родители получили возможность определить своих детей в дошкольные учреждения. Очередь в детские сады на 1 февраля 1969 года состояла из... 4 человек.

В девятой пятилетке предусматривалось дальнейшее расширение комбината — введение в действие резервных рудоспусков, строительство шахты «Новозаводская», цеха по переработке ртути содержащего сырья, инженерного корпуса, административно-бытового комбината, гаража. Началось сооружение комбината бытового обслуживания, средней школы на поселке Космонавта Комарова, базы отдыха, столовых на новом заводе и в пионерском лагере, нового спортивного комплекса, жилых домов на 5 млн. рублей.

Опорой руководства комбината были товарищи, награжденные орденами: Владимир Мозговой, Николай Гвоздик, Почетный горняк Иван Катюжанский, новаторы производства Иван Дерипаско, Василий Шевцов, Анатолий Спицын, Николай Краснощеков. Бригада добытчиков руды Н. Гвоздика решила выполнить пятилетку за четыре года, бригада Н. Ремизова накопила большой опыт отличной работы. Выполнив восьмую пятилетку за три года, она решила повторить достигнутый уровень и в девятой. Производительность труда бригады рафинировщиков ртути Елизаветы Ерохиной за год поднялась на 20 процентов. Бригада сажных-конденсаторщиков Анатолия Видермана подала и реализовала в 1971 году восемь важных рационализаторских предложений, что позволило без увеличения состава бригады, выдать в два с половиной раза больше ртути, чем в 1970 году.

Член бригады Николай Фомич Краснощеков говорил:

— Коллектив выверял свои знания, опыт, возможности. Очень рады, что добились хороших результатов. В новом году постараемся превзойти нынешние итоги. Бригада доказала великую силу дружбы, могучее единение людей ради общей цели и общих интересов...

Золотой фонд предприятия составили передовики производства и коронованные трудом рабочие династии Бирко, Колено, Воиновых, Никитиных-Ерохиных, Игнатченко, Чеботковых, Кузнецовых...

В двадцатые годы, на заре индустриализации народного хозяйства, в числе первых прибыл сюда Григорий Забродный. Освоил одну из ведущих горняцких профессий проходчика, стал задавать тон сверстникам. Тридцать четыре года проработал на шахте. Вырос до горного мастера. По стопам

Григория Филатовича пошли его сыновья Евгений, Григорий, Валерий. Они — передовики производства, уважаемые люди. С такими, как Забродные, не считали зазорным советоваться начальники цехов, руководители отделов, профкома.

На комбинате закрепились традиции чествования рабочих династий. Собираются на торжество все представители знаменитой фамилии, приходят послушать их и о них юноши и девушки. Будто увлекательная повесть звучит рассказ товарищей по труду или интервью братьев, их жен, сестер, детей. Хорошо сказал на одном из таких вечеров ведущий:

— Старая Россия пыталась держаться на династиях древних боярских родов да именитых дворян. Потому и отставала от других стран да слабела... Наш комбинат потому крепнул и могущества набирался, что опирался на трудовые династии Шлыковых, Шубиных, Досаевых, Забродных, Коврыжкиных, Шевцовых, Игнатченко...

Кузьмины... Знаменитая фамилия знаменитой династии. Мы уже видели, каких успехов добивался и в 30-е годы, и в довоенные сороковые бурильщик Григорий Тимофеевич, в том числе в Хайдаркане, снова в Никитовке. Младший брат Григория Виктор Тимофеевич тоже освоил рядом с братом профессию бурильщика. Производственная необходимость привела его в металлургический цех, в конденсаторщики-сажные. И зажег подвижник свою Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. На ртутной шахте работала жена Виктора Наталья Фаддеевна, отбирая богатую киноварью руду в старательской артели. Их трудовую закалку воспринял сын Владимир, проработав на комбинате свыше 30 лет. Жену Владимира Марию Васильевну — лаборантку по определению марок ртути со стажем в 20 лет, отметили Знаком «Отличник социалистического соревнования цветной металлургии СССР». На комбинат прямую тропу проложили в свое время дети Владимира Викторовича и Марии Васильевны близнецы Инна и Олег: Инна — в лаборантскую, Олег в ремонтно-механический цех, затем в особо важные «Анод», «Сплав» ... Как видим, Ртутный комбинат для Кузьминых был яркой путеводной звездой!

В коллективе Ртутного комбината высокопроизводительным трудом отличались **Шевцовы**. Их династию представляли слесарь Иван Дмитриевич, уборщица Елена Андреевна, проходчики Василий Иванович (его отличный труд засветился двумя орденами «Шахтерской славы»), Анатолий Иванович, Сергей Иванович, токарь ремонтно-механического цеха Любовь Ивановна, аппаратчица цеха аккумуляторных баталий Татьяна Ивановна, горный мастер шахты 2-бис Игорь Васильевич, рафинировщица ртути Валентина Николаевна, контролер ОТК Полина Сергеевна...

Никитины, Оленины, Ерохины ...

Неласково встретила Никитовка родных братьев из Орловщины Андрея, Ивана и Антона Никитиных, искавших из-за малоземелья и нищеты на чужой стороне хоть какой ни есть заработок. Попытались счастья на Ртутном руднике. Уже в первые вечера услышали берущие за душу «страдания» местных певуний и совсем уж печальную песню про умирающего от отравления ртутью печевого. Задумались, расстроились, а деваться некуда — остались. Были и строителями, и футеровщиками-ремонтниками. Не раз приходилось «хлепать» опасную отраву. Семьи завели. Дети пошли. Мария Андреевна вышла до войны замуж за рабочего Ртутного комбината Александра Оленина, будущего Героя Советского Союза. Валентина Андреевна (по мужу Шлыкова) осуществила школьную мечту, стала учительницей ртутнянской детворы. Так и связывались в единый узел многие семьи ртутнян.

Николай, сын Андрея, воспитал Елизавету и Владимира трудолюбивыми наследниками. Лиза работала дробильщицей руды, пробоотборщицей, аппаратчицей по очистке ртути. Вместе с мужем Сергеем Ерохиным училась в Орджоникидзевском горно-металлургическом техникуме. После получения диплома в 1965 году возглавила бригаду рафинировщиков да так и проработала в этой должности до пенсии. В 1972 году ей, женщине, присвоили звание Почетного металлурга Украины. Муж Сергей трудился в литейном цехе комбината, брат Владимир — футеровщиком, как и отец, в муфельном отделении нового завода. Обкладывал он и печи кипящего слоя. Четвертое поколение потомственных ртутнян представляла на заводе дочь Елизаветы и Сергея Наталья. Изготавливала специальные малые емкости — кварцевые 350-400-граммовые ампулы для разлива особо чистой ртути и молибденовые для взятия и анализа проб в лаборатории...

Коллектив ртутного рудника начал складываться в конце XIX века. Помнил «шанхай» да «собачевки» местных поселков. Из всей России приходили сюда люди — украинцы, русские, белорусы, татары, молдаване, поляки... Поначалу случалось всякое, была и вражда, но сдружились люди, забыли недоброе прошлое, старое зло. Об этом и разговоров не было, разве что на школьных уроках истории...

А однажды, в году семьдесят втором, решили ртутняне посмотреть: кто же мы? И тут в отделе кадров открылась интересная статистика: среди тружеников оказались представители двадцати двух народов — украинского, русского, белорусского, осетинского, грузинского, армянского, молдавского, еврейского... Будто на переключке называли на праздничном вечере имена украинца Григория Игнатченко, татарина Рэкиба Досаева,

туркмена Мереткулы Амакова, молдаванина Георгия Гужи, азербайджанца Рустама Бурджалиева, корейца С. Кана.. Наполнялись сердца удовлетворением и радостью за достигнутую сплоченность.

Ртутняне оказывали содействие другим странам в развитии национальной экономики и укреплении независимости. Так, по просьбе правительства Алжира геологи разведали самое большое в Африке месторождение ртутной руды в Исмаиле, на базе которого, построен ртутный комбинат. (Газета «Правда», 9 января 1979 года). В его сооружении, пуске и эксплуатации принимали участие многие рабочие и специалисты Никитовки. Бывший директор С. Л. Шашурин являлся экономическим советником правительства Алжира, Геннадий Шубин производил первый обжиг руды, Юрий Ильин обучал алжирских товарищей работе на сложных агрегатах металлургического завода. За производственную и общественную активность Юрий дважды награждался Почетной грамотой профкома Генерального консульства СССР в алжирском городе Аннабе.

Обновление производственных мощностей Никитовского рутного комбината, расширение геологоразведочных работ, достижение повышенной производительности труда, рабочий энтузиазм составили основу будущих успехов. Были и проблемы. При переходе да открытую добычу руды карьерным способом надо было снести поселок в районе шахты «Чегарники», где наряду с небольшими домиками сохранилось несколько землянок с ауэрбаховских времен, всего 78 жилищ, возле карьера «Западное замыкание» — семь по улице Набережной и четыре по улице Чехова. А еще возле полукупола Нового и поселка Мичуринского. Горнотехническая инспекция Донецкого горного округа запретила производство взрывов в блоках горизонта 330 метров, где добывалось 40% всей руды, так как происходила деформация и частичное разрушение старых строений. Затраты на переселение жителей в благоустроенные квартиры превышали по миллиону рублей ежегодно с 1971 по 1975 годы. Чтобы хотя бы частично восполнить расходы, надо было интенсифицировать производство. И намеченные меры в основном выполнялись.

Одновременно с этим комбинат привлекал для разработки перспективных направлений в деятельности комбината и своих ведущих специалистов и научных работников исследовательских институтов страны, в том числе по внедрению ядерно-геофизических сравнительных методов количественного определения ртути в недрах на примере Акташского и Никитовского ртутных месторождений. Разрабатывались сорбционные методы очистки газов от ртути. Удалось усовершенствовать технологию очистки заводских

сточных вод. Обоснованные предложения по профилактике и лечению профзаболеваний поступили от ученых Донецкого медицинского института... (ДОГА, д. 530-А, л. 34).

Широкую поддержку получило движение за досрочное завершение пятилетки, начатое лучшим забойщиком горловской угольной шахты 4—5 «Никитовка» (в дальнейшем имени Изотова) Виктором Довбышем. Его почин в 1972 году поддержали на Ртутном 4 цеха, 9 участков, 14 смен, 40 бригад. В 1971-72 годах при сокращении численности трудящихся на 140 человек производительность труда выросла на 11,6 %. (ДОГА, ф. 1455, оп. 1, д. 114, л. 239.). Распространению передового опыта помогали изотовские школы, созданные на базе лучших проходческих бригад. Теоретическое обучение проводилось в учебно-курсовом комбинате, а практическое — непосредственно на рабочих местах. За первое полугодие 1973 года повысили квалификацию 168 человек. Особенно хорошо готовили кадры в бригадах В. Мозгового и Е. Заброднего. Пройдя здесь основательную подготовку, рабочие понесли в свои коллективы эффективные методы и приемы трудовой деятельности, и их подопечные стали добиваться высоких показателей. В числе первых кавалерами ордена Трудовой славы стали проходчик А. А. Бордюгов, машинист скрепера Л. К. Евстюхин, электрослесарь Б. И. Ермаков, горный мастер В. Т. Илларионов, фрезеровщица Т. Д. Желудкевич, рафинировщица Г. Н. Кобцева, обжигальщик Ю. И. Фомичев, замерщица Л. П. Тимченко. (Газета «Кочегарка», 8 июля 1975 года).

Значительную помощь в улучшении работы комбината оказывала молодежь. На одном из собраний директор комбината А. В. Чантурия дал такую оценку «Хочу отметить заслуги молодежи в выполнении плана». От яркого луча комбинатского «Прожектора» не ускользали даже скрытые недостатки и просчеты. Прожектористы выявляли причины потерянного рабочего времени. В механическом цехе шахты 2-бис они заметили нерациональную организацию труда сварщиков: на три имеющихся аппарата выходило шесть рабочих. И сразу сигнал тревоги. Руководители знали беспокойный характер молодых хозяев и медлить не стали. Сварщики были переведены для работы в две смены. И сразу увеличился объем выполняемых работ. В механических мастерских полгода не использовалась электрокара, в то время как рабочие на руках переносили оборудование и заготовки. Снова звучал сигнал тревоги. Доставалось командирам производства и за нерациональное использование трактора «Беларусь» в энергоцехе, за забытые лебедки в ремонтно-механическом. Сам начальник, приглашенный к витрине, развел руками: мол, не досмотрел. И уже на

следующей неделе лебедки после ремонта нашли своих хозяев. Были рейды и по горизонтам 270 и 330 метров шахты 2-бис, во Дворце культуры...

Весной 1974 года началось Всесоюзное соревнование молодежи за право быть сфотографированными у святыни советского народа — Знамени Победы. Высокой чести удостоилась электросварщица шахты Людмила Гревцова. Бронзовые знаки «Молодой гвардеец пятилетки» получили бурильщик А. Филонов, проходчик И. Запевалов, водители С. Ильин, В. Кульбачный, В. Лугин и другие. Всего двадцать человек. Кроме того, тридцати молодым передовикам вручили значки «Ударник 1975 года». (Газета «Кочегарка», 27 января 1976 года).

В борьбе за досрочное завершение девятой пятилетки участвовали все молодежные коллективы. Слаженностью, ритмичностью отличалась бригада проходчиков Вячеслава Путилина, бригада экскаваторщиков Виктора Завражного. Уже в начале 1975 года они приблизились к завершению пятилетки. С молодыми рабочими работало сорок наставников. Среди них Иван Акимович Ракитский, Иван Данилович Федорченко, Владимир Семенович Глущенко, Иван Иванович Герасименко и др.

Комбинат успешно справился с заданием девятой пятилетки, выдав продукции на 23 миллиона рублей больше, чем в восьмой. Выпуск ртути высших марок возрос в 2,8 раза. Коллектив трудящихся занял первое место среди предприятий Никитовского района. Развивая производство, Ртутный набирал разбег, устремлялся к новым рубежам, к новым высотам в производстве промышленной продукции, в повышении благосостояния трудящихся, в развитии культуры, здравоохранения, спорта. Комбинат оказывал существенную материальную помощь подшефным школам в оснащении учебных кабинетов и лабораторий.

По обеспеченности поликлиники и больницы необходимым оборудованием, предоставлению больным наиболее эффективных лекарственных препаратов и медикаментов, по уровню проведения хирургических операций и по результатам многопрофильного лечения пациентов медсанчасть комбината вышла в число ведущих учреждений отрасли в городе и области. Вопросы охраны окружающей среды в районе комбината были разработаны экологами В. Михайловым и А. Ющенко. Значительно улучшилось газопылеулавливание, была построена хлораторная установка, приведены в порядок отстойники возле закрытой угольной шахты 19-20. Все промышленные стоки подвергались хлорированию. И хотя не все задачи удалось решить, обстановка с выбросами ртути по сравнению с предыдущим периодом значительно улучшилась.

Среди самых значительных достижений ртутнянских спортсменов отметим победную поступь В. Хмиля (тренер Д. Федорук) на чемпионатах Украины, шесть раз поднимавшегося на пьедестал почета. На международном турнире «Черные алмазы» в Польше он также одержал заслуженную победу. На него старались равняться А. Атаманов, А. Бойко, А. Гонтовой, С. Наумов, также неоднократно завоевывавшие призовые места.

На Ртутном комбинате появились энтузиасты, увлекавшиеся альпинизмом. Вместе с машзаводчанами они создали в Горловский филиал донецкого клуба «Донбасс». Продолжал развиваться туризм. В 1980 году команда любителей активного отдыха в составе А. Полякова, В. Поленова, С. Романенко и других товарищей заняла первое место в городе среди подобных групп.

РАБОЧИЕ ВЫСОТЫ

Добрую эстафету принял ртутный комбинат во второй половине семидесятых годов XX века от предыдущего пятилетия. Во всех подразделениях производственного комплекса установился четкий ритм. Шахту оснастили высокопроизводительным оборудованием. Прогрессивная система принудительного этажного обрушения руды приносила значительную выгоду и экономила много сил и средств. Транспортировку отбитой массы из блоков осуществляли самоходно-доставочные комплексы. В карьерах, где добыча производилась открытым способом, действовали сначала мощные экскаваторы и 27-тонные БелАЗы. Затем транспортный цех пополнился специализированными автомобилями для наиболее экономичной доставки руды. Этим «зубрам» под силу было преодолеть с грузом затаенную спираль крутого выезда, а на пути к заводу по равнинной трассе доставлять груз с высокой скоростью. У БелАЗов-549 с пневмогидравлической подвеской колес и трансмиссий с электродвигателями в ступицах колес запас мощности на тонну массы составлял от 7 до 10 лошадиных сил, а общая мощность равнялась 1050 лошадиным силам. У такого самосвала 80-тонная грузоподъемность. Внушительны и размеры машины. Взрослый человек, ставший рядом с колесом, еле дотягивался рукой до его верхней части — шутка ли 260 сантиметров. Гидравлические телескопические цилиндры обеспечивали подъем кузова при выгрузке руды за 20-25 секунд. Кузов из высоколегированной стали не деформировался даже при падении в него больших глыб руды. Управление машиной легкое. Многие задавали вопрос,

как шины выдерживают невероятную нагрузку. Белорусские изготовители предусмотрели и это. В шины они закладывали до 52 слоев корда.

Много новинок появилось и на заводе. *Извлечение ртути освоили в печах кипящего слоя, автоматизировали управление технологическим процессом выплавки металла.* Руководили машинами, комплексами и системами грамотные специалисты и высококвалифицированные рабочие.

На комбинате установилась подлинная деловитость. Здесь не давали пустых обещаний и заверений, здесь взвешивали реальные возможности и учитывали неиспользованные резервы. Выполнение плана становилось законом, а перевыполнение — честью. А дал слово — сдержи. Начиная пятилетку эффективности и качества, ртутьяне решили реализовать продукции сверх плана на 0,7 процента, плановую производительность труда повысить на 0,3 процента. И коллектив от рядового рабочего до директора комбината взялся за работу.

Вот некоторые из успехов. В первом квартале 1976 года — первое место среди предприятий Горловки, третий квартал — один миллион двадцать тысяч киловатт часов экономии электроэнергии, третье место среди предприятий области, 28 декабря 1976 года — завершение годового задания по выпуску ртути и первое место среди предприятий цветной металлургии страны. Тогда же — награждение Памятным знаком «Горловское вооруженное восстание 1905 года» и Указ о награждении комбината Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УССР. Такова была записка. Дальше все шло в таком же стиле. Февраль 1978 года — первое место в городе по результатам смотра повышения производительности труда на основе автоматизации и механизации ручных, тяжелых и трудоемких работ. Август — одна из марок ртути стала помечаться государственным Законом Качества. 20 декабря 1978 года — завершение трех лет пятилетия. 11 декабря 1979 года — досрочное выполнение четвертого года пятилетки. 10 декабря 1980 года — выполнение пятилетнего задания по всем основным технико-экономическим показателям.

— Таков настрой у коллектива, — говорил секретарь парткома Михаил Иванович Ханин. — Мы постоянно держим в поле зрения вопросы производства, нацеливаем деятельность хозяйственных руководителей на решение первоочередных задач, развиваем творческую инициативу масс.

В творческом поиске резервов участвовали новаторы и передовики, народные контролеры, активисты печати, рационализаторы и изобретатели, то есть практически все труженики.

Десятая пятилетка открылась почином бригады проходчиков Анатолия Васильевича Диордиева «План первого года пятилетки — досрочно!»

Сначала было слово, затем было дело, — говорил сам бригадир.— Всё прикинули, взвесили. Задание последних двух месяцев сравнили с предыдущими заданиями, посчитали, что достанется каждой смене, убедились — по плечу обязательство. Поработали дружно, и результат налицо. Помогало мастерство, рабочая смекалка, умение брать от техники все...

Бригада инициаторов и в последующий период неоднократно занимала первое место по результатам работы. В начале октября 1977 года в вестибюле административно-бытового корпуса шахты появилась «молния»: «Поздравляем бригаду проходчиков А. Диордиева с досрочным завершением плана двух лет десятой пятилетки!» Вместе с Анатолием Васильевичем принимали цветы И. В. Запевалов, Л. С. Родин, С. А. Марков, Н. К. Олендаренко. Снова вместе делали наметки, снова прививали. Уже на год семьдесят восьмой... А. В. Диордиев был назван победителем. Бригаде его и бригаде А. А. Обербахлера давали самые ответственные задания. Эти же бригады первыми перешли на метод работы по бригадному подряду.

Подобный авторитет у проходчиков, которыми руководил В. Гарачук. Спроси в то время любого на шахте, отвечали без раздумий: — Знаменитая бригада. Побольше бы таких бригадиров, как Владимир Порфирьевич. С ним легко работать. У него особая жилка насчет умения организовать рабочих...

В. Гарачук был к тому же и депутатом городского Совета. и тоже без нареканий. Справлялся. Недаром был награжден орденами Октябрьской революции и Трудового красного Знамени. Рядом с ним ударно трудились С. Стасюк, В. Салион, Г. Тихий, А. Павлов, А. Кривошеин — надежные друзья и товарищи.

Добрая слава шла на комбинате и в отрасли о производственной группе И. И. Герасименко. Его бригада по итогам 1977 года была признана победителем среди лучших добычных коллективов Министерства цветной металлургии СССР. Попастъ в бригаду Ивана Ивановича считалось большой удачей. Первая забота бригадира о новичках состояла в том, чтобы они постигли утвердившейся в коллективе закон работы на совесть. Потому с большой теплотой отзывались о бригадире новички. Машинист скреперной лебедки В. Демин писал в городской газете: «Я на себе испытал и силу его похвалы и горечь упрека. Это была для меня хорошая школа рабочей закваски... Главное, о чем никогда нельзя забывать, — говорил он в первые

дни нашего знакомства, — это о рабочей гордости. Бери пример со старших, учись у опытных производственников» («Кочегарка», 17 июня 1978 года.).

Был на шахте Девятый участок. Самый знаменитый.

— Гремит Девятый, другим тон задает, — можно было услышать в нарядных шахты 2-бис. Высокая оценка! Участок — производственное подразделение, но он и школа для рабочих и руководителей среднего звена.

— Мы у всех на виду, — говорил бывало начальник Девятого Иван Сергеевич Дунаев. — Значит, марку свою надо высоко держать. Рады будем видеть успехи других отрядов, но первенства просто так не отдадим, не уступим.

Именно на Девятом, Дунаевском, участке возникло решение завершить трехлетнее задание к началу ноября 1977 года, но рапорт руководителям комбината поступил 1-го сентября: «План трех лет успешно завершен. С начала пятилетки пробурено более трехсот тысяч погонных метров глубоких скважин. Весь прирост производства обеспечен за счет роста производительности труда!» За этим последовало твердое решение коллектива: «Каждая смена — ударная!» И уже в начале следующего пятилетия заявили: «Так держать и впредь будем!» И держали.

От личных качеств руководителя зависело очень многое. Иван Сергеевич учитывал все: и геологию рудного тела, и состояние техники, и индивидуальные качества рабочих.

— Наставник мудрый, терпеливый, — давал характеристику Дунаеву председатель шахткома 2-бис Л. Барыжиков, — строг, но и заботлив. Настойчиво передает своим подопечным не только секреты горняцкого мастерства, но прививает любовь к профессии, стремление жить делами участка. Все это способствует подъему творческой активности, вызывает стремление работать лучше, качественно.

Днем и ночью несли трудовую вахту металлурги. Надежная поставка руды и надежные тылы обеспечивали обжиговые печи сырьем в нужном количестве. В числе правофланговых была бригада Ивана Бряника, отделение высших марок ртути Николая Жукоцкого, бригада отбивщиков ртути Анатолия Видермана. Лидером соревнования являлась группа рафинировщиков ртути Елизаветы Ерохиной.

В победители выйти непросто. Раньше брали за основу единственный показатель — процент выдачи металла. В семидесятые и в дальнейшем сравнивали состояние культуры производства, трудовой дисциплины, соблюдение технологии, качество продукции, показатели экономии рабочего времени, сырья, электроэнергии.

В бригаде Почетного металлурга Елизаветы Ерохиной работали в основном женщины. И они сумели дать фору мужским коллективам по достижению самых весомых результатов в труде.

Несколько слов о бригадире. Лиза — сначала рядовой работник. Увидела — нужны знания. Старательно посещала уроки в вечерней школе, повышала общеобразовательный уровень. Затем был горно-металлургический техникум. Училась заочно. В то же время вместе с подругами освоила четыре смежных профессии. А еще ж имела подшефный пионерский отряд в десятой школе. Послушают члены бригады при посещении школы рапорт ребят, о своих успехах расскажут. Пожурят некоторых ребят за оценки:

— У нас ни одной отстающей работницы, а ты, Витя (или Коля, Лена), подводишь.

И мальчики и девочки старались учиться без двоек, троек. чтобы больше было «5», «4», чтобы не краснеть.

Девятую пятилетку рафинировщицы закончили в апреле 1974-го, десятую тоже досрочно.

Рассказывая о себе, Елизавета Николаевна говорила кратко:

— Из семьи потомственных ртутнян. На Ртутном руднике трудился дед Андрей Егорович, отец Николай Андреевич. И мне довелось.

Биография обычная, рабочая...

На комбинате работало немало молодежи. Ее энергия и дерзание были очень нужны производству. Администрация и общественные организации заботились о повышении их квалификации, о досуге. Отлично трудились проходчики Сергей Муляр и Сергей Марков, штукатуры Ольга Дедюхина, Галина Гарбузова, Ирина Новгородова, Лидия Казанова, электросварщицы Нина Бочарова, Ирина Пробачай, радиометрист Виктор Сотниченко, механик Сергей Ильин, токари Татьяна Березник, Николай Пеев, Лариса Пасечник...

Молодые ртутняне жили интересами своего комбината, своего города. Они были добровольными участниками субботников при строительстве комплекса аммиака и карбамида производственного объединения «Стирол». За свой вклад комбинатская молодежь получила Почетную грамоту горкома комсомола. Тридцати юношам и девушкам комбината были вручены Знаки Центрального комитета ВЛКСМ «Молодой передовик производства» и «Мастер-умелец», а администрация поощрила денежными премиями. В числе награжденных были проходчик Александр Гуськов, водители

Владимир Дедюкин и Александр Храпач, машинист бурового станка Виктор Головки, рабочая жилищно-бытового отдела Людмила Исакова...

Добытчики «драконовой крови» и «серебряной воды» понимали, что их успехи были результатом деятельности и своего предприятия и других предприятий страны, поставлявших для добычи, погрузки и транспортировки руды, для выплавки металла современное оборудование, различные машины, механизмы, запасные части. Именно от такого содружества зависели успехи. Научно-исследовательские институты Москвы, Ленинграда, Ташкента и других городов помогали ртутьянам разрабатывать и внедрять эффективные технологические линии и процессы. На заводах Латвии было изготовлено современное оборудование для цеха высших марок ртути. Работало оно отлично.

В том, что Никитовский ртутный комбинат стал флагманом цветной отрасли страны, был значительный вклад русских, узбекских, киргизских, литовских, белорусских друзей. В свою очередь и никитовцы не оставались в долгу. Летом 1976 года они услышали просьбу бурятских товарищей из Джидинского вольфрамо-молибденового комбината о содействии в основании отечественной техники при разработке нового горизонта. Разве можно было отказать друзьям?! В дорогу отправились самые опытные и надежные — А. Бормотов, С. Муляр, И. Федоров, А. Гришачев. Терпеливо передавали свои знания и умения джидинцам. И пошло у них дело, хорошо пошло...

Далеко от Донбасса Нечерноземье. Но добытчики тяжелого металла внесли свою лепту в освоение Приокской стороны. Умельцы из ремонтно-механического цеха изготовили оборудование для раздачи кормов в коровниках калужского совхоза «Барятино», а инженеры и специалисты комбинатской лаборатории автоматизации и механизации сконструировали аппаратуру для водоснабжения совхоза. Назовем имена монтажной группы: слесари Н. Харитонов, В. Демченко, котельщик А. Щибря, электрослесари В. Тарпанцев, В. Потсов. Они завершили наладочные работы.

Производственные успехи никитовцев отметили побывавшие здесь представители предприятий Подмосковья, Урала, Кавказа, Казахской ССР, Узбекистана, Киргизии, Сибири, Дальнего Востока. Ртутьяне учили других, но и себя зарекомендовали прилежными учениками. На родственных предприятиях в десятой и начале одиннадцатой пятилетки побывало свыше 300 человек. На Ртутном было правило: вернулся из командировки, доложи руководству и товарищам по работе, что увидел, узнал, изучал, выскажи свои предложения и берись за их реализацию.

Действенным средством показа личных достижений и мастерства являлось соревнование по профессиям внутри отрасли. Не подкачали наши земляки — экскаваторщики бригады Георгия Сергеевича Сытникова. Вместе с бригадиром отправились в 1976 году Виктор Задорожный, Леонид Бордин, Леонид Жила, В. Завражный на Сорский молибденовый комбинат в Красноярский край, чтобы принять участие в состязании за звание «Лучшая экскаваторная бригада Союзредмета». Это молодое предприятие успело зарекомендовать себя успехами в наращивании добычи горной массы, переработке руды и в получении концентрата, за что было награждено орденом Трудового Красного Знамени. И вот в механизаторы в работе. Они продемонстрировали отличные навыки в управлении техникой, высокие знания в ведении горных работ. За четыре дня горловские посланцы добыли 27 тысяч кубометров руды. Заняли второе место, уступив первое хозяевам карьера. Домой возвращались с Почетной грамотой. Директор комбината Абессалом Викторович Чантурия был обрадован успехами никитовцев и поощрил участников денежными премиями. У Георгия Сергеевича Сытникова как одна из дорогих реликвий хранится альбом с фотографиями участников намеченного события.

Как мы видели ниже, в годы Великой Отечественной войны зародилась дружба никитовцев и хайдарканцев. Трудовая переключка двух центров добычи ртути продолжалась до 90-х годов прошлого века. Неоднократными победителями становились бригады наших проходчиков Н. С. Новикова, Е. С. Цыганкова, лишь иногда уступая лучшим бригадам из Киргизии. Особенно результативной была смена мастер И. Эргашева в Хайдаркане.

Подлинная дружба не знает границ. В начале 60-х годов прошлого века никитовцы приняли на учебу и стажировку группу монгольских товарищей. С вниманием и прилежанием молодые горняки далекой страны воспринимали науку своего наставника Семена Матвеевича Спичко. В свою очередь им импонировали трудолюбие и любознательность стажеров. Они по очереди овладели специальностями проходчика, затем забойщика, крепильщика, принялись осваивать и электровоз.

— Такой конь сильный, надежный конь, — шутил Жадамба — оседлаем, быстро вперед мчаться будет на своем руднике Бэрх.

Когда по просьбе правительства Монголии на освоение подземных кладовых прибыла подмога из Горловки, Семен Матвеевич попросился на Бэрх. Там встретился с Жадамбой. Их дружба обрела крылья. («Кочегарка», 24 июня 1976 года).

Несколько лет провел в Монголии и крепильщик шахты 2-бис В. Радченко. Работал на руднике Хажу-Улан. За хорошую подготовку горняков Президент Великого Народного Хурала наградил Виктора Николаевича орденом Полярной Звезды.

На том же Хажу-Улане шесть лет работал Валерий Григорьевич Забродный. Его не случайно рекомендовали в командировку к друзьям — умел работать сам, умел вести за собой других. Некоторые сомнения поначалу были: как его будут понимать монгольские товарищи? Общий язык, однако, нашли в первые же дни. Повел Валерий монгольских новичков к мастерству уверенно и быстро. Его подопечная бригада прочно укрепилась на первом месте и достигла высокой производительности труда. О Валерии Забродном писала газета «Унен», сообщало монгольское радио.

Результаты трудовых усилий добытчиков киновари находились в прямой зависимости от наличия разведанных и четко означенных запасов промышленных запасов сырья. На никитовском рудном поле шел повседневный поиск залежей ценного сырья на глубоких горизонтах. Положительных успехов достигли буровики мастера Сергея Солошенко. В отдельные дни его молодежный коллектив перекрывал суточное задание в шесть раз. (Газ. «Комсомолец Донбасса», 10 февраля 1978 года). Бригады Александра Малого и Виктора Шатохина в мае 1978 года при плане 600 метров перешагнули тысячеметровый рубеж (соответственно 1158 и 1063 метра) — самый высокий показатель в Горловкой геологоразведочной экспедиций с момента ее основания. («Кочегарка», 14 июня 1978 года). Сто лет назад разведочные работы велись вручную. Лом, лопата, кайло — вот и вся техника того времени. В анализируемый период внедрялись и производительно работали гидроударные машины и оборудование. Труженики комбината получили к выборке дополнительные запасы руды.

В 70-е годы на комбинате было свыше тысячи рабочих, перевыполнявших нормы выработки. Каждый из таких тружеников — мастер высокого класса. На них равнялись остальные.

Участок Дунаева, бригады Диордиева, Обербихлера, Ерохиной... Любой из этих коллективов — школа высокопроизводительного труда. Но и в других подразделениях своя гордость, свои наработки — в бригадах А. А. Аксенова, В. Н. Демина. Молодые бурильщики мастера Коврыжкина систематически занимали первые места. Дружные подобралось ребята — А. Н. Дриманов, М. П. Коростецкий, С. Л. Задунайский и другие. Дали обещание пройти за два месяца дополнительно 250 метров глубоких скважин сверх задания — сдержали его.

— Узнают и наш почерк, — сказали в бригаде проходчиков Т. П. Тухтарова на пятом участке. И что же? — узнали по высокому качеству ведения горных выработок, по отличным результатам.

Еще в октябре 1980 года календарь пятилетних перспективных работ закончили листать бригады И. И. Громова, С. Н. Костромского... Да еще как! — Без всяких претензий и замечаний. И уже работали в счет 1981 года.

Когда создавался музей боевой и трудовой славы в соседней тридцатой школе, красные следопыты пришли и на Ртутный, рассказали о своих заботах. Им дали фотографию членов бригады отбивщиков ртути металлургического цеха Анатолия Видермана и сказали с пожеланиями:

— Бригада знаменитая. Вам, ребята, на них бы равняться по старательности. Рабочие самые достойные...

— Будем равняться! — дали слово Люда Жуковская, Оля Фадина, Лена Парфенова, Зульфия Сафиуллина...

Тогда же совет музея принял решение за отличный поиск и улучшение показателей в учебе рядом с фотографией бригады А. Видермана поместить фотографию девочек из группы школьных активисток.

Развивая производство, на комбинате не забывали об улучшении жилищно-бытовых условий тружеников, о развитии учреждений культуры, медсанчасти, оборудовании санатория-профилактория на сто мест. Был сооружен отличный спортивный комплекс, плавательный бассейн. В коллективе физкультуры состояло 860 человек. Регулярно проводились комбинатские спартакиады и соревнования по разным видам спорта. Спортсмены комбината неоднократно добивались призовых мест по легкой атлетике, футболу, каратэ. Слесарь шахты 2-бис Олег Яковлев, выступал в футболе 1977 года на республиканских соревнованиях (г. Львов) Добровольного спортивного общества профсоюзов, одержал убедительную победу в весе до 75 кг и получил золотую медаль («Кочегарка», 24 февраля 1977 года).

В том же году победителем республиканских соревнований (г. Херсон) в своей весовой категории стал ртутнянский боксер Алексей Атаманов. В 1978 году А. Атаманов снова уверенно выступил в финале первенства профсоюзных команд СССР, победив в первом раунде известного спортсмена из Уфы А. Санчина.

На комбинате увлекались и туризмом. В октябре 1980 года команда ртутнян заняла первое место среди команд Горловки по туризму...

4 марта 1981 года ртутняне услышали по радио, а потом прочитали и в газетах **Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР** о высокой оценке их труда: **«За большие успехи, достигнутые коллективом**

комбината в выполнении заданий десятого пятилетнего плана и принятых социалистических обязательств по выпуску продукции, совершенствование техники и технологии производства, наградить Никитовский ртутный комбинат Министерства цветной металлургии СССР орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного совета СССР Л. Брежнев.

Секретарь Президиума Верховного совета СССР М. Георгадзе.

Директор комбината Александр Леонтьевич Аведов и выступавшие на митинге другие участники торжества давали обещание и в дальнейшем достойно держать марку своего краснознаменного предприятия.

Еще К. Э. Циолковский при разработке теории космических полетов высказал гениальное предвидение: «Тут (в космосе) можно роскошно производить металлургические работы». С практическими успехами космонавтики и появились возможности для проведения научно-практических экспериментов. При этом возникла заманчивая идея получить сплав алюминия и вольфрама с целью соединения лучших качеств двух этих разноликих элементов. На Земле в условиях гравитации осуществить мечту не удавалось. «Легкоатлет» алюминий после разогрева-расплава прочно утверждался на верхней ступени пьедестала, неизменно «повергая на лопатки» тугоплавкого тяжеловеса вольфрама. Поэтому ученые и устремили свои взгляды в небо. Эпопея исследований началась со сварочных работ в космосе на советских установках «Уран-1» и «Вулкан», а первую плавку алюминия и вольфрама в условиях невесомости удалось произвести совместно советским и американским космонавтам после стыковки «Союза-19» и «Аполлона». Пророчество К. Циолковского обрело зримые черты.

В очереди стояло другое важное дело. Для инфракрасной техники — квантовых генераторов, болометров, пирометров, термоэлементов, фоторезисторов и других установок и приборов, применяемых в физике, астрономии, космической технике, военном деле (самонаведение снарядов, торпед, ракет), требовались полупроводниковые материалы особых качеств — тройное соединение кадмия-ртути-теллура (КРТ). В земных условиях его изготовление весьма хлопотное и дорогостоящее, так как в солидной массе сплава, в пограничном слое, образовывалась лишь тонкая пластинка. В 70-е годы один грамм такого вещества оценивался в восемь тысяч долларов. Непременное требование к триаде указанных исходных компонентов — исключительная чистота. Высшие марки ртути удалось получить тогда на Никитовском ртутном комбинате. Уникальные установки «Кристалл» и «Сплав» впервые выдали крупные слитки однородного состава КРТ.

БУДНИ ТРУДОВЫЕ

Большинство производственных подразделений комбината продолжало в 80-е годы справляться с задачами по производству ртути и специальных сплавов. Конечно, не все шло гладко. В пятидесятые годы при спешном проектировании трассы канала Северский Донец — Донбасс был допущен просчет в определении линии его прокладки. Нити закрытых трубопроводов прошли по краю месторождения, где при дополнительной разведке оказались запасы руды повышенных кондиций, брать которые без нежелательных последствий для трубопроводов не представлялось возможным.

В отдельные периоды неритмично работала шахта. Из-за нарушения правил ведения горных работ недодавал план третий участок. Периодически наблюдались сбои на пятом. Из-за нехватки запасных частей случались простои машин и механизмов в цехе открытых работ. Здесь ремонтная база находилась под открытым небом. При неблагоприятной погоде и ремонт был некачественным. Иногда подводил Краснодарский рудник, приданный к комбинату. Кое-где с замедлением решались вопросы механизации погрузочно-разгрузочных работ. В ряде случаев запыленность рабочих мест превышала допустимые нормы. На шахте 2-бис возрос производственный травматизм.

Было и такое. Для шахты «Новозаводская» в 1977 году приобрели подъемную машину стоимостью 120 тысяч рублей. Шло время, и она пришла в неудовлетворительное состояние и была частично разукomплектована. На склад завезли титановый порошок и специальную смолу, не нашедшие применения. А это почти 26 тысяч рублей...

Просчеты хозяйственников снижали рост прибыли, увеличивали себестоимость продукции, неблагоприятно сказывались на росте фонда заработной платы. И лишь успешная работа большинства цехов, участков, бригад выручала комбинат в целом. 21 декабря 1981 года удалось завершить годовую программу по всем основным показателям. Отлично поработали добычные коллективы первого, второго, девятого участков, цеха спецсплавов (начальник Г. И. Колесников), бригады А. Аксенова, В. Демина, Х. Согова, Т. Тухтарова, П. Пасечника...

Лучшими мастерами цветной металлургии страны по итогам года были признаны руководители смен Александр Николаевич Кусов (шахта 2-бис) и Эдуард Иванович Шариков (металлургический цех).

Год 1982-й. Ударный труд позволил комбинату прийти к финишу почти на месяц раньше календарного срока. В результате — занесение на Доску Почета ВДНХ и вручение Переходящего Красного знамени Министерства. Подтянулись прежде отстающие участки — вышли к концу года вместе со всеми без долга. Третий и пятый. За всем этим — дополнительные десятки погонных метров проходки в каменистых недрах рудного поля, дополнительные тонны руды. Не случайно за проходчиками закрепилось одобрительное определение — «*подземные скороходы*». За бригадами В. Петрова, В. Игнатченко, А. Гуськова, А. Ремизова, А. Диордиева. Взять, к примеру, добычную бригаду кавалера «Шахтерской славы» Владимира Николаевича Демина. Когда начальника шахты попросили дать характеристику знатному горняку, он произнес лишь одно слово:

— Организатор!

А товарищи по работе так сказали:

— Глаз наметан. Все видит, все знает...

У бригадира можно было поучиться собранности в действиях: всегда под рукой необходимое оборудование, инструменты, материалы.

Или взять Анатолия Васильевича Диордиева. Его коллектив проходчиков освоил бригадный подряд. А что это значит? Значит дружную работу, взаимопомощь, взаимозаменяемость. В бригаде забыли слова «простои», «прогулы».

А Тагир Тухтаров. Тоже возглавлял бригаду проходчиков, опережавшей время. У него — свой «маневр», но такой же результативный, как у диордиевцев.

Еще слово о Емельянцева. Тоже бригадир, но на руднике открытых работ. Их «оружие» — буровые станки. Николай Яковлевич за 15 лет стажа стал настоящим профессионалом. Приглаждались специалисты лаборатории научной организации труда к его методике. Искали результаты, а обобщили опыт и рекомендовали для повсеместного внедрения. Особенно рационализацию работы механизма подъема вентилятора для обдува бурового станка. Это десять процентов рабочего времени. Значит, две с половиной смены в месяц выиграла и около месяца в год.

А обжигальщикам, возглавляемым А. М. Беликовым, присвоили звание «*Лучшая бригада Министерства цветной металлургии*». Кроме успеха в выплавке ртути, эта производственная ячейка сэкономила в году восемьдесят втором 127 тысяч кубометров газа, 82 тысячи киловатт-часов электроэнергии.

В декабре гостями никитовцев были ртутьяне Хайдаркана. Председатель профкома родственного предприятия Т. Бакиров придирчиво всматривался

в организацию работы горняков и металлургов, к приемам и Диордиева, и Демина, и Вухтарова... Потом написал в многотиражке: «Мы часто бываем у вас на предприятии. Гостеприимно, с украинским радушием принимаете вы киргизских посланцев, помогаете словом и делом... Мы искренне, по-братски завидуем вам и все ценное стремимся применять у себя. Только за последние годы внедрили тридцать пять эффективных новшеств... Ныне вы оказываете нам помощь в освоении новой технологии в печах кипящего слоя». («Зартуть», 24 декабря 1982 г.).

1982 год был памятен и тем, что большинству марок ртути был присвоен Знак качества. Это было важное достижение и свидетельство наиболее совершенной технологии металлургического производства. И не случайно **на международном рынке наш металл был самым конкурентоспособным по качеству.**

За год ртутьянам удалось сберечь 23,7 тонны проката черных металлов, 27 кубометров лесоматериалов, 4280 тонн условного топлива, 22 тонны цемента, свыше пяти тысяч киловатт-часов электроэнергии, 59 тонн горюче-смазочных материалов («Кочегарка», 26 февраля 1983 г.). Кроме того, внедрили 767 рационализаторских предложений, что дало дополнительно в комбинатскую кассу более миллиона рублей. Эти успехи были отмечены Дипломом ВЦСПС и Госснаба СССР и денежной премией.

Комбинат шел к своему столетию. Коллектив решил достойно отметить юбилей. А как, решали в бригадах, цехах, Решали в управлении. У всех свои наметки.

Члены первичной организации Общества «Знание» и краеведы читали лекции об истории предприятия, о боевых и трудовых традициях ртутьян предыдущих поколений, о достижениях новаторов — современников.

Старались экономисты — «штурмань» производства. Они намечали курс, они же внимательно, во взаимодействии с другими специалистами, вели предприятие по правильному азимуту, выверяли по срокам и результатам достигнутое, указывали на промахи. Сами понимали, что успех будет только тогда, когда вопросами будут заниматься и директор, и начальники цехов, и бригадиры, и рабочие, помогали внедрять хозрасчет, занимались вопросами прибыли, себестоимости, материальной заинтересованности. Важно было сообща добиваться наибольшей отдачи основных и оборотных средств, укрепления трудовой дисциплины, разумного внедрения достижений науки и техники, автоматизированной системы управления, соблюдения установленных требований государственных стандартов. Расширялось утверждение бригадного подряда. Это означало доведение реальных заданий бригаде не только на текущий период, но и на перспективу, учет

результатов работы и ознакомление с ними исполнителей, обеспечение материалами, оборудованием, инструментом, снабжение электроэнергией, транспортом, ремонтным обслуживанием. Теперь сам коллектив рассматривал вопросы приема новых работников, избирал бригадира, распределял зарплату.

К апрелю 1983 года по единому наряду работало 90 бригад. В них при расчете заработков стали применять коэффициент трудового участия. Одними из первых на новую организацию труда перешли десять бурильщиков. А возглавил их Николай Петрович Коврыжкин. И производственные результаты повысились, и денежное вознаграждение за труд заметно возросло.

А вот как решили такую же проблему на руднике открытых работ. В бригаду включали машинистов экскаваторов, буровых станков, бульдозеров, слесарей и электрослесарей. Овладели смежными профессиями. Руководителем избрали машиниста-экскаваторщика Георгия Сергеевича Сытникова. Чего же добились? Рационально стали использовать мощную технику, снизили простои. Определили экономическую базу хозрасчета. В лицевом счете отражали расход материалов и электроэнергии. Но это в общем, конкретно же за восемьдесят третий год увеличили объем производства почти на семь процентов, снизили себестоимость добываемой руды на 1,3 процента. Да еще сэкономили на материальных и топливно-энергетических ресурсах 17 тысяч рублей. Потом делился бригадир своими секретами и достижениями в марте восемьдесят четвертого на встрече, организованной редколлегией газет «Кочегарка» и «За ртуть».

Как и прежде, продолжалась деловая активность пытливых людей. Как-то прочитали, что в Японии каждый инженер, рабочий за год должен непременно добросовестной работе предложить хотя бы одну новинку, направленную на достижение лучших результатов. Иначе ему могут вежливо посоветовать устроиться работать в другом месте, на другом предприятии. Задумка понятна. Приняли и у себя такое правило. И оно прижилось.

Творческая группа В. Чупрунова, А. Линника, М. Кирилловой и Л. Шуровой доказала возможность уплотнения и сокращения горно-подготовительных работ в очистных забоях.

А. М. Струна, Н. Плаксин, В. Шульга, В. Мурзин разработали более рациональные способы оборудования и ремонта рудоперепусков. Электрослесари М. Гавшин, А. Чумичев заменили материал сальниковых набивок на уплотнении штоков компрессора. *Один миллион сэкономили шахтеры 2-бис М. Струна, Ю. Хрюкин, В. Цай за новую конструкцию*

крепления горных выработок. Центральный совет ВОИР наградил их знаками «Изобретатель СССР». А это не только почетно, но и весьма престижно — на уровне высших производственных достижений.

Удалось усовершенствовать технологию подсечки блоков глубокими скважинами, конструкцию дучек. Это хорошо. Но и недостатков было немало. Обслуживание техники на ряде объектов шахты не являлось образцовым. Тут бы поучиться у механизаторов рудника открытых работ. Не дошли руки. На четвертом и пятом участках не были внедрены своевременно бурильные установки трех новых типов. На других смогли, а тут замешкались. Да и малая механизация знала лишь небольшие подвижки. Непорядок! Но ведь это при хозяйском отношении к делу принесло бы дополнительную выгоду.

На комбинате прижилась и закрепились практика проведения конкурсов мастерства. Каждый желающий получал возможность проявить свои способности, сноровку, умения, утвердить здоровое творческое самолюбие. Первым среди горнорабочих оказался С. Шевцов, среди бурильщиков — А. Бузынный, на участке сплавов в лидеры среди плавильщиков вышел В. Титаренко, среди наладчиков слесарь С. Лысенко, электрослесарь А. Глоба... Кто бы мог раньше, до конкурса, знать, что среди штукатуров самые искусные И. Новгородова, Г. Свиридова? Конкурс доказал. А в металлургическом цехе состязание высветило имена лаборантов Т. Коробской, Н. Снеговой, Н. Цыганковой. Это было общественное признание успехов подвижников, подкрепленное денежными премиями.

Посложнее было определить лучшего инженерно-технического работника. Администрация и профком прежде всего взвешивали умение творческого подхода к решению и повседневных, и перспективных задач, работу инженерной мысли и воплощение ее в деле, и воплощение всего нового, передового на своем участке. В начале 1984 года после основательных размышлений и сопоставлений назвали старшего геолога шахты 2-бис Л. И. Полукеева, мастеров А. И. Абраменко, Ю. Я. Положинского, механика С. Ю. Ильина, инженеров Е. К. Вегеру, Г. Р. Оринянскую.

Ртутный как передовое предприятие многие годы прокладывал видную тропу к прогрессу. Но и опытом других на нем не пренебрегали — учились, вглядывались, внедряли. Донесли до бригад, участков, цехов результаты и сущность трудового состязания березниковцев, норильчан. Инженер Полевского криолинового завода Н. Слепых на страницах комбинатской многотиражки поведал о том, как они ведут в бригадах лицевые счета экономии. Ртутняне с пониманием восприняли опыт полевец. И уже мастер рудника открытых работ В. Шапа рассказывал, что накопили в его бригаде.

Только в коллективе А. Бородина сэкономили почти 22 тысячи рублей, слесари В. Рыжкова — свыше 18 тысяч...

На Дзержинском горно-металлургическом комбинате побывал заместитель главного инженера шахты 2-бис Л. Г. Струна. Приехал и доложил о применении сталеполномерного и полимерного крепления. И тут же предложил свои рекомендации по внедрению такой крепи на шахте 2-бис вместо деревянных и железобетонных затяжек, а это десятки тысяч рублей экономии. Тут же снабженцы получили заказ на поставку для этой цели химических ампул.

Как и на других предприятиях, на ртутном случались срывы, упущения. На первом участке рядом работали две бригады проходчиков. Одну из них возглавлял Владимир Игнатенко. И добивался с товарищами немалых успехов. Стабильно работали. А в другой не ладилось, особенно с дисциплиной. Даже назвать бригадира по имени нельзя было — часто менялись. Как-то товарищи задали каверзный вопрос Володе: «Смог бы поправить там дела?» Задумался. Может, надоел ребятам, потому и хотят избавиться под таким благовидным предлогом. Почему не замечал? Нет, не то. И решился — пойду! Себя проверю, ребят тех тоже. Твердо уверовал, что сможет поправить положение. И администрация поверила — отцовской закваски парень. И смог же добиться перелома!

А трудовые будни сматывали с календаря листок за листком, день за днем. Привычно крутили барабаны стальные канаты вверх-вниз, вверх-вниз. Спускалась в забой одна смена, поднималась на-гора другая. Шла руда к загрузке, сыпалась затем в приемный бункер, наполняла жерла печей. В огне, в кипящем слое рождалось «живое серебро». И так с 1886 года с небольшими перерывами, хотя и по усовершенствованной технологии, другими рабочими — мастерами.

В сводках трудовых дел встречались знакомые имена. Первыми выполнили программу трех лет в августе отбивщики ртути Анатолия Николаевича Видермана, второй в сентябре стала бригада рафинировщиков Елизаветы Николаевны Шохиной, за ними столяры А. А. Гаха.

Год 1984-й. Первые снова отбивщики А. Видермана четырехлетку выполнили в июне. Рафинировщики Ерохиной завершили ее в августе. В октябре рапортовал о том же А. Диордиев, а 5 декабря и комбинат. 22 дня работали в счет будущего года.

Появились и новые имена — бригады проходчиков А. П. Максименко, добытчиков ртути А. И. Бойко, водителей В. И. Нечитайло. Лучшей в отрасли назвали по итогам года бригаду горнорабочих очистного забоя шахты 2-бис С. Н. Таранина. Школы передового опыта вели горняки

Дмитрий Жилин, Петр Хоменчук, Анатолий Кузьмин, Павел Аникин, металлурги Петр Камченко, Павел Кругляк.

По календарю двенадцатой пятилетки в июле 1985 года трудились коллективы одного цеха, трех участков, пятнадцати бригад. В прежнем режиме работал девятый участок. Теперь его возглавлял А. В. Артамонов. 18 июля горняки завершили свою пятилетку.

В сентябре на комбинат и поселок радио, телевидение и газеты принесли радостную весть — в космическом полете на корабле «Союз ТМ» подполковник Александр Александрович Волков — наш земляк, уроженец Ртутного поселка. Коллектив комбината послал ему теплую поздравительную телеграмму. На трудовую вахту встали горняки бригад А. В. Диордиева, В. Г. Игнатченко, водители бригады А. И. Нечитайло и другие коллективы. В результате — дополнительные погонные метры пройденных горных выработок, сотни тонн руды, вывезенной из карьеров, из нее — дополнительный металл... Было потом о чем доложить Саше, когда он прибыл на побывку к родным и горловчанам.

12 декабря 1985 года коллектив комбината завершил пятилетку по всем технико-экономическим показателям. В 1988 году было реализовано продукции на 44 млн. 384 тысяч рублей, в том числе сверх плана на 2 млн. 389 тыс. рублей. Выпуск ртути высших марок в 1987 году достиг 68 %, в 1988 — 80,9 %. Всей продукции был подтвержден Знак качества. ***Самый высокий показатель по возгонке ртути в 80-е годы был достигнут в 1981 году — 613 тонн, затем последовательно по годам (в тоннах в округлении): 559, 544, 533, 547, 555, 556, в 1988 году — 460, в 1989 — 558.*** Но... с этого времени началось неуклонное падение основного производства. Потребители снижали закупки ртути. В 1990 году металлургический цех выдал гидраргиума по сравнению с предыдущим годом на 105 тонн меньше.

«Живое серебро» никитовцев шло не только на внутренние потребности страны, но реализовывалось и за рубежом, депортировалось в Голландию, на Кубу, в ГДР. Ряд видов оригинальной продукции с ртутными компонентами комбинат с выгодой и высокой рентабельностью изготавливал по заказам Министерства обороны. Производительность труда за пятилетку возросла на 37 процентов. Удалось сберечь свыше пяти миллионов киловатт-часов электроэнергии, на 900 тысяч рублей других ресурсов. А это четыре дня работы комбината на сэкономленных материалах.

Выделим высокопроизводительный труд бригад проходчиков А. Урсуленко, Ю. Шевлякова, слесарей В. Кирчева, электромонтеров Т. Кашлевой, лаборантов З. Кшановской. Безукоризненно обжигало руду отделение печей

кипящего слоя под руководством мастера Г. Белослюдцева. Периодически проводились конкурсы мастерства молодых тружеников. В июне 1988 года отличились высокими результатами сменных выработок на шахте 2-бис проходчик Исламбей Согов, бурильщик Геннадий Самойленко, на руднике открытых работ машинист экскаватора Валерий Губин, в других подразделениях водитель Николай Головчак, плавильщик Валерий Покрова, отделочница Ирина Миронова, лаборант Ольга Куценко...

Когда-то Ауэрбаха взволновало известие о появлении возможного конкурента возле дагестанского аула Хпек. Теперь ртутняне откровенно делились своими трудовыми секретами, оказывали помощь друзьям-соперникам, учили других, сами учились.

Осваивая рудник открытых работ, горняки Орловского горно-обогатительного комбината в Читинской области знали, к кому обратиться. Новичкам оказали помощь машинист экскаватора Георгий Сергеевич Сытников и слесарь Геннадий Николаевич Паршин, создав школу передового отчета. Их сменили экскаваторщик В. Алимов и электрослесари Г. Пинков, В. Рогачев, М. Семенчук.

Далеко от Никитовки Кабардино-Балкария. Высоко в горах с отметкой выше трех тысяч метров и летом неуютно. Часто серые тучи приносят морозящий дождь со снегом. Но там геологи открыли богатые залежи вольфрамо-молибденовых руд. К залежам месторождения подбирались шахтостроители Тырныаузского комбината. Тоже потребовалась поддержка. Путевку вручили шахтеру Курбанову. На 2-бис знали его как опытного мастера — овладел всеми горняцкими специальностями, горной техникой. Работал отлично Манаф Кафланович, делился приобретенным опытом с горцами. Месяц провел в тех суровых горах, зато обучил товарищей своим приемам. После него три месяца на том комбинате поработал Виктор Федорович Балдуев. Сказано «поработал», но лучше бы сказать «отлично потрудился». И доказал большие возможности проходческого комплекса КПВ-1. Его в свою очередь сменил Алексей Алексеевич Локотош. Узнавали наших тружеников по результатам, по делам каждого!

На Дальнем Востоке расширял зону разработок Приморский комбинат. Ввели новые производственные мощности, получили самоходное погрузочно-доставочное оборудование. Такое раньше их уже успели обкатать никитовцы. Приморцев поддержали проходчики-механизаторы Александр Колотушкин, Владимир Ковальчук, Николай Пригородов, Василий Середа, Анатолий Свиридов.

Три года выполнял обязанности горного мастера и начальника цеха на монгольском руднике Хар-Айраг Анатолий Петрович Устинов.

Заместитель директора Алжирского ртутного предприятия «Исмаил» Лазарь Нуасрия прислал коллективу никитовцев благодарственное письмо. Группа наших рабочих и специалистов работала на этом предприятии в далекой Африке. Почти четыре года трудился плечо к плечу с исмаильцами инженер Петр Федорович Семенов. Заслужил особое уважение. На проводах «ученики» поднесли наставника к автобусу на руках, пожелали удачи и счастья на родной земле.

Весьма результативной оказалась стажировка на Никитовском комбинате для алжирца Халида Талеба. Был подопечным у старшего мастера металлургического цеха Валентина Григорьевича Бандурко. Вернувшись на родину, Халид быстро поднимался по служебной лестнице — стал главным инженером «Исмаила», а затем и директором. Когда отправилась в дружественную страну очередная группа никитовцев, отбыл и Валентин Григорьевич. Теплой была встреча с Халидом, сотрудничество — весьма плодотворным.

Ртутняне в последние годы расширили географию длинных рабочих командировок. Проходчик В. Г. Забродний помогал в Мали осваивать новую технику при добыче полезных ископаемых. Здесь же трудился и механик рудника открытых работ И. П. Толстых.

С большой заинтересованностью встретили ртутняне сообщение о том, что в Государственном комитете по делам изобретений и открытий зарегистрирован долгожданная новинка в области геологии, подтвердившая на практике эффективность нового способа поисков рудных участков и залежей киновари. Три десятилетия шли к нему специалисты — член-корреспондент АН СССР А. А. Сауков, доктора геолого-минералогических наук В. П. Федорчук, В. З. Фурсов и другие. В основе прибора принцип амальгамы, т. е. один из способов извлечения золота или серебра из сырьевой массы. Золотоносный кварц превращали в порошок, разбавляли водой, вливали немного ртути, пропускали смесь сквозь плотную ткань. Образовавшуюся пленку стряхивали на сковородку, прокачивали. Получали чистое золото.

Теперь над определенной местностью пролетит самолет с газортутным анализатором и выдаст общую карту ртутных аномалий. Затем уже на автомобиле или пешком геолог с тем же прибором уточнит границу ореола, т. е. рудного поля...

...На участке сплавов 1985 году удалось полностью механизировать труд плавильщиков и значительно обезопасить вредное воздействие паров на работающих. На всех добычных участках применялось водяное орошение,

что резко снижало заболеваемость рабочих пневмокониозом. В 1987 году на учете с таким диагнозом состояло 43 человека, с ртутной интоксикацией — 5.

Работы с высокой точностью и аккуратностью вели технологический процесс от начальной стадии до конечной. Электронный оператор «по совместительству» еще и контролер-наладчик. Из фантастики шаг в реальность. А внедряли новинку инженеры Г. И. Колесников, Н. Г. Дубровский, В. И. Вавило, электрослесарь К. В. Поляков, плавильщики Н. Ф. Цмых и Ю. И. Асламов. В развитие автоматизации и механизации трудоемких и тяжелых ручных работ много сил и умения вложили главный инженер комбината Л. И. Бушев и главный механик Ю. И. Липинг. Была проведена паспортизация всех рабочих мест. На шахте автоматизировали скиповый подъем комплекса ствола «Новый»...

В восьмидесятые годы окончательно закрепился в шахтах метод этажного и подэтажного обрушения горной массы. Блоки высотой в 60 метров делили на два подэтажа по 30 метров и отработывали сначала верхний, а затем нижний. Один из блоков, обозначенный геологами «Балкой Сторчевой» по географическому положению под указанным поверхностным объектом на горизонте 210 метров, имел протяженность около 200 метров. Себестоимость одной тонны отбитой массы при этажном принудительном обрушении и скреперной доставкой из софиевских песчаников составляла 1,61 рубля, а на чегарникских — 1,95 рубля («Горный журнал» № 10, 1986 г., сс. 8-14). В процессе выемки руд проводилось крепление различными материалами. Постепенно отказывались от деревянной крепи как недолговечной и пожароопасной. Не прижились бетонная и железобетонная как трудоемкие и разрушавшиеся при взрывных работах и выпуске руды. Предпочтение стали отдавать металлическим стойкам из двутавровых балок с установкой металлических верхняков и возможностью переноса креплений при повторном использовании, (Там же, с. 13)

Люди старших возрастов помнят образование в 50-е годы к северу от балки Сторчевой глубоких провалов и оседания грунтов на месте шахтных выработок и оседания грунтов к западу и северу от балки Сторчевой на месте первых подземных выработок. Пришлось переносить обширный жилой массив и промышленные объекты. Комбинат нес большие непроизводительные расходы. Чтобы впредь не допускать подобных явлений, вырабатываемое пространство стали заполнять твердеющей смесью цемента и отходов ртутного завода. Подали ее по трубопроводам диаметром 100 миллиметров.

В металлургическом цехе задумались над возможностью использования тепла от раскаленных огарков. Построили утилизационную установку. В разработке ее конструкции приняли участие Н. И. Рожнов, В. Г. Скабичевский, А. М. Головченко, И. А. Нечитайло, В. Г. Бандурко, В. С. Мисаров, Н. К. Банько. Вот и не нужно было в летнее время и в значительной части в зимнее расходовать природный газ, около трех миллионов кубометров в год.

А тормозом, по-прежнему, являлось отсутствие ручных рычажных лебедок, червячных талей, универсальных ковшо-погрузчиков, изношенный станочный парк в ремонтно-механическом цехе, в механических мастерских...

Среднемесячная заработная плата с 1986 по 1990 год составляла соответственно 239, 251, 262, 285, 333 рубля при практически неизменных ценах на продукты питания и товары широкого потребления. Одновременно сокращалась численность работников с 2751 чел. в 1986 году до 2564 чел. — 1990-м. Все они, кроме выходящих на пенсию или призванных в армию, были трудоустроены.

В конце 1984 — начале 1985 года в 134 семьи ртутнян пришла радость переселения: они обживали благоустроенные квартиры в Комсомольском жилмассиве — Каманины, Хрущевы, Кобченко, Клименко... Во второй половине 80-х годов очередь на получение жилья сократилась до минимума.

На прилавках поселковых магазинов появилась форель из своих прудов. С 1982 года с комбинатской теплицы стали покупать свежие ранние овощи. В 1983 году площадь огорода под крышей составила пять тысяч квадратных метров. Отопление производилось за счет вторичных теплоресурсов с помощью котлов-утилизаторов металлургического цеха. В 1988 году теплица поставила на прилавки магазинов 1348 центнеров огурцов, 388 центнеров помидоров, 30,7 центнеров зеленого лука. Выручка за цветы составила 57,9 тыс. рублей. Из комбинатских прудов за три года (1983-1985) получили 18 тонн рыбы. (Сведения из годовых отчетов комбината).

Традиция направления на учебу производственников, родившаяся в двадцатые годы, продолжалась. Саша Долгов пришел в цех открытых работ после десятилетки, работал помощником машиниста экскаватора. Получил путевку в Днепропетровский горный институт. Стипендиатами предприятия являлись Света Грецкая, Ира Кащенко, Ира Ганшина, Люда Липинг и другие. Кроме них, еще девяносто пять тружеников овладевали за счет комбината специальностями в высших и средних специальных учебных заведениях.

Трудовые будни восьмидесятых годов ярко высветили деловитость, энергию, способности ртутьян, их творческий характер, боевитость, высветили добрые дела.

В конце восьмидесятых годов стала меняться рыночная конъюнктура в области производства и сбыта ртути как в мире в целом, так и в нашей стране. В связи с экономическими проблемами и требованиями экологии начались усиленные поиски возможностей сокращения использования жидкого металла и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Стали падать мировые цены на ртуть. Все это не явилось неожиданностью ни для Министерства, ни для руководства Никитовского комбината. Началась перестройка. В 1989 году рабочие комбината приняли участие в общегородской забастовке шахтеров. Они еще не знали, что будущие события приведут к почти полной остановке их предприятия.

**Дни советской литературы в Горловке,
встреча на Ртутном, 1977 г.**

Ртутняне, 1970-е гг.

**Встреча с космонавтом Александром Волковым
в родной школе № 10**

На Донецкой телестудии учащиеся школы № 9

НА КРУТОМ ПЕРЕЛОМЕ

К концу 80-х годов в условиях начавшейся перестройки положение на комбинате стало ухудшаться. Но такое случалось и ранее: и при Ауэрбахе, и в трудные двадцатые годы, и в послевоенный восстановительный период. Впрочем, еще своевременно выплачивалась зарплата, без проблем горняки и металлурги получали путевки в комбинатский профилакторий. Пруд обеспечивал и своих покупателей и жителей городских поселков доброкачественной рыбной продукцией. Теплица фактически на даровом топливе поставляла свежие огурцы, помидоры... и цветы самых изящных раскрасок и разнообразных сортов. У Черноморского побережья возле поселка Лермонтовское в Краснодарском крае были возведены благоустроенные домики для трудящихся. Конкурсный опрос определил базе отдыха вполне соответствующее живописной местности название «*Солнечная поляна*». И первые, и последующие группы отдыхающих были в восторге от поистине райского уголка. Только бы радоваться таким подаркам, но... Вот это злополучное «но» и просигналило приближение неурядиц. По всем потребительским товарам и услугам цены взлетали из месяца в месяц. Приведем лишь один пример: если прежде стоимость обычной санаторной путевки доставляла 160-170 руб., да и то достававшаяся получателям за счет профсоюза с чисто символической доплатой, то в 1991 году надо было выложить за нее уже 870 руб.

Истинное же состояние дела высвечивала беспристрастная экономика предприятия. Вглядимся внимательным взором в динамику ее основных показателей. Начало снижаться содержание ртути в руде, а, значит, шла на убыль выплавка «*серебряной воды*». Это понятно: с самого начала деятельности рудника, как и в последующие периоды, выбирали самые богатые концентрации залежей киновари. Выручало непрерывное совершенствование технологических процессов, соблюдение режима экономии, внедрение научных разработок, рациональные инженерные решения, рабочий энтузиазм. В 1991 году металлурги выплавляли 412 тонн «живого серебра» — отличный показатель! А дальше стрела экономической диаграммы понеслась стремительно вниз: 1992-й — 333 т, 1993-й — 150 т, 1994-й — 42 тонны. Несколько поднялась выплавка в 1995-м — в емкости залили 93 тонны. А вот 1996-й вообще поразил и коллектив, и горловчан неожиданным для бывшего флагмана цветной металлургии Союза прямо-таки обвально низким результатом — две с половиной тонны. Всего! Это была уже скорбная лебединая песня комбината. Прежние неизменные потребители самой чистой в мире ртути стали показывать никитовцам или красные флажки полных отказов от металла или ограничивались самыми

минимальными закупками, так как и сами попадали в положение, когда их продукция месяцами, а затем и годами оказывалась невостребованной. Работа на склад означала банкротство. Так оно и происходило. И у нас, и у производителей приборов, установок, термометров, различной другой измерительной аппаратуры, препаратов. Удавалось реализовывать лишь часть «серебряной воды» в основном из неликвида прежних лет. Подобная обстановка наблюдалась на соседних угольных шахтах, на доломитном и машиностроительных заводах, в строительных организациях, алебастровом и деревообрабатывающем комбинатах, на мебельной, трикотажной, швейной фабриках...

В 1995 году добыча руды прекратилась, но шахту закрывать нельзя было. Согласно прогнозу специалистов по гидрозащите и грунтоведению приток воды мог привести к подтоплению территории поселка и проходящей рядом трассы канала «Северский Донец — Донбасо». Кроме того, через чегарникские, софиевские и чернокурганские песчаники, сбросы и разломы в горных породах в результате давних горообразовательных процессов вода в значительных объемах попадала бы в добычные горизонты соседних угольных шахт. 29 ноября 2000 года Кабинет министров Украины принял решение о выведении шахты 2-бис из состава комбината и создании самостоятельного управления. По расчетам надо было откачивать на поверхность из горизонта 450 метров около 210 кубометров воды в час.

Попытки групп рабочих изменить ситуацию на комбинате проведением забастовок, произнесением пылких речей и стуком касок по бетонным плитам у здания городского «белого дома» были обречены на неудачу. Страну поразил кризис. Сократилась до минимума выплата заработной платы даже тем трудящимся, которые работали на водоотливе, на подъемных машинах, в энергетических службах... Из производства выводились основные печи, в том числе кипящего слоя, что в свое время обеспечило комбинату освежающее второе дыхание. Metallурги некоторое время еще работали на прежних запасах руды. Но продолжим статистику по традиционно профильной продукции — ртути (в килограммах): 1997 год — 4086, 1998-й — 6024, 1999-й — около 8000... Администрация отправляла рабочих и служащих во внеочередные многонедельные бесплатные отпуска.

Большой части двухтысячного коллектива комбината пришлось вынужденно пополнить армию безработных. Даже процветавший прежде самый рентабельный цех специальных сплавов «Анод» сдал свои позиции. Прекратили работу огромное тепличное и рыбные хозяйства, свиноводческий комплекс. Чтобы хоть как-то поддержать коллектив,

пришлось продать с молотка, кроме указанного комплекса, благоустроенную «Солнечную поляну» на Черноморском побережье Кавказа, могучие БелАЗы, часть ремонтно-строительных участков, профилакторий. Один из лучших в городе спортивный городок начал зарастать бурьянами. Плавательный бассейн также пришлось закрыть на замок.

Обесценивались деньги, поэтому вводилась талонная система на приобретение в минимальных размерах основных продуктов питания, моющих средств и других товаров первой необходимости.

Небывалый кризис, поразивший страну, напрямую ударил по производству и благосостоянию ртутян. 7 мая 1996 года постановлением арбитражного суда комбинат был признан банкротом. Началась процедура его ликвидации. Так, пользуясь постулатом средневековых алхимиков о божественном покровителе жидкого металла, Его Сиятельство Меркурий протрубил никитовским горнякам и металлургам в 110-ю годовщину основания предприятия печальный звук отбоя.

В новых условиях хозяйствования надо было найти возможности хотя бы для частичного функционирования отдельных подразделений предприятия. Летом 2000 года по инициативе исполнявшего обязанности директора комбината Е. Н. Спицына и при помощи областной администрации и содействии Министерства промышленной политики и Антимонопольного комитета была предпринята попытка создания на базе производственных объектов Обществ с ограниченной ответственностью на правах его дочерних предприятий — «Сплава» на «Аноде», «Меркурия» с 20 процентами производственных мощностей металлургического цеха, «Строителя».

Не являясь самостоятельными, они не имели возможностей целесообразно по своему усмотрению распоряжаться даже теми незначительными финансовыми средствами, которые зарабатывали. В этих условиях определился актив учредителей самостоятельного акционерного общества из числа работников «Меркурия» с дополнительным включением в него 15 % тех сотрудников комбината, которые имели с подразделением определенные связи и интересы. В декабре 2000 года они и обратились к ликвидатору с предложением взять в аренду технологические линии производственных участков, некоторые транспортные средства и вспомогательное оборудование с правом их последующего выкупа. По итогам хозяйственной деятельности 2001-го и 2002-го годов удалось заработать и внести обусловленную сумму стоимости объектов.

При этом самым активным инициатором и организатором нового дела проявил себя энергичный и деятельный инженер Михаил Иванович Ханин, сумевший в сложных условиях перестройки и безработицы сохранить часть

рабочих мест, обеспечив тружеников заработной платой, и одновременно спасти от почти неизбежного разукomплектования, порчи и уничтожения материальные ценности металлургического цеха.

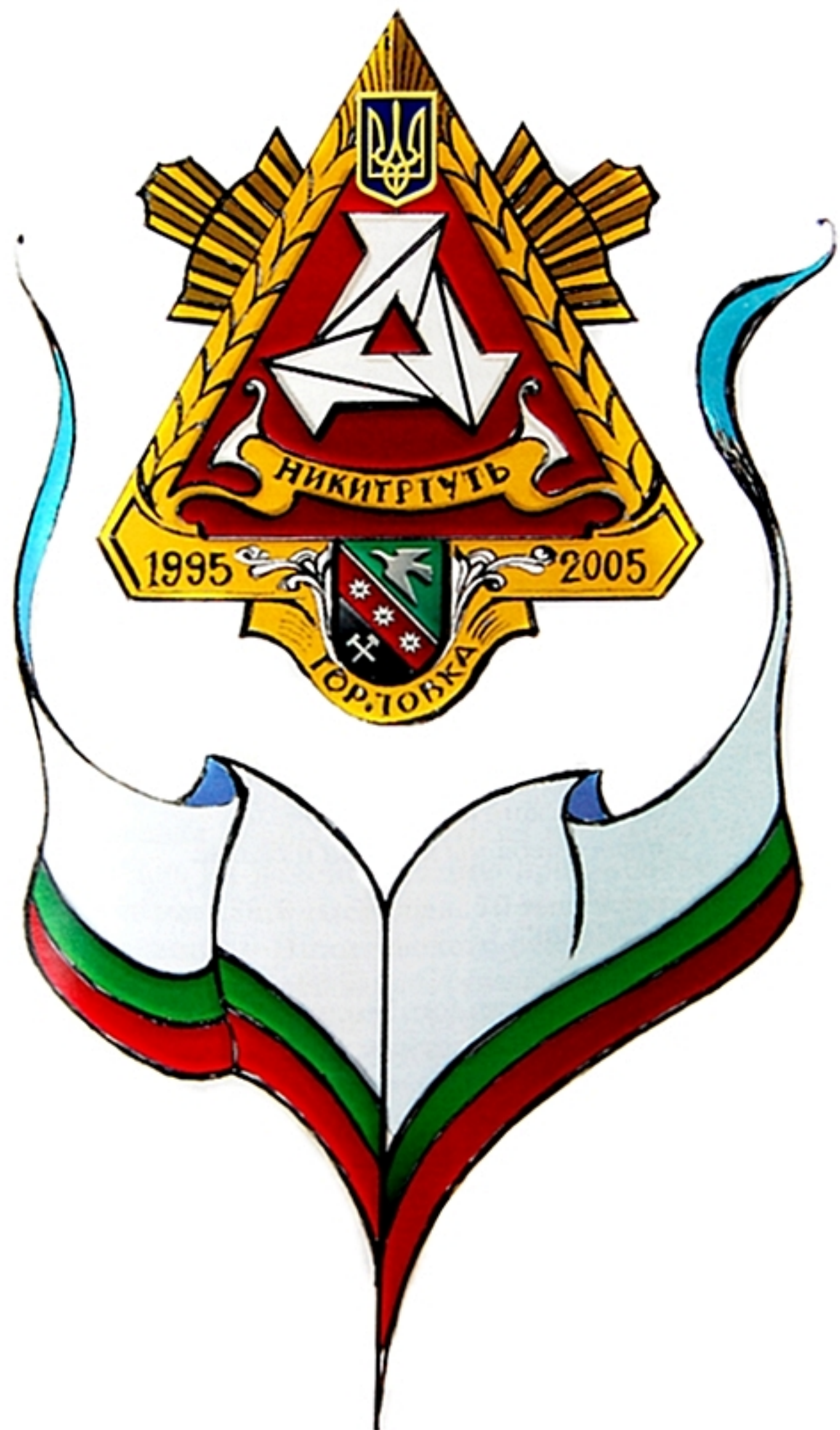
Поэт Евгений Легостаев

АБК шахты 2-бис Никитовского ртутного комбината

Коллектив ООО «Никитрутуть», 2004 г.

Гимн ООО «НИКИТРТУТЬ»
Слова Е. Легостаева, музыка А. Высоцкого

*Страна моя, еще ты не окрепла,
И сыновья, что любят горячо,
Идут, идут, восставшие из пепла,
Подставить чтоб тебе своё плечо.*

Припев:

*Мы умеем трудиться на славу.
К ней водил нас Изотов, Артём,
Принимали мы славу по праву
И по праву её обретём*

*И встанешь ты, поднимешься из праха.
Мы возвращали жизнь тебе не раз
От киевского князя Мономаха,
Вернём тебя мы к жизни и сейчас.*

Припев:

*И пока есть Земля на планете
С этим именем гордым — ДОНБАСС,
Головой за неё мы в ответе
И ответим, коль грянул наш час.*

*Мы, ртутняне, особой закваски,
Мы особого склада народ.
Ведь воспитаны мы по-донбасски,
Ведь от Горлова начат наш род.*

ООО «НИКИТРТУТЬ»

Из всех трех вышеозначенных Обществ более-менее успешно наладить производственную деятельность с самого начала удалось только «Меркурию», преобразованному в октябре 2001 года в Общество с ограниченной ответственностью с новым названием «Никитртуть» и первоначальным уставным фондом 850000 грн. Каждый из акционеров-учредителей получил свою долю в материальной и финансовой собственности предприятия в зависимости от количества ценных бумаг (акций). И практике распределения части дохода ежегодно происходит выплата дивидендов в размере ста процентов акционерного капитала. За период деятельности «Никитртутти» доля вложенных средств каждого акционера возросла в 17 раз.

Уже в начальный период деятельности «Никитртутти» начала просматриваться перспектива развития производства. Для примера остановим свое внимание на результатах 2002 года. Из вторсырья было выплавлено 56 тонн «живого серебра», переработано 2030852 люминесцентные лампы, проведена демеркуризация 10,8 тонн аккумуляторных батарей. Выпуск товарной продукции составил 954 тысячи грн., а балансовая прибыль 311 тысяч грн. Конечно, пришлось потратить на реконструкцию производственных и бытовых объектов 139,8 тысяч грн. 70 тысяч грн. выделили для выкупа здания у Никитовского ртутного комбината. Предусмотрительно часть заработанных средств оставили для формирования резервного фонда предприятия.

Руководство Обществом особое внимание уделяло и уделяет экономии материальных, энергетических ресурсов, сохранности имущества, укреплению связей с зарубежными потребителями металла. Только за 2003-ий и 2004-й годы за рубеж было продано более 100 тонн металлической ртути. Применение «серебряной воды» в последние десятилетия в связи с применением эффективных заменителей значительно сократилось, но пока полностью отказаться от ее производства и использования не предоставляется возможным, особенно в химической промышленности при производстве каустика NaOH (каустическая сода, гидроксид натрия). Поскольку возможными читателями книг будут учащиеся школ, училищ, колледжей, приведем краткие сведения об этом гидроксиде. Первоначально для его получения соду кипятили в смеси с гашеной известью, выпаривая затем воду из слитого раствора. NaOH отличается повышенной агрессивностью по отношению к органике, сильно разъедает кожу, производит плохо заживающие ожоги. Из-за этого за ним и закрепилось в

прежнее время название едкого натра. Самым эффективным и дешевым в наши дни является способ его получения в электролизерах, катодами в которых является металлическая ртуть. Возле катодов происходит разряжение ионов натрия. Образуется амальгама. Ее разлагают горячей водой, получая чистую гидроокись натрия и одновременно водород и хлор. Ртуть при этом отделяется и снова включается в работу. Гидроксид натрия широко применяется при производстве искусственных волокон, в том числе шелка, в отраслях бумажной, мыловаренной и других видов промышленности... Ртуть по-прежнему продолжает успешно трудиться.

Как известно, с начала деятельности Товарищества на вере «*Ртутное дело А. Ауэрбаха и К^о*» в 1886 году и почти до конца 60-х годов XX века рудник являлся источником значительных выбросов вредных веществ в окружающую среду. Вступивший в строй в 1968 году новый завод с особо тщательной герметизацией всех производственных линий и участков резко сократил неблагоприятное воздействие ртути на прилегающую территорию, хотя еще оставался ряд нерешенных вопросов. В воздушную среду все же ежегодно попадало около полутора тонн ртути. Сейчас этот показатель не превышает пяти-шести килограммов за такое же время. Нужно отдать должное нашим городским санитарным службам, осуществлявшим систематический контроль за поступлением ртутных паров в воздух как под факелом вблизи завода, так и в отдаленных пунктах города автоматическими регистраторами общего газового состава.

Из бывшего загрязнителя нынешняя «*Никитртуть*» является предприятием, вносящим большой вклад в улучшение экологической обстановки в Донбассе, на Украине, утилизируя и обезвреживая ртутьсодержащие приборы и установки, поступающие со всей страны и даже из Литвы и Эстонии. Переработку шламов проводит открытое акционерное общество «*Радикал*». Попытки наладить взаимовыгодные связи с Россией, Венгрией и другими соседними странами пока не увенчались успехом, так как существует запрет для европейских стран вывозить любые вредоносные вещества за рубеж. А, как известно, отслужившие свой срок ртутные приборы после разрушения представляют немалую опасность не только для мест нахождения. Ртуть из них попадает в реки, несущие свои воды через Украину в Черное и Азовское моря, а затем и в организмы рыб и морских животных. Потребление продуктов морей даже с незначительными ртутными включениями небезопасно для любого живого организма, в том числе и для человека.

Из вышеизложенного вытекает вывод: сложные проблемы надо решать совместно с другими странами и регионами, а никитовское предприятие может стать межгосударственным центром и школой оздоровления окружающей среды.

«*Никитртури*» предстоит проведение демеркуризации около 90 процентов бывших объектов и всего ранее действовавшего заводского оборудования, вентиляторов, трубопроводов, строительных конструкций, но для рентабельной работы нужны значительные средства на уровне государственных субсидий. Нет пока перспектив и по рекультивации территории на месте нынешних карьеров и породных отвалов, в которых сосредоточено около 55 миллионов тонн грунта.

Правление «*Никитртури*», решая организационные и производственные вопросы, обращает внимание на социальные проблемы, поставив цель сохранить все положительные достижения прежних времен. За последние пять лет среднемесячная заработная плата трудящихся увеличилась почти вдвое (в гривнах): 2000 год — 270, 2001-й — 306,2, в 2002-й — 342,9, 2003-й — 404,25, 2004-й — 504,7. Задержек с выплатой денег не было. Трудящимся, работающим на участках с вредными условиями труда, предоставляется дополнительный отпуск к основному от шести до десяти дней. Лечение оплачивается также за счет предприятия, как и всевозможные профилактические прививки. Имеется свой медпункт. За последние пять лет не было ни одного случая производственного травматизма. Все рабочие обеспечиваются спецодеждой и обувью, средствами индивидуальной защиты, мылом, бесплатным питанием в отлично оборудованной столовой. Имеется также благоустроенная баня.

Предприятие оказывает материальную помощь работникам в приобретении угля, в том числе пенсионерам — бывшим заводчанам. В 2004 году была оказана материальная помощь работающим сотрудникам на общую сумму 5500 грн. и бывшим работникам на сумму 8500 грн. Практикуются выезды трудящихся и их семей для загородного отдыха, сбора грибов, в цирк, на концерты... Для всех детей школьного возраста ежегодно приобретаются путевки в лагеря отдыха со стопроцентной оплатой стоимости путевок. Трудовой коллектив взял шефство над тремя сиротами детского дома. К новому учебному году для них закупается одежда, обувь, необходимые учебные принадлежности, вручаются подарки.

Успехи предприятия зависят от высокопроизводительной работы трудового коллектива и по-настоящему благоприятного рабочего климата, установившегося на всех участках производства. Их деятельность направляют и первый руководитель Михаил Иванович Ханин и

компетентный специалист, технический директор Н. П. Никитин. Хорошо зная производство, Николай Павлович повседневно вникает во все детали технологического процесса, своевременно устраняя возникающие осложнения. Знающими специалистами являются мастер Андрей Викторович Ткаченко (он же председатель профсоюзной организации), инженер по охране окружающей среды Надежда Андреевна Горлова, рафинировщица ртути Вера Семеновна Вяткина, электромеханик Игорь Рудольфович Брандт, электрослесари Владимир Викторович Кузьмин, Виктор Сергеевич Юрочкин, Иван Прокофьевич Колесник, слесарь-ремонтник Владимир Степанович Севостьянов, машинист погрузочно-доставочной машины Валерий Николаевич Романович, рабочая Галина Ивановна Мордикова... Благодаря старшему бухгалтеру Нелли Васильевне Осипе, учетная документация и делопроизводство находятся на должном уровне. За пульсом предприятия внимательно следят экономисты Светлана Васильевна Симонян и Ольга Михайловна Тришина... Добросовестно выполняет обязанности руководителя отдела кадров Ольга Викторовна Агейкина...

Добившись определенных успехов, коллектив ртутнян намечает дальнейшую программу действий. Ведутся опытные работы и пробы по извлечению из вторичного сырья никеля, вольфрама, меди, алюминия, других составных. Правда, пока что из-за дороговизны газа, электроэнергии и сравнительно низких цен на ртуть не удастся включить в работу находящееся на балансе Общества отделение муфельных печей (№ 1 и 2). Все будет зависеть в дальнейшем от скрупулезного экономического расчета и складывающейся ситуации.

Падавшее из-за свалившихся неурядиц знамя Краснознаменного Никитовского комбината со славными трудовыми и ратными традициями подхватил и поднял немногочисленный коллектив Общества с ограниченной ответственностью «*Никитртуть*». И пусть оно зримо реет, как выразился поэт Евгений Легостаев, над пятнышком «*седьмого материка*», пусть вдохновляет нынешних и будущих тружеников-ртутнян на добрые дела и на новые свершения.

ВАЛЬС ДЛЯ РТУТНЯН

Слова и музыка Е. Легостаева

I

В степи без конца и начала
Открыли мы свой материк.
Судьба нас с тобой повенчала,
Никитовский Ртутный рудник.

ПРИПЕВ:

Рудник, наш прекрасный рудник,
Родимое пятнышко наше.
О, как же для нас ты велик,
И нет на Земле тебя краше.
Рудник, рудник, рудник, рудник,
Седьмой ты на Земле материк.

II

Мы радость делили с тобою
И горе разделим в час «пик»,
Не зря мы своею судьбою
Тебя называем, Рудник.

III

На картах пусть ты не означен,
Но ты работяга и спец.
Мы впишем тебя — не иначе —
И в мышцы влюбленных сердец.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

История нашего Ртутного была бы неполной без хотя бы самого краткого обзора наработок литературного цеха. Проза, стихи, песни шли всегда рядом с трудовыми и ратными делами. В них выливались страдания и печаль от горемычной судьбы рудокопов и плавильщиков «серебряной воды», звучали призывы к борьбе за лучшую долю, взлетая ввысь подобно громовым раскатам над группами стачечников и колоннами демонстрантов, звенела радость от личных успехов тружеников и достижений коллектива, воспевались подвиги друзей.

Первые страницы художественной летописи предприятия появились на пятом году его деятельности в 1891 году в «Русских ведомостях» с легкой руки писателя Н. Е. Каронина-Петропавловского, о чем повествуется в очерке в начале книги. Почин Николая Елпидифоровича подхватили труженики подземелья и плавильных печей. Часть фольклорных произведений удалось услышать от ветеранов Ртутного, а некоторые и записать автору книги вместе с коллегами-педагогами и учащимися школ № 30, 57 в 50-70-е годы прошлого двадцатого века. У песен, припевок, страданий, легенд были, конечно, свои создатели. Первоначальные варианты подправлялись, совершенствовались или самими сочинителями или их товарищами. Индивидуальное творчество становилось коллективным. Жаль только, что многие из тех произведений навсегда унесли с собой наши предшественники.

В песне о печевом-перегребщике, подобной шахтерской «Коногонке», всё говорят слова: *«Проклятой ртутью отравился, с крестом, идет его конец»*. Почти такое же содержание в частушке:

*— Ты дроби, дробилка, камень,
Подавай на сито...
Наше счастье в Петербурге
За рубли пропито.*

Известны также песенные миниатюры времен первой мировой войны и послереволюционного периода. «Урожайными» на песни были двадцатые годы. Один из самых активных кружковцев и общественников Иван Макаров вспомнил и прислал текст *«Марша ртутнянских синеблужников»*, в котором звучали такие слова:

*Тебе привет, родной Донбасс,
От синеблужников, от нас,
Где достают, как уголь, ртуть.
Наш путь богат и светлый путь.*

Тридцатые годы в условиях массового развития изотовского и стахановского движения оставили свои выразительные песенные автографы о знаменитых подвижниках труда Волкове и Кузьмине. В вышедшем в 1940 году в Горловке литературном сборнике *«На-гора»* опубликовали свои произведения учитель школы № 10 Юрий (Марат) Андрущенко и учащийся этой же школы Сергей Посниченко. Новые песни родились в суровые годы

Великой Отечественной войны. Когда в Горловке прозвучал призыв Марии Гришутиной «*Девушки, в забой!*», его услышала и поддержала на комбинате бурильщица Аня Морозова и ее подруги, а вскоре появилась целая подборка частушек:

*Вышивала я узоры
По белому розовым...
А теперь я пропою
Про Аню Морозову...
Главный фронт, где бой идет,
А второй фронт — шахта.
Подруг Аня позвала
Дружно стать на вахту.
Закипело в шахте дело —
Вахта фронтовая,
Аня первая была,
Тонечка — вторая.
Выходили на-гора
С Ниной, Леной, Светою...
Калмыков тепло поздравил
С трудовой победою...*

Александр Ноздрин, работавший в двадцатые годы на Ртутном руднике, в тридцатые начал печататься. Из-под его пера уже тогда вышло несколько произведений, а после войны, в 1955-м, появилась повесть «*Живое серебро*». В ней он попытался в художественной форме раскрыть историю открытия ртутного предприятия.

Сергей Посниченко ушел на войну почти чуть ли не с выпускного вечера, когда, как он писал, «*взорвалась вдруг тишина*». И добавил затем откровение, поистине патриотическое:

*Нам по семнадцать, молодые
Нам только б жить,
но надо в бой...*

Легко было в детстве играть с мальчишками в войну, а когда она, настоящая, ворвалась в мирную жизнь, бросила на передовую — это совсем другое:

*Испытанье первым боем,
Не нырнешь в тальник густой,
Враг стоит перед тобою
Не в кино —
стоит живой.
Чувство острое испуга
Позже душу обожжет,
А сейчас же — друг пред другом,
Кто кого — в секундах счет...*

• • • • •

*Это завтра будет, может:
Вспомнишь яркий свет огня,
Холодок скользнет по коже:
«Он же мог убить меня!»
(«Из дневника»).*

В боях закалялась воля Сергея, мужал характер, а в редкие свободные минуты брал в руки карандаш и писал, писал. Так появлялись стихотворения о Родине, о священном долге защитника страны: «*верность клятве — высший долг бойца*», «*свой долг мы выполнили свято*», о солдатской чести.

Некоторые из стихотворений военных лет вошли затем в поэтические сборники Сергея Васильевича, другие, уже послевоенные, также отражали впечатления от увиденного, пережитого, прочувствованного, как, например, вот это:

*В поселках дальних, у дорожных вех
И в городах, что мы освобождали,
Нас целовали девушки при всех,
При всех чужие жены целовали.
Мы самые счастливые сейчас:
Их память, хоть давно расстались с ними,
Подобно ленте хроникальной, нас
Доныне сохранила молодыми.
(«В поселках дальних, у дорожных вех»).*

Лирика о войне являлась в творчестве Сергея Васильевича одной из ведущих тем, но и мирные послевоенные годы довольно ярко отразились в стихотворениях. Журналистские обязанности военкора бросали его в самые отдаленные гарнизоны и базы на Уссури и Аргуни, в таежную глухомань, в заполярные просторы тундры («Я по тундре шагал в Провиденье, спал под небом в заливе Креста»), на мыс у самого Тихого океана с названием Конец Света... И появлялись вслед за новыми впечатлениями новые строчки в блокноте:

*Здесь даже скалам трудно выстоять:
Какой он Тихий,
Черт возьми!
Он атакует нас
Неистово,
Не умолкая ни на миг*

• • • • •

*Пускай летит
На скалы острые,
Могучий,
Волны набекрень, —
Ночь отступает.
И от острова
Берет начало новый день.
(«Мыс Конец Света»).*

Правда же, чудесные строки, истинная поэзия?!
Но где бы ни был поэт, он никогда не забывал свой поселок Ртутный, Горловку, Донбасс и неоднократно писал о родной земле:

*Мой отчий край,
Учитель строгий,
Так много сделавший для нас,
Он перед нами все дороги
Открыл без фальши и прикрас...
(«Бегут за окнами равнины»).*

Сергей помнил и совет отца: « — Сын, куда бы судьба ни бросала, // А в Донбассе твой кровный причал». Уйдя в отставку, он вернулся в родные

края, некоторое время руководил горловским литературным объединением имени П. Беспощадного. До конца своих дней поэт не изменил прочно утвердившимся личным убеждениям, что и доказал поэтическим творчеством и действиями.

Младший собрат Сергея Посниченко по перу Евгений Легостаев прежде чем вышел на свою поэтическую орбиту, познал жизнь и труд рабочего на Ртутном, солдатскую службу, особенности геологических изысканий... Снова была ртутная шахта, бригада проходчиков, а, значит, трудовые рабочие мозоли... Он под завязку пропитался рабочим духом, непредвзято оценив значение труда рудокопа:

*Мой труд рублями мерить не годится,
Ему совсем другая мерка есть.
Когда ты. сможешь в черный труд
влюбиться,
Тогда познаешь, что такое честь.
(«Нет у меня среди начальства блата»).*

В «Мужской работе» те же мысли:.

*Короче, не из легких ремесло,
И, может, потому так бесшабашно
Мы любим этот труд на глубине,
Где и металл визжит, скрипит от боли...
Победа здесь всегда,
как на войне,
Зависит от характера и воли.*

Почитайте его сборники «Исповедь», «Осенние грозы», «Улыбка с грустью пополам», «Признание в любви» и вы убедитесь, что он сумел должным образом многое осмыслить и воспеть. Не раз приходилось слышать и упреки и поддевки, но при необходимости не стеснялся дать язвительную отповедь шутнику, не лез за словом в карман и тогда, когда его донимал за стихи начальник в дни невыполнения плана. А, вообще-то, Евгению везло на наставников как в горняцком деле, так и в поэтическом творчестве. В одном из стихотворений он высказал искреннюю благодарность редактору «Кочегарки» В. Литвинову за совет: « Ты пиши картину, чтобы пахла, // Чтобы я почувствовал вот здесь, // Как твоя взволнованная птаха //

Прилетает в дом свой, а не в лес» и признавался: «У него я многому учился, // Главное — от всей души любить».

Евгений Иванович воспел Ртутный как никто другой. Нет, не квасной патриотизм заложен в его поэзии, а справедливое описание реальной действительности, достижений и просчетов трудового коллектива. Испробовав разные работы в геологической бригаде, в школьной мастерской, он вернулся к нелегкому труду горняка, поэтому так искренне звучит его признание *«Рудник мой Ртутный, судьба моя»* или *«Рудник 2-бис — мой дом и школа. // Я здесь давно не новосел, // Как по путевке комсомола, // По зову сердца я пришел... И до сих пор я помню очень, // Боготворю начало дня, // Что окрестил меня рабочим, // В шахтеры посвятил меня»*. Перечислим названия некоторых других стихотворений о «материке»: *«Мол земля... Поселок Ртутный»*, *«Ода Ртутному»*, *«Ртутному»*, *«Родина «Ртутный»*, *«Ртутный»*, *«Ах, Ртутный, Ртутный»* ... Так же любовно воспет Евгением родной город: *«Горловка»*, Донетчина — *«Донецкий край»*, *«Я люблю тебя, Донбасс»* ...

Только тот, кто по-настоящему влюблен в родную Горловку, в ее укромные уголки с сохранившимися кое-где первозданными участками доледниковых байрачных лесов в ярах и балках, в степное разнотравье на целинных косогорах с белесыми султанами ковылей, может по достоинству оценить их значение для горожан, проживающих в многоэтажках да еще и вблизи промышленных предприятий. С давних пор излюбленным местом загородного отдыха жителей являлся Круглый лес. Здесь прежде проходили маевки рабочих Ртутного поселка и Нелеповки, собиралась молодежь. Не преминул сказать доброе слово о нем и Евгений Иванович:

*Здесь так тепло и так уютно.
Почти в мой рост стоит трава.
Кует кукушка поминутно
Лишь мне понятные слова.
Как персонаж из доброй сказки,
Бредет с котомкою старик...
Я не сгустил нисколько краски,
Здесь будто новый материк,
Что не открыт и не опознан,
Не облюбованный никем...
Пью тишину, пока не поздно,
От шумных шахт невдалеке.
(«Круглый лес»).*

В другом произведении «*В Круглом лесу*» такое же восхищение:

*Как не писать вот здесь стихи,
Когда краса — не наглядеться...*

В праздничные и юбилейные дни на предприятии звучат музыкальные произведения на слова Евгения Ивановича — «*Гимн ООО «Никитртуть»*», «*Вальс для ртутнян*»...

Выше сделана попытка сжатого анализа некоторых произведений Е. Легостаева автором книги, но о нем, о Жене, наш талантливый и оригинальный горловский поэт Владимир Демидов написал хорошее стихотворение. Приведем его полностью:

*Спит земля, туманом обрастая.
Спит река. И сон еще глубок.
В эту пору Женька Легостаев
На воду выводит поплавок.
Женька, мастер добрых дел и трудных,
У реки весь день сидеть готов.
За его плечами ртутный рудник,
Километры поднятых пластов.
Он ушел впервые в отпуск летом
И не мог от радости уснуть.
И ему вода в лучах рассвета
Кажется похожею на ртуть.*

Работа горняка и поэтическое творчество поэта получили общественное признание. Он награжден двумя Знаками «*Шахтерской славы*», литературными премиями имени поэтов П. Беспощадного, В. Шутова, В. Демидова, Н. Рыбалко... Будем надеяться, что Евгений Иванович порадует своих почитателей новыми замечательными стихотворениями.

Литературная премия имени Владимира Демидова, учрежденная Обществом «*Никитртуть*», была вручена также поэту и журналисту Александру Сергеевичу Горяйнову, писавшему интересные и объективные заметки, статьи, репортажи о трудовых свершениях и буднях коллектива ртутнян.

Поселок Ртутный, его люди возвеличены и в творчестве А. А. Шевчук. История поселка — это история первых жилищ: казарм и землянок для рабочих, благоустроенных особняков для владельцев и высшего начальства

акционерного общества. И началась она на полгода раньше пуска в работу рудника в 1886 году. Поселок неоднократно перестраивался, подновлялся, рядом в 50-60-е годы XX века выросли кварталы жилмассива, названного в честь подвига космонавта Комарова. А вдоль балки Сторчевой сохранились дома, которым за сотню лет. Детская память будущей поэтессы сохранила впечатления о ртутнянских окраинах и отразилась впоследствии в описании происшедших изменений:

*Наш поселок постарел,
Но узнать нетрудно.
В суматохе дней и дел
Твой поселок Ртутный.
Не спеша я все брожу
Средь его домишек...*

В стихотворении «Ртутному», будто к живому собеседнику, обращены благодарные слова:

*Как бы жизнь не повернула круто,
Как бы мне везло иль не везло,
Я приду к тебе, поселок Ртутный,
Сохранив в душе твое тепло...*

И в заключении:

*Мы с тобой не просто ведь знакомы, —
Ты учил меня любить и жить...*

В шахтах в конце 20-х — начале 30-х годов появились подземные медпункты, а в них заботливые медсестры. Алла Александровна написала добрые слова в стихотворении «Подземная медсестра»:

*Все это похоже на сказку,
На дедову сказку про фей:
Короной — шахтерская каска,
Решительный росчерк бровей.
Но в шахте, где вечная полночь,
Сквозь давящий теменью страх,
По зову приходит на помощь
Подземных глубин медсестра!*

А ведь такое вполне можно соотнести, например, к работе довоенной медсестры шахты «Чегарники» Александры Мясниковой. Пройдя испытание и закалку воли тревожным подземельем, она проявила себя на фронтах Великой Отечественной войны настоящей героиней, неоднократно оказывая помощь раненым солдатам и командирам под жестоким огнем, бомбежками гитлеровцев, и спасла тем самым жизни многим воинам. А когда полевой госпиталь в самом начале войны оказался в окружении и из всего медперсонала с ранеными осталась она одна, Саша не растерялась. Пристроив самых тяжелых красноармейцев у местных жителей, она вооружила тех, кто мог двигаться, и вывела всю группу к своим.

Другие стихотворения Аллы Александровны в сборнике «Запоздалое раскаяние» читаются с интересом, вызывают раздумья, создают хорошее настроение, как и эти строки:

*Ароматом спелых вишен,
Дымкой легкой,
голубой,
Яркой россыпью домишек
Он встречает нас с тобой.*

• • • • • • • • • •

*Здравствуй, Ртутный,
Добрый Ртутный,
Стольный град наш,
Старый друг!..*

История ртутного предприятия продолжается. «Никитртуть» неплохо ведет работу. Будем надеяться, что появятся и новые произведения литераторов о трудовом коллективе ртутнян, новые песни.

СОДЕРЖАНИЕ

Hidrargirum — «серебряная вода» — ртуть	5
Древние рудокопы	12
Открытие инженера Миненкова	15
Первая ртуть	17
Писатель С. Каронин о ртутном руднике	22
Штрихи к портрету А. Ауэрбаха	28
Акционерное общество: взлет и падение	36
«Мы должны сами ковать свое счастье»	43
Год 1905-й	45
Трудные времена	48
В начале первой мировой	53
От Февраля к Октябрю	59
В боях и походах	67
«Трудом добудем хлеб, уголь, металл!»	73
Реконструкция	88
Большие шаги	97
Великая Отечественная.	112
Эвакуация.	116
Под игом оккупантов	119
Дни и ночи Хайдаркана	124
Фронтные дороги	131
Из пепла и руин	145
И трудности, и достижения.	154
Ступени восхождения	160
По пути технического прогресса	168
Рабочие высоты	180
Будни трудовые	189
На крутом переломе	204
ООО «Никитртуть»	211
Литературные страницы	214

*Автор выражает искреннюю признательность
Правлению **ООО «Никитртуть»**
и его председателю **Михаилу Ивановичу Ханину**
за понимание большого значения истории
предприятия в воспитательной работе
среди коллектива трудящихся,
учащейся молодежи и населения региона,
а также за финансирования издания книги*

Науково-публіцистичне видання

Жеребецький Петро Іванович

«ЖИВЕ СРІБЛО» ДОНБАСУ

Російською мовою

Комп'ютерний набір *О. Агейкіна*

Редактор *А. О. Шевчук*

Художнє оформлення *Л. Ф. Толстов, заслужений художник України*

Технічний редактор *Ю. М. Федюшкіна*

Підписано до друку 20.05.2005 р.

Формат 60x84/16. Папір офсетний.

Гарнітура «Newton». Друк — різнографія.

Ум. друк. арк. 14,53. Обл.-вид. арк. 13,80.

Наклад 300 прим. Зам. № 050.

Видавництво та друк ТОВ «Юго-Восток, Лтд».

83055, Донецьк, вул. Щорса, 17.

Тел./факс: (062) 305-50-13; e-mail: vostok@skif.net

Свідоцтво про держреєстрацію:

серія ДК № 1224 від 10.02.2003 р.

Пётр Иванович ЖЕРЕБЕЦКИЙ родился в 1927 году в селе Николаевка Бердянского района Запорожской области. После службы в Советской Армии (1945-1947 гг.) работал в колхозе, учителем в школе, в общественных организациях Бердянского района.

После окончания историко-филологического факультета Сталинского (Донецкого) пединститута занимался педагогической деятельностью.

В результате исследовательской работы издал несколько десятков краеведческих очерков. Автор книг: «Горловка в годы Великой Отечественной войны», «Горловка», «Легенди, міфи, бувальщини рідного краю», «Горловка: наш песенный фольклор».